402
H103

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

1266.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

1873

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ И ОСЬМАЯ

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ

Проверено 19

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ и ОСЬМАЯ — ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

I. — О НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА И РАЗВОДѢ ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.—IV.—*(Окончаніе)* **М. П. Соловьева.** 3

II. — ОБЫЧНО-НАРОДНЫЯ И КНЯЖЕСКІЯ НАКАЗАНІЯ ПО ДРЕВНЕ-РУССКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ. — I. Обычно-народная месть. — **А. А. Сухова.** 44

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

III. — ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПРІЮТЪ МАЛОЛѢТНИХЪ, УСТРОЕННЫЙ ОБЩЕСТВОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ ВЪ МОСКВѢ.—**И. Ю. Некрасова.** 1

IV. — КРИТИКА. Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ. Изслѣдованіе М. В. Духовскаго. Ярославль 1873 г.—**В. Н. Лешкова.** 22

V — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Дѣло о крестьянкѣ Агафьѣ Трифоновой сужденной за кражу со взломомъ. (Тульскаго Окр. Суда съ присяж.) . 27

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1873

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

О НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

И РАЗВОДѢ

ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

(Окончаніе).

Мы уже изложили выше воззрѣнія протестантовъ на бракъ. Признавая бракъ союзомъ весьма важнымъ для религіознаго воспитанія человѣка и подлежащимъ благословенію церкви, тѣмъ не менѣе, протестанты представляютъ его явленіемъ свѣтскимъ, получающимъ свою форму и свое законное бытіе отъ государственной власти. Отсюда является полная возможность дать браку основаніе чисто-юридическое. Постановленія IV главы заимствованы изъ устава евангелическо-лютеранской церкви, изданнаго въ имперіи въ 1832 г. Свѣтскій характеръ протестантскаго брака подалъ возможность установить правила общія для лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій.

Составители закона 1836 года не встрѣтили никакихъ существенныхъ затрудненій при начертаніи правилъ о бракахъ между протестантами. Постановленіе о семъ предметѣ закона 1825 г., не возбудили ни противодѣйствія, ни возраженій со стороны протестантовъ; предположено было удержать ихъ и въ законѣ 1836 г. «Однако, чтобы установить согласіе между католическимъ бракомъ и протестантскимъ, положено было допустить въ число препятствій къ браку

слѣдующія препятствія, которыя признаются католическою церковію обстоятельствами, дѣлающими бракъ недѣйствительнымъ, (imp. dirimentia, empêchemens dirimans)»: *) 1) прелюбодѣяніе, соединенное съ покушеніемъ на жизнь невиновнаго супруга; 2) прелюбодѣяніе, соединенное съ обѣщаніемъ вступить въ бракъ въ случаѣ кончины невиновнаго супруга; 3) убійство супруга; 4) лицо разведенное по прелюбодѣянію не можетъ вступать въ бракъ съ тѣмъ лицемъ, съ которымъ прелюбодѣяніе совершилось. Кромѣ преступленія, препятствіе къ браку составляютъ: 5) иновѣріе: запрещается бракъ съ лицемъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія. По уставу 1832 года, въ Россіи дозволенъ бракъ между лютеранами съ одной стороны и между евреями и магометанами съ другой стороны; цѣль такого дозволенія ясна изъ того, что дѣти, рожденныя въ такомъ бракѣ, должбыть воспитываемы въ христіанской вѣрѣ. Въ царствѣ Польскомъ такіе браки были воспрещены еще въ уложеніи 1825 г., и это запрещеніе было сохранено въ положеніи 1836 г. 6) Прежній брачный союзъ законно нерасторгнутый. 7) Родство и свойство. По родству и свойству, бракъ воспрещается: а) между всѣми родными восходящей и нисходящей линіяхъ, между братьями и сестрами родными, единокровными и единоутробными, между вотчимомъ и падчерицей, между мачихой и пасынкомъ, между зятемъ и тещей, между невѣсткой и свекромъ, хотя бы отъ брака уже расторгнутаго смертью или судебнымъ приговоромъ, положившаго основаніе этому свойству, не было дѣтей; между племянникомъ и родной теткой. Въ этихъ степеняхъ родства бракъ безусловно воспрещается, а заключенный бракъ признается ничтожнымъ. Бракъ между усыновившимъ и усыновленнымъ, равномѣрно между дядей и родной племянницей, или племянника съ вдо-

*) Pour cimenter cependant une certaine harmonie entre le mariage catholique et le mariage protéstant, nous avons crû mettre au nombre des motifs qui empêchent le mariage des personnes professant la réligion lutherienne et des personnes professant la réligion réformée, les causes suivantes, reputées, empechemens dirimans par l'Eglise Catholique.— Exposé des motifs etc.

вой дяди, т. е. роднаго брата отца или матери, лишь по особенно важнымъ причинамъ, допускается съ разрѣшенія генеральной консисторіи. Консисторія обязана немедленно доводить о таковыхъ бракахъ до свѣдѣнія главнаго управленія духовныхъ дѣлъ. Подобные браки признаются недѣйствительными, если они заключены безъ разрѣшенія генеральной консисторіи.

Въ 1849 году, *) вмѣсто одной генеральной консисторіи, были учреждены двѣ: евангелическо-аугсбургская, которая завѣдуетъ также дѣлами моравскихъ братьевъ и меннонистовъ, и евангелическо-реформатская. Обрядъ бракосочетанія, которому должны предшествовать оглашенія, совершается въ церкви, о совершеніи его записывается въ метрическую книгу. Разрѣшается исполнить сей обрядъ и внѣ церкви на дому.

Браки лицъ протестантскихъ вѣроисповѣданій прекращаются смертью одного изъ супруговъ и расторгаются разводомъ. Причинъ къ разводу законъ допускаетъ десять. Ихъ можно подвести подъ двѣ главныя категоріи. А) Бракъ можетъ быть прекращенъ вслѣдствіе нарушенія супружескихъ обязанностей, къ чему относятся: 1) злонамѣренное оставленіе супруга или супруги; 2) прелюбодѣяніе; 3) развратная жизнь; 4) жестокое, опасное для жизни обращеніе; 5) намѣреніе лишить супруга чести, свободы, должности или ремесла. Б) Отсутствіе въ одномъ изъ супруговъ тѣхъ условій и качествъ, безъ которыхъ брачное сожитіе дѣлается невозможнымъ; сюда относятся: 1) безвѣстное отсутствіе; 2) физическая неспособность къ брачному сожитію; 3) неизлѣчимая, прилипчивая, или крайне отвратительная болѣзнь; 4) сумасшествіе; 5) присужденіе къ уголовному наказанію.

Приступая къ опредѣленію поводовъ къ разводу протестантскихъ браковъ, составители закона руководствовались

---

*) Высочайшій указъ 8 (20) февраля 1849 г.; уставъ для евангелическо-аугсбургской церкви § 144; положеніе объ управленіи дѣлами евангелическо реформатской церкви въ царствѣ польскомъ, § 7. Дневн. зак. т. 47, стр. 4, 162, 244.

предположеніемъ о необходимости придать брачному союзу болѣе строгую, прочную форму, хотя, какъ мы видѣли прежде въ 1825 году, въ законодательный комитетъ поступали заявленія, въ которыхъ указывалось, что въ судахъ почти вовсе не производится дѣлъ бракоразводныхъ между протестантами и потому необходимости измѣнять существовавшія правила для разводовъ протестантскихъ браковъ, по видимому, не представлялось. Тѣмъ не менѣе, составители положенія 1836 года отнеслись къ источникамъ своихъ работъ, согласно общему ихъ направленію, очень самостоятельно. Генеральная консисторія евангелическихъ исповѣданій представила за своей подписью изложеніе причинъ къ разводу между протестантами, но при первомъ обозрѣніи этого документа оказалось, что это ни что иное, какъ простая компилляція постановленій, дѣйствующихъ въ Пруссіи, составленныхъ въ концѣ XVIII вѣка и, по легкости съ которой она допускаетъ разводъ, непредставляющая достаточныхъ средствъ къ прекращенію этого зла. «Между тѣмъ, говорятъ авторы объяснительной записки къ закону 1836 г.: *) мнѣнія протестантовъ относительно расторженія брака, нѣкогда очень распущенныя и вошедшія въ различныя законодательства къ концу XVIII вѣка, допускавшія безграничную податливость безнравственнымъ страстямъ супруговъ (les passions desordonnées des époux), начали, съ тѣхъ поръ, принимать болѣе строгій оборотъ; такъ прусское законодательство недавно ограничило разводъ по поводу взаимнаго согласія супруговъ бездѣтныхъ и можно надѣяться, что на этомъ не остановится». По этимъ соображеніямъ, правила, представленныя генеральной консисторіей, не могли имѣть такого же вліянія на составленіе положенія 1836 г., какое имѣла записка польскихъ епископовъ 1830 г. Болѣе согласовался съ видами дѣятелей уставъ лютеранской церкви 1832 года; но и онъ казался недостаточно строгимъ. Правила устава о разводѣ заимствованы изъ прусскаго уложенія, но съ ограниченіями:

*) Motifs sommaires.

недопущенъ разводъ по причинѣ недоставленія женѣ средствъ къ содержанію, по взаимному согласію бездѣтныхъ супруговъ, въ случаѣ перемѣны религіи. Уставъ 1832 года, вообще, отличается стремленіемъ согласить, сколько возможно, начала протестантскаго исповѣданія съ религіозными понятіями о брачномъ союзѣ. Поэтому, почти для всѣхъ причинъ къ разводу приняты ограниченія которыхъ нѣтъ въ прусскомъ уложеніи. *) Это направленіе, по основаніямъ, которыя едва ли можно признать достаточными для реформы въ гражданскомъ правѣ, **) получило дальнѣйшее развитіе въ положеніи 1836 года: были допущены два существенныя отличія отъ устава: между причинами къ разводу не помѣщенъ отказъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей, потому что доказательство этого обстоятезьства можетъ дать поводъ къ соблазну, и ограниченъ разводъ по причинѣ личныхъ обидъ и оскорбленій. Замѣчательно и то обстоятельство, что при всемъ своемъ религіозномъ воззрѣніи на бракъ, составители положенія не признали возможнымъ удержать въ законѣ правило, которымъ руководствовалась до 1836 года генеральная консисторія, относительно развода по причинѣ перемѣны религіи однимъ изъ супруговъ. Въ этомъ случаѣ они слѣдовали уставу 1832 года. Однако, въ отношеніи къ сферѣ приложенія, положеніе двухъ законовъ различно. Въ имперіи православное населеніе составляетъ преобладающее большинство, браки протестантовъ съ православными чаще нежели съ католиками и умолчаніе устава о послѣдствіяхъ перемѣны религіи сдѣланы въ видахъ огражденія браковъ, когда одинъ изъ супруговъ обращается въ православіе. Въ царствѣ число православныхъ незначительно, католицизмъ, по числу исповѣдниковъ и по своему общественному вліянію всегда преобладалъ надъ протестантизмомъ въ польскомъ

---

*) Заборовскій 234, 235.

**) On a eu présentes les paroles proférées par une bouche auguste „que le protestantisme ne doit pas autoriser à n'avoir pas de réligion“ et on a eu en consequence rayé du nombre des chefs du divorce le réfus de remplir les devoirs conjugaux comme prétant au scandale.

обществѣ, обращеніе въ католицизмъ чаще изъ протестантизма нежели обратно, а число браковъ между протестантами и католиками чаще, нежели между первыми и православными, потому непризнаніе перемѣны религіи поводомъ къ разводу имѣетъ своимъ послѣдствіемъ распространеніе католицизма въ ущербъ протестантизму.

Обратимся теперъ къ разсмотрѣнію указанныхъ въ законѣ поводовъ къ разводу каждаго особо. Прелюбодѣяніе принадлежитъ къ числу такихъ преступленій, которыя никогда не могутъ быть доказаны, если бы требовать прямыхъ, совершенно ясныхъ доказательствъ. *) Потому бракъ расторгается по прелюбодѣянію не только въ случаѣ совершенно ясныхъ доказательствъ, но и при сильномъ подозрѣніи, когда оно, истекая изъ обстоятельствъ обнаруженныхъ слѣдствіемъ, влечетъ за собою осужденіе виновнаго (ст. 147). Для подачи прошенія о разводѣ по причинѣ прелюбодѣянія назначается годичный срокъ съ того дня, когда невиновная сторона узнала о совершеніи преступленія. Потому прелюбодѣяніе не можетъ служить поводомъ къ разводу, если пропущенъ срокъ для подачи прошенія о разводѣ, если невинный супругъ простилъ виновнаго супруга или оставался съ нимъ въ супружескомъ сожитіи. Отвергается просьба о разводѣ въ томъ случаѣ, если супругъ—истецъ также виновенъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, но это обстоятельство не можетъ препятствовать принятію иска судомъ, если доказано будетъ, что противная сторона, зная объ этомъ обстоятельствѣ не менѣе года, не приносила съ своей стороны жалобы на прелюбодѣяніе истца. Послѣ того, какъ консисторія постановитъ приговоръ о разводѣ по прелюбодѣянію, документы, относящіеся къ дѣлу, передаются прокурору уголовнаго суда для предъявленія на виновнаго надлежащаго уголовнаго иска.

---

*) Заборовскій, стр. 235. Въ Германіи нѣкоторыя консисторіи, относясь строго къ доказательствамъ прелюбодѣянія, даютъ поводъ къ возникновенію весьма соблазнительныхъ случаевъ судебной практики. См. Merz, Ueber Ehe und Ehescheidung, стр. 14, 15, Leipzig, 1861.

Злонамѣренное оставленіе супруга считается у протестантовъ поводомъ къ разводу, основанномъ на словахъ Св. Писанія. Такъ какъ юридически мѣстожительство мужа есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстожительство жены, жена можетъ быть принуждена слѣдовать за мужемъ, въ случаѣ же отказа съ ея стороны, можетъ быть по нѣкоторымъ законодательствамъ, подвергнута поденному денежному взысканію, даже отобранію доходовъ, если она владѣетъ отдѣльнымъ имуществомъ; такое же взысканіе налагается и на мужа, если онъ упорно отказывается принять свою жену въ свой домъ. Злонамѣренное оставленіе, какъ поводъ къ разводу, представляло составителямъ закона 1836 года большія затрудненія. При тѣхъ мѣрахъ, которыя гражданская власть могла бы принять къ прекращенію этого обстоятельства, злонамѣренное оставленіе представлялось ничѣмъ инымъ, какъ взаимное согласіе супруговъ на прекращеніе брака. Но энергическія мѣры, которыя принимаетъ французское законодательство для возстановленія супружескаго сожитія, оказались неудобными для примѣненія къ браку, опредѣленному согласно воззрѣніямъ протестантизма. Законодательная власть ограничилась нѣкоторыми мѣрами для предупрежденія законныхъ разводовъ, и разводъ, по этому поводу, влечетъ за собою запрещеніе разведенному супругу вступать въ новый бракъ въ теченіе шести лѣтъ при жизни другаго супруга. Постановленія закона состоятъ въ слѣдующемъ. Перемѣна въ мѣстопребываніи мужа не можетъ считаться злонамѣреннымъ оставленіемъ жены, которая обязана по закону слѣдовать за мужемъ всюду, гдѣ онъ заблагоразсудитъ имѣть жительство. По просьбѣ одной изъ сторонъ бракъ можетъ быть расторгнутъ лишь тогда, когда другая сторона, безъ уважительныхъ обстоятельствъ и достаточнаго повода, оставила ее и не соглашается возвратиться къ ней. Предъявленіе такой просьбы дозволятся мужу только въ томъ случаѣ, когда онъ требовалъ чрезъ мѣстную полицію, чтобы возвратилась къ нему жена, оставившая его, не имѣя его согласія и законныхъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, чтобы по возможности, не допустить смѣшенія простой отлучки съ зло-

намѣреннымъ оставленіемъ, подача просьбы о разводѣ разрѣшается лишь по предварительному дозволенію на то со стороны подлежащей консисторіи. Поводомъ къ прошенію о разводѣ по злонамѣренному оставленію можетъ служить, если одна изъ сторонъ, оставивъ другую, въ продолженіи года не даетъ о себѣ извѣстій. Оставленная сторона можетъ просить консисторію о сношеніи съ подлежащими властями для отысканія мѣстопребыванія супруга. Если этимъ способомъ не будетъ отыскано, гдѣ находится супругъ, тогда онъ вызывается въ консисторію чрезъ газеты. По истеченіи года, со дня врученія ему повѣстки о явкѣ въ судъ или напечатанія вызова въ газетахъ, можетъ послѣдовать разводъ. Разводъ можетъ послѣдовать и по прекращеніи злонамѣреннаго оставленія, если жена, возвратившаяся послѣ самовольной отлучки къ мужу, не представитъ ему достовѣрныхъ свидѣтельствъ въ безпорочномъ поведеніи во время отсутствія.

Бракъ прекращается по просьбѣ одной стороны по причинѣ безвѣстнаго отсутствія другой стороны, удостовѣреннаго на общемъ основаніи. Физическая неспособность къ сожитію составляетъ поводъ къ расторженію брака по просьбѣ одной изъ сторонъ тогда, когда неспособность эта началась до брака, или же наступила послѣ, но по винѣ другой стороны. Просьба о разводѣ въ этомъ случаѣ допускается не ранѣе, какъ по прошествіи трехъ лѣтъ съ открытія неспособности одного изъ супруговъ. Прилипчивая и крайне отвратительная болѣзнь тогда даетъ право просить о разводѣ, когда она была скрываема до брака, или наступила послѣ заключенія брака. Болѣзнь душевная, сумасшествіе или припадки бѣшенства, одной стороны даютъ другой право требовать прекращенія брака, если она докажетъ судебнымъ порядкомъ (т.-е. въ гражданскомъ судѣ), что поврежденіе умственныхъ способностей продолжается болѣе года и, по мнѣнію врачей, утвержденному главнымъ медицинскимъ совѣтомъ, нѣтъ надежды на выздоровленіе. Больной супругъ въ этомъ случаѣ долженъ быть обезпеченъ въ содержаніи, со стороны другаго супруга, если не имѣетъ

своего собственнаго достаточнаго имущества. Въ 1867 году главный медицинскій совѣтъ упраздненъ и постановленіе медицинскихъ заключеній о свойствѣ умопомѣшательства возложено на врачебныя отдѣленія губернскихъ правленій. Если одна изъ сторонъ совершенно порочнаго поведенія и до такой степени предана пьянству и инымъ унизительнымъ порокамъ, или безразсудной расточительности, что достояніе супруговъ приходитъ отъ того въ упадокъ, то другая сторона можетъ просить о разводѣ, но лишь послѣ того, когда всѣ увѣщанія друзей, пастора и надлежащаго присутственнаго мѣста остались безъ послѣдствій и супругъ не измѣнилъ своего порочнаго поведенія.

Жестокое обхожденіе, угрожающее опасностью жизни, соединенное съ ругательствами, побоями и другими чувствительными оскорбленіями, даетъ право невинной страждущей сторонѣ просить о разводѣ. Разводъ допускается только въ томъ случаѣ, когда увѣщанія пастора и общихъ друзей о примиреніи супруговъ остались тщетными. Кромѣ того, подлежащая консисторія опредѣляетъ, въ видахъ примиренія, временное разлученіе. Послѣ того, какъ эти средства не приведутъ къ возстановленію согласія и мира между супругами, можетъ быть постановлено рѣшеніе о разводѣ. Для предъявленія прошенія о разводѣ назначается годичный срокъ, по истеченіи котораго оно не принимается. Отказывается въ разводѣ, если окажется, что невиновный супругъ простилъ виновному нанесенное оскорбленіе; равномѣрно, если откроется, что супругъ-истецъ дурнымъ своимъ поведеніемъ или злостью самъ далъ поводъ къ жестокому съ нимъ обращенію и даже возбуждалъ къ оному для достиженія развода. Если одна изъ сторонъ, клеветами или иными неправильными дѣйствіями, покушалась лишить другую сторону чести, свободы, должности или ремесла, то сей послѣдней, по представленіи точныхъ доказательствъ такихъ дѣйствій, предоставляется право просить о разводѣ и срокъ для подачи прошенія назначается шестимѣсячный. Пропущеніе срока признается, какъ продолженіе мірнаго брачнаго сожитія, наравнѣ съ прощеніемъ.

Если одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія, соединенному съ ссылкой на каторжныя работы или на поселеніе въ Сибирь или на Кавказъ, другому супругу предоставляется просить о расторженіи брака. То же право остается за невиновнымъ супругомъ, если другая сторона приговорена къ уголовному наказанію за противоестественные пороки, или же скрылась вслѣдствіе содѣяннаго ею преступленія, хотя бы судебный приговоръ и не былъ произнесенъ.

Для наказанія лицъ, нарушившихъ супружескія обязанности и чтобы предупредить противозаконные разводы по взаимному согласію, которые могли бы встрѣчаться часто, если бы съ ними не было сопряженно никакихъ послѣдствій для виновной стороны установлены, по примѣру устава 1832 г., сроки для вступленія въ новый бракъ по расторженіи прежняго. Въ уставѣ 1832 г. принято, что супругъ, виновный въ нарушеніи супружеской вѣрности или въ злонамѣренномъ оставленіи, можетъ вступить въ новый бракъ при жизни другаго супруга, не иначе какъ съ дозволенія сего послѣдняго и съ утвержденія подлежащей консисторіи. Это правило не было, впрочемъ внесено въ положеніе 1836 года, потому что оно опять вводило въ законъ систему диспенсацій, отвергнутыхъ по отношенію къ вторичнымъ бракамъ католиковъ, первый бракъ коихъ былъ признанъ недѣйствительнымъ, и еще пототому, что такая мѣра относилась только къ послѣдствіямъ двухъ поводовъ къ разводу. Чтобы согласовать послѣдствія развода для протестантовъ съ послѣдствіями признанія браковъ недѣйствительными для католиковъ законъ раздѣлилъ поводы къ разводу на двѣ категоріи, Въ первой стоятъ нарушеніе супружеской вѣрности и злонамѣренное оставленіе, признаваемыя протестантскими богословами какъ причины наибольшей важности, ведущія за собой нарушеніе супружеской клятвы въ вѣрности. Согласно съ этимъ, воспрещается виновному супругу, разведенному по одной изъ этихъ двухъ причинъ, вступать при жизни другаго супруга въ новый бракъ ранѣе истеченія шести лѣтъ со дня расторженія прежняго брака. Продолжитель-

ность срока вызвана въ законѣ и тѣмъ обстоятельствомъ, что достовѣрность прелюбодѣянія или злонамѣренности оставленія доказывается весьма трудно и можно предполагать, что супруги доказываютъ эти обстоятельства злонамѣренно, для полученія развода по взаимному согласію. Во второй категоріи помѣщены поводы къ разводу, дѣйствительность которыхъ можетъ быть раскрыта судебнымъ порядкомъ, такъ что нельзя опасаться противозаконнаго расторженія брака, сюда относятся: развратная жизнь, жестокое обращеніе, доказанное злое намѣреніе и преступленіе. Въ этихъ случаяхъ виновной разведенной сторонѣ воспрещается вступать въ бракъ вторичный, при жизни невиновнаго супруга, въ теченіи трехъ лѣтъ. Браки, заключенные при нарушеніи этихъ сроковъ, признаются недѣйствительными и прокурорскому надзору вмѣняется въ обязанность вчинать иски объ уничтоженіи ихъ. Затѣмъ, когда при разводѣ ни одинъ изъ супруговъ не обвиняется въ нарушеніи своихъ обязанностей, для вступленія въ новый бракъ не назначается никакихъ сроковъ. Таковы разводы по безвѣстному отсутствію, по физической неспособности къ сожитію, вслѣдствіе прилипчивой или отвратительной болѣзни и сумасшествія.

Десятимѣсячный срокъ, установленный для лицъ женскаго пола, со дня прекращенія прежняго ихъ брака до вступленія въ новый бракъ, принятъ по необходимости опредѣлить отечество дитяти, могущаго родиться въ теченіе этого времени.

Дѣла о недѣйствительности и о расторженіи браковъ между лицами протестантскихъ вѣроисповѣданій подлежали единственному и окончательному разсмотрѣнію генеральной евангелической консисторіи до 1849 г., а съ этого года разсматриваются въ подлежащихъ, аугсбургской или лютеранской, консисторіяхъ. Образцомъ для организаціи этихъ судебныхъ мѣстъ послужило учрежденіе духовнаго лютеранскаго суда, подробно изложенное въ уставѣ 1832 года. Вслѣдствіе того, что до 1836 года дѣла о протестантскихъ бракахъ всегда разсматривались въ свѣтскихъ судахъ, консисторскому суду вмѣнено въ обязанность руководствоваться общимъ по-

рядкомъ гражданскаго судопроизводства. Такъ какъ число протестантовъ незначительно и дѣла протестантской церкви всегда сосредоточивались въ одной консисторіи до 1849 г., то признано было необходимымъ отступить отъ имперскаго порядка и вмѣсто двухъ инстанцій принять одну инстанцію для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ бракоразводныхъ дѣлъ. Разсмотрѣнію дѣла въ консисторскомъ судѣ должно предшествовать двухстепенное примирительное разбирательство, если, искъ о разводѣ вчиняется по поводу нарушенія супружескихъ обязанностей,—сначала у мѣстнаго пастора, потомъ, въ случаѣ неуспѣха, у мѣстнаго суперинтендента. Если примиренія эти разбирательства не достигнутъ, тогда дѣло поступаетъ въ консисторію.

Вчинать искъ о недѣйствительности браковъ по причинамъ недѣйствительности, изложеннымъ выше, предоставляется обѣимъ сторонамъ; если же стороны не пользуются своимъ правомъ, на лицахъ прокурорскаго надзора лежитъ обязанность оспаривать дѣйствительность такихъ браковъ. Если искъ о недѣйствительности предъявленъ прокуроромъ, тогда невинной сторонѣ не воспрещается присоединить къ иску прокурора свою жалобу. Искъ объ уничтоженіи брака между усыновившимъ и усыновленнымъ, съ родной племянницей или съ вдовой роднаго дяди, т. е. роднаго брата отца или матери, если такой бракъ состоялся безъ разрѣшенія консисторіи, предоставляется обѣимъ сторонамъ. Законъ не налагаетъ на прокурора обязанности преслѣдовать подобные браки судебнымъ порядкомъ. Консисторскіе суды, какъ и католическія консисторіи, ограничиваются сужденіемъ о дѣйствительности или недѣйствительности брака, о причинахъ расторженія брака и о наложеніи взысканія на духовное лице, которое оказалось бы виновнымъ въ нарушеніи закона при заключеніи брака, о которомъ заведено дѣло. Вся гражданская сторона дѣла подлежитъ разсмотрѣнію въ гражданскихъ судахъ. Предѣлы власти прокуроровъ въ отношеніи къ консисторскимъ судамъ протестантскимъ таковы же, какъ и въ отношеніи къ католическимъ консисторіямъ.

Кромѣ исчисленныхъ вѣроисповѣданій, въ царствѣ поль-

скомъ существуютъ религіозныя общины старовѣровъ филипповцевъ (2 прихода), англиканъ (1 пр.), моравскихъ братьевъ или гернгутеровъ (1 пр.), меннонистовъ (1 пр.), 340 еврейскихъ кагаловъ и два округа магометанъ татаръ. Браки лицъ, принадлежащихъ къ этимъ вѣроисповѣданіямъ подлежатъ во всемъ правиламъ ихъ закона, на сколько эти правила не противорѣчатъ общимъ постановленіямъ закона, изложеннымъ въ правилахъ для брака между лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, относительно возраста, взаимнаго согласія брачующихся, дозволенія родителей, опекуновъ и начальства, запрещенія брака христіанъ съ нехристіанами, единобрачія, десятимѣсячнаго срока для женщины, вступающей во вторичный бракъ; прелюбодѣянія какъ препятствія къ браку и относительно наказаній за несоблюденіе сихъ правилъ. Препятствія по родству ограничиваются запрещеніемъ заключать бракъ между восходящими и нисходящими и между братьями и сестрами, родными, единокровными и единоутробными. Остальныя степени родства составляютъ препятствіе къ браку, по сколько признаются таковыми по ихъ религіознымъ постановленіямъ. Усыновленіе составляетъ препятствіе къ браку между усыновителемъ и усыновленнымъ. Брачный обрядъ таковыхъ лицъ совершается сообразно религіознымъ правиламъ брачующихся, духовными чинами или старшиною того общества, къ которому они принадлежатъ, или духовными чинами (старшиною) ближайшаго общества, если въ первомъ ихъ нѣтъ. Браку предшествуетъ троекратное оглашеніе въ молитвенномъ домѣ. О заключеніи брака записывается въ метрической книгѣ. Раввины или имамы и супруги, по заключеніи брака, обязаны явиться къ чиновнику гражданскаго состоянія для внесенія отмѣтки о бракѣ въ книги гражданскаго состоянія. Чиновникъ обязанъ освѣдомиться о соблюденіи постановленій закона, относящихся къ браку этихъ лицъ и если встрѣтитъ нарушеніе закона, долженъ немедленно увѣдомить о томъ прокурора (ст. 188). Постановленіе это имѣетъ въ виду преимущественно евреевъ, которые неохотно подчиняются гражданскимъ законамъ и слѣдуя своимъ древнимъ обычаямъ часто

вступаютъ въ бракъ раньше узаконеннаго возраста. Бракоразводныя дѣла сихъ лицъ производятся въ гражданскихъ судахъ при закрытыхъ дверяхъ. При сужденіи о законности брака и при разсмотрѣніи причинъ развода принимаются въ основаніе правила того закона, къ которой принадлежитъ жалующаяся сторона. Прокурорскій надзоръ обязанъ вчинать искъ о недѣйствительности, даже когда сами супруги не просятъ о разводѣ, въ случаѣ заключенія браковъ: 1) между христіанами и нехристіанами, 2) между родственниками восходящими и нисходящими, между братьями и сестрами родными, единокровными или единоутробными, 3) когда бракъ заключенъ при существованіи прежняго брака. Въ руководство судамъ при разсмотрѣніи бракоразводныхъ дѣлъ еврейскихъ и мусульманскихъ изданы оффиціальные сборники правилъ, заимствованныхъ изъ религіозныхъ постановленій этихъ народовъ. Евреи и мусульмане-татары, поселившіеся въ царствѣ: первые въ XIII, вторые въ XV вѣкѣ, во многомъ отступили отъ первоначальныхъ правилъ своего вѣроисповѣданія. Полигамія допускалась религіозными правилами обоихъ народовъ, но въ Европѣ евреи уже съ XII вѣка отказались отъ этого обычая; татары же приняли моногамію подъ вліяніемъ христіанъ, среди которыхъ они поселились въ люблинской губерніи. При томъ, какъ справедливо замѣчаютъ авторы Exposé des motifs, полигамія дозволяется, но не требуется отъ каждаго мусульманина, почему законъ гражданскій можетъ, не насилуя религіозныхъ установленій народа, ограничить форму брака единоженствомъ. Относительно расторженія браковъ между мусульманами судебнымъ учрежденіямъ, въ 1826 году, было дано, какъ вспомогательное руководство, извлеченіе изъ корана. Сущность заключающихся въ немъ постановленій состоитъ въ слѣдующемъ: поводами къ разводу служатъ: нарушеніе супружеской вѣрности, какъ со стороны жены, такъ и со стороны мужа; разведенные супруги удерживаютъ за собой принадлежащее каждому изъ нихъ имущество, во всякомъ случаѣ мужъ обязанъ предоставить женѣ нѣкоторыя имущественныя выгоды. Домашняя ссора можетъ быть причиной развода, который получаетъ

полную силу лишь по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ со времени начатія бракоразводнаго дѣла; въ этотъ промежутокъ времени супругамъ предоставляется помириться и возстановить супружеское сожитіе. Если поводомъ къ разводу была домашняя ссора, мужъ обязанъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ содержать жену у себя на квартирѣ, доставляя ей все, что рѣшительно необходимо для жизни; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ супругамъ предоставляется помириться или окончательно развестись. Жена можетъ требовать отъ мужа уваженія; мужъ можетъ требовать отъ жены повиновенія. Въ случаѣ неуваженія со стороны мужа жена, а въ случаѣ ея неповиновенія—мужъ, можетъ требовать развода. Если развода требуетъ мужъ, то онъ долженъ возвратить женѣ все, что составляетъ ея собственность, къ тому же обязуется и жена; когда же она была поводомъ къ разводу, то кромѣ того, она должна отказаться въ пользу мужа отъ своего приданаго и отъ слѣдующаго ей вѣна. Наконецъ разводъ допускается по обоюдному согласію супруговъ и когда такой разводъ состоится, жена не прежде можетъ вступить въ новый бракъ, какъ по трехмѣсячномъ очищеніи, причемъ ей запрещается утаивать о томъ, что она беременна. Это правило поглощается, впрочемъ, постановленіемъ 168 ст. пол. 1836 года, назначающимъ десятимѣсячный срокъ для вступленія во вторичный бракъ. Послѣ перваго и втораго развода супруги имѣютъ право соединиться снова, но если они разведутся въ третій разъ, то жена не прежде можетъ соединиться съ бывшимъ ея мужемъ, какъ выйдя замужъ за кого-либо другаго и потомъ, разведясь съ этимъ послѣднимъ, можетъ вступить въ четвертый бракъ съ своимъ первымъ мужемъ.

Въ 1836 году комитетъ, составленный изъ ученыхъ евреевъ, составилъ, по порученію правительства, извлеченіе изъ каноническихъ правилъ касательно развода, по книгѣ Эвенъ Гюзеръ. По духу древняго еврейскаго закона мужу предоставляется неограниченное право развода. Всякій разводъ считается дѣйствительнымъ, если мужъ произнесъ бракоразводную формулу и вручилъ женѣ разводное письмо въ при-

сутствіи двухъ духовныхъ (когеновъ) и раввина. Талмудисты около 600 года по Р. Х., нашли необходимымъ ограничить это безусловное право мужа. Ограниченія эти изложены въ 144 главѣ Эвенъ Гюзера и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) чтобы мужъ не давалъ своей женѣ развода безъ причинъ, по крайней мѣрѣ, столь важныхъ, которыя въ глазахъ всякаго богобоязненнаго человѣка могли бы казаться уважительными; 2) чтобы мужъ, при совершеніи брачнаго обряда, не предполагалъ уже въ духѣ и мысляхъ своихъ развода (въ предупрежденіе брачныхъ союзовъ, которые бы могли имѣть мѣсто единственно изъ корыстолюбивыхъ или другихъ постороннихъ видовъ); 3) если бы приведенныя мужемъ причины не были добровольно признаны женою дѣйствительными для развода, въ такомъ случаѣ раввинъ, въ присутствіи двухъ духовныхъ лицъ, разрѣшаетъ вопросъ о дѣйствительности развода. Если рѣшеніе отрицательное, разводъ есть только разлученіе, неимѣющее послѣдствій дѣйствительнаго развода и мужъ долженъ содержать жену и дѣтей. Жена, въ свою очередь, имѣетъ право требовать разводнаго письма, 1) когда откроетъ въ мужѣ такіе физическіе недостатки, которые дѣлаютъ невозможнымъ брачное сожитіе; 2) когда мужъ по заключеніи брака, приметъ на себя такіе труды и обязанности, которые угрожаютъ женѣ опасностію лишиться жизни и здоровья; таковы, по мнѣнію раввиновъ талмуда, обдѣлка кожи *), работы въ рудникахъ; 3) если поведеніе мужа такъ дурно, что жена подвергается опасности лишиться жизни; 4) когда мужъ, по лѣности или злоумышленно, не хочетъ работать и потому не доставляетъ женѣ средствъ къ пропитанію; 5) когда мужъ приметъ другую вѣру, не исполняетъ заповѣдей Божіихъ и религіозныхъ постановленій и тѣмъ вводитъ жену въ соблазнъ и грѣхъ. Жена заявляетъ о

*) „Когда одинъ изъ супруговъ начинаетъ заниматься зазорнымъ ремесломъ (ein schimpfliches Geschäft), другой можетъ просить о разводѣ.“ При редакціи этой статьи имѣлось въ виду, когда жена основываетъ домъ терпимости, а мужъ поступаетъ въ живодеры (Schinder). Koch. Landrecht ч. II, кн. I, отд. 1, ст. 707, прим. 45. Ср. Unger, Die Ehe, стр. 36, 49.

разводѣ по этимъ поводамъ раввину и двумъ духовнымъ лицамъ и разводъ наступаетъ, когда эти лица признаютъ причины уважительными. При разводѣ жена имѣетъ право требовать отъ мужа своего приданаго и оправы (ксубы), кромѣ того случая, когда причиной развода была несостоятельность мужа. Если разводъ состоялся, мужъ обязанъ доставлять дѣтямъ содержаніе. Мужъ не обязанъ возвращать женѣ оправы, кромѣ приданаго, если разводъ состоялся по его просьбѣ, по причинѣ безнравственнаго поведенія жены, или перехода ея въ другую вѣру, если впрочемъ, онъ докажетъ свидѣтелями, что дѣлалъ ей увѣщанія о перемѣнѣ поведенія.

Сборникъ этихъ правилъ былъ сообщенъ судамъ и переведенъ на польскій языкъ въ 1841 году, по порученію правительства. Бракоразводныя дѣла отошли изъ власти раввиновъ и когеновъ въ вѣдомство свѣтскихъ судовъ, хотя кажется, евреи до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаютъ избѣгать судовъ и рѣшать такія дѣла по своимъ ископпымъ, не легальнымъ обычаямъ. Исключеніе составляютъ тѣ дѣла, гдѣ затрогивается имущественный интересъ супруговъ, желающихъ развода. Такого рода бракоразводныя дѣла попадаютъ и въ общіе суды. За совершеніе развода раввины подлежатъ отвѣтственности въ судебно-уголовномъ порядкѣ. Подъ опасеніемъ взысканія запрещается также имъ и чиновникамъ гражданскаго состоянія нехристіанскихъ вѣроисповѣданій соединять бракомъ разведенныхъ супруговъ и составлять о такихъ бракахъ акты прежде, нежели будетъ расторгнутъ существующій бракъ гражданскимъ судомъ первой степени и пока заинтересованныя стороны не представятъ имъ окончательныхъ рѣшеній, признающихъ предшествовавшій бракъ расторгнутымъ. *)

Общимъ правиломъ для браковъ между разновѣрными лицами постановлено, что лица христіанскихъ вѣроисповѣданій не могутъ вступать въ браки съ нехристіанами. Если

*) Сборникъ гражд. законовъ и постановленій, 1869 г. т. I, стр. 241 прим. къ ст. 189, полож. 1836 г.

такіе браки заключаются, они признаются недѣйствительными, и возлагается на прокурорскій надзоръ обязанность преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ. Затѣмъ, браки лицъ греко-россійскаго исповѣданія съ иновѣрцами заключаются и расторгаются по правиламъ для браковъ лицъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія. Браки католиковъ съ лицами евангелическихъ исповѣданій расторгаются по разсмотрѣніи вопроса о недѣйствительности брака судилищемъ той вѣры, по обрядамъ которой было совершено бракосочетаніе. Поэтому, если бракосочетаніе было совершено только по правиламъ протестантской церкви, бракоразводное дѣло разрѣшается по правиламъ протестантизма. Но вступленіе во вторичный бракъ разведенному супругу католику разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, когда католическая консисторія признаетъ поводы развода уважительными для расторженія брака. Это правило объясняется общимъ началомъ канонического права, которое существенно важнымъ моментомъ признаетъ взаимное согласіе на бракъ и придаетъ всѣмъ прочимъ обрядамъ второстепенное значеніе, получающее важность только какъ свидѣтельство дѣйствительно состоявшагося взаимнаго согласія, въ слѣдствіе чего бракъ, заключенный и не по правиламъ римско-католической церкви, въ глазахъ этой церкви считается дѣйствительнымъ, имѣетъ всѣ послѣдствія опредѣленныя каноническимъ правомъ. Если же бракосочетаніе было совершено по правиламъ вѣроисповѣданій жениха и невѣсты, одинъ изъ коихъ католическаго вѣроисповѣданія, въ такомъ случаѣ расторженіе брака происходитъ по правиламъ для браковъ между лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, потому что эти правила строже относятся къ браку и по этой причинѣ были предпочтены составителями закона 1836 г. Правила, относящіяся къ лицамъ евангелическихъ вѣроисповѣданій распространяются и на лицъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Если дѣйствительность брака при жизни обоихъ супруговъ не была оспариваема, то не подлежитъ никакому спору по смерти одного изъ нихъ. Постановленіе это заимствовано изъ гражданскаго права имперіи, измѣненнаго въ этомъ от-

ношеніи въ настоящее время. Смерть одного изъ супруговъ прекращало искъ о незаконности браковъ *). Въ третьемъ изданіи свода законовъ гражданскихъ это постановленіе исключено. Судебные уставы 1864 года предоставляютъ право, въ теченіе двухъ лѣтъ со дня смерти супруга предъявить споръ о личныхъ, соединенныхъ съ бракомъ, гражданскихъ правахъ какъ оставшагося въ живыхъ супруга, такъ и рожденныхъ отъ того брака дѣтей **). Это есть косвенное средство отрицать законность брака по смерти одного супруга, невоспрещаемое никакимъ прямымъ закономъ, вошедшимъ въ I часть X тома свода законовъ. Когда сами супруги усмотрятъ, что существуетъ причина, дающая право прокурорскому надзору оспаривать дѣйствительность ихъ брака, тогда они обязаны немедленно прекратить брачное сожитіе.

Искъ о расторженіи брака, хотя еще незавершенный судебнымъ рѣшеніемъ, тѣмъ не менѣе вліяетъ на юридическія отношенія супруговъ во время бракоразводнаго дѣлопроизводства. Прекращается обязательство общаго мѣстожительства. Женѣ, въ продолженіе производства дѣла объ уничтоженіи или расторженіи брака, либо о разлученіи отъ стола и ложа, дозволяется оставить домъ мужа. По требованію супруговъ судъ можетъ назначить жилище, въ которомъ жена должна пребывать безотлучно во время процесса. Если жена принадлежитъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію, такимъ жилищемъ, обыкновенно, назначается монастырь. Такъ какъ имущество жены находится въ завѣдываніи мужа, то судъ можетъ опредѣлить количество содержанія, которое мужъ обязанъ доставлять женѣ въ продолженіе дѣла о разводѣ. Эта обязанность прекращается, если жена имѣетъ свое отдѣльное состояніе, если мужъ не имѣетъ возможности доставлять ей содержаніе, наконецъ если жена не можетъ по востребованію, во всякое время, доказать, что про-

*) Ст. 50, ч. I, т. X, свод. зак. 2-е изд. Ср. 251 ст. гр. улож. Ц. П 1825 г., ист. рос. гр. зак. Неволина, т. I, § 109.

**) Уст. гражд. судопроизв. ст. 1340.

живаетъ на мѣстѣ, для нея назначенномъ. По начатіи дѣла о прекращеніи брака или о разлученіи супругамъ дозволяется заключать договоры объ имуществѣ на случай признанія брака недѣйствительнымъ, развода или разлученія. Если во время процесса одинъ изъ супруговъ умираетъ до постановленія рѣшенія по дѣлу въ судѣ первой степени, начатое дѣло прекращается само собою. Съ воспослѣдованіемъ приговора о расторженіи или уничтоженіи брака прекращаются всѣ взаимныя права и обязанности супруговъ, при чемъ, однако, сохраняются въ полной силѣ постановленія уложенія 1825 года объ имущественныхъ и гражданскихъ послѣдствіяхъ брака, прекращеннаго по недѣйствительности, разводомъ или разлученіемъ отъ стола и ложа, для супруговъ, смотря по тому, на сколько они дѣйствовали въ доброй вѣрѣ при вступленіи въ бракъ. Разлученіе отъ стола и ложа влечетъ различныя послѣдствія для супруговъ, смотря по тому, поставлено оно на опредѣленный срокъ или на неопредѣленное время. Въ первомъ случаѣ разлученіе не уничтожаетъ гражданскихъ послѣдствій брака и въ случаѣ спора между супругами, взаимныя ихъ отношенія опредѣляются гражданскимъ судомъ, какъ во время производства бракоразводнаго дѣла. Во второмъ случаѣ, бракъ, въ отношеніи ко всѣмъ гражданскимъ послѣдствіямъ, считается прекращеннымъ. Разлученіе на неопредѣленное время такъ близко къ разводу, что дѣти, родившіяся въ теченіе его, признаются незаконными. Въ томъ случаѣ, когда разлученіе отмѣняется и возстановляется брачное сожитіе, въ гражданскомъ отношеніи этотъ моментъ разсматривается какъ новое вступленіе въ бракъ, какъ вторичный, самостоятельный бракъ. Вліяніе прежняго брака на супруговъ во время разлученія обнаруживается лишь въ томъ, что они не могутъ вступать въ новый бракъ.

Таковы постановленія положенія о союзѣ брачномъ 1836 г. относительно прекращенія брака при жизни супруговъ по поводу недѣйствительности и разводомъ, и относительно разлученія супруговъ отъ стола и ложа. Законъ 1836 года имѣлъ цѣлью противодѣйствовать чрезмѣрному развитію под-

вижныхъ элементовъ общества, которые, усиливаясь въ ущербъ элементамъ устоя, консервативнымъ, привели царство польское къ революціи и анархіи. Взирая на бракъ какъ на основный, краеугольный камень общественнаго строя, законодатель, въ связи съ прочими политическими реформами, призналъ необходимымъ придать и этому союзу болѣе прочности, строгости, нежели это было установлено предшествующими законодательствами. Видя причину общественныхъ явленій въ слабости противодѣйствія закона личнымъ страстямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, законодатель считалъ необходимымъ ограничить до послѣдней возможности инціативу супруговъ въ дѣлѣ прекращенія брака. Придавая брачному союзу характеръ незыблемости, имѣли въ виду укрѣпить въ супругахъ чувство долга, уваженіе къ взаимнымъ правамъ и обязанностямъ, воспитать въ средѣ носящей въ себѣ начала строгой законности, рядъ поколѣній и такимъ образомъ преобразовать высшіе и средніе классы польскаго народа, въ средѣ которыхъ преимущественно замѣчали наклонность къ незаконнымъ движеніямъ и произвольное отношеніе къ брачному союзу, въ народъ способный къ закономѣрному пользованію гражданскими правами подъ покровительствомъ крѣпкой государственной власти. Эта цѣль могла быть достигнута двоякимъ образомъ. Государственная власть, по примѣру правительствъ, управлявшихъ краемъ съ конца XVII вѣка по 1836 годъ, могла, не уклоняясь отъ гражданскаго воззрѣнія на бракъ, обусловить прекращеніе его при жизни супруговъ, сообразно цѣли общественнаго переустройства польскаго народа. Реформа гражданскаго законодательства въ свѣтскомъ духѣ была бы даже рѣшительнѣе, потому что представила бы единообразную форму брачнаго союза, организованнаго согласно видамъ правительства, для всѣхъ жителей царства и тѣмъ самымъ способствовала бы единообразному направленію нравственнаго перерожденія польскаго общества, при чемъ правительственной власти предоставлялось бы неограниченное право надзора за неуклоннымъ и цѣлесообразнымъ приложеніемъ къ жизни законоположеній, изданныхъ ею. Съ другой стороны идеализа-

ція отжившихъ общественныхъ формъ, которою отличаются честные реакціонеры, указывала на каноническое право средневѣковой латинской церкви, какъ на образецъ законодательныхъ нормъ для установленія искомаго брачнаго союза. Древнѣйшія установленія оказались наиболѣе соотвѣтствующими новѣйшимъ потребностямъ общежитія. Даже протестантскія воззрѣнія на бракъ, установившіяся въ половинѣ Европы болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ, признавались слишкомъ свободными, не согласные съ тѣмъ преобладаніемъ внѣшняго авторитета надъ внутреннимъ свободнымъ сужденіемъ, которое легло въ основаніе мѣропріятій для преобразованія общественнаго строя и брачнаго союза. Поэтому, въ видахъ соглашенія протестантизма съ латинствомъ, исключены были правила, допускаемыя первымъ, когда они слишкомъ противорѣчили каноническому католическому праву. Увлеченіе значеніемъ авторитета въ католической церкви склоняло правительства къ предпочтенію католическихъ доктринъ, при чемъ, что объясняется этимъ увлеченіемъ, упускалось изъ вида, что излишекъ авторитета протестантизмъ передавалъ отъ церкви въ руки государственной же власти. Къ понятію о консерватизмѣ, какъ о необходимомъ сдерживающемъ факторѣ государственной жизни, примѣшалось чуждое представленіе о томъ, что это начало должно непзбѣжно пользоваться формами и средствами прежнихъ вѣковъ, какъ напр. вмѣшательство церкви въ дѣла государственныя. Государство считало полезнымъ для себя пользоваться, какъ своимъ органомъ, учрежденіемъ, имѣющимъ свое оправданіе въ мірѣ нравственномъ и религіозномъ, лежащимъ, по своей цѣли, внѣ юридической сферы государства, и независимымъ отъ государства, доколѣ церковь ограничивается преслѣдованіемъ духовныхъ цѣлей, не вступаетъ въ юридическія и политическія отношенія, подвѣдомыя гражданской власти. Церковь, мы говоримъ о церкви латинской, полагала возможнымъ возстановить въ полномъ объемѣ авторитетъ свой, расшатавшійся подъ напоромъ идей трехъ послѣднихъ вѣковъ, и для достиженія этой цѣли считала цѣлесообразнымъ выступить изъ сферы духа, стать въ служебное отношеніе къ

государству *), союзу для достиженія чисто свѣтскихъ, земныхъ цѣлей, получить отъ него часть его юридически обязательной власти. Этимъ взаимнымъ ложнымъ отношеніемъ церкви къ государству объясняется содержаніе положенія 1836 г. Государство признало необходимымъ возвратиться къ религіозной формѣ, къ церковной подсудности союза, лежащаго въ основѣ гражданскаго общежитія и въ одинаковой степени важнаго какъ для государства, такъ и для церкви.

Прежнее польское законодательство, исходя изъ того же начала, предоставляло церкви опредѣленіе правилъ установленія и прекращенія брака, сохраняя за собой право регламентировать юридическія послѣдствія, личныя и имущественныя отношенія, возникавшія вслѣдствіе заключенія брака. Оригинальную сторону закона 1836 года составляетъ то, что онъ вноситъ въ гражданское право массу религіозныхъ воззрѣній, не сводя ихъ въ одну систему, но учреждая особое юридическое положеніе для заключенія и прекращенія браковъ, смотря по вѣроисповѣданію брачующихся. Различіе началъ указываетъ какъ бы на различіе источниковъ закона, на различныя законодательныя власти. Цѣлое представленіе о законодательствѣ, истекающемъ изъ единой верховной власти, потому, по необходимости, какъ о чемъ то цѣльномъ, единообразномъ, послѣдовательномъ и разумномъ, затемняется, стирается въ законѣ 1836 года. Напротивъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, выясняется отношеніе польскихъ элементовъ къ государственной религіи и русскому государству. Католицизмъ беретъ на себя восполненіе недостатка единства, собираетъ подъ своими общими правилами лицъ всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій, не исключая русскихъ филиповцевъ. Правила для православныхъ браковъ лишь внѣшнимъ образомъ связаны съ системой положенія.

Мы уже видѣли, что не одно духовенство возставало противъ нравственной распущенности польскаго общества. Законодательная коммиссія 1820 года получила множество заяв-

*) Всѣмъ извѣстны мнѣнія объ этомъ предметѣ ультрамонтана Жозефа де Местра.

леній относительно переустройства брачнаго законодательства. Коллективныя заявленія судовъ, земскихъ собраній стояли за сохраненіе гражданскаго характера брака. Суды, относясь къ предмету подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ, требовали измѣненій въ кодексѣ Наполеона. Земскія собранія защищали оставленіе положеній кодекса въ ихъ неприкосновенности, уповая на историческое развитіе которое должно, со временемъ, отрезвить народъ и установить нормальныя отношенія. Составленныя подъ клерикальнымъ тяготѣніемъ работы коммиссіи были приняты сеймомъ съ значительными перемѣнами. Духовная юрисдикція была отвергнута. Духовенство неустанно протестовало противъ этого, но документы предварительныхъ работъ надъ положеніемъ 1836 года прямо обвиняютъ само духовенство въ поощреніи произвольныхъ разводовъ, въ лицепріятномъ отношеніи къ сторонамъ, ищущимъ развода. Редакторы закона 1836 г. въ вѣжливыхъ, изящныхъ фразахъ высказываютъ, что, при всемъ ихъ уваженіи къ латинскому духовенству, на безпристрастіе его судебныхъ приговоровъ разсчитывать нѣтъ возможности, что лишь въ видахъ водворенія порядка дѣла бракоразводныя передаются въ вѣдомство духовенства, но при этомъ необходимъ строгій прокурорскій надзоръ и, кромѣ того, такія условія вступленія въ бракъ для разведенныхъ супруговъ, которыя заставили бы ихъ осторожнѣе относиться къ прежнему брачному союзу. Такъ какъ послѣдняя мѣра дѣйствительно уменьшила число бракоразводныхъ дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не была заимствована изъ каноническаго права, то въ 1856 году, когда причины, побудившія къ установленію сроковъ для вступленія въ новый бракъ, были уже полузабыты, мѣстное начальство ходатайствовало о распространеніи на царство конкордата 1847 года, который отмѣнилъ и эти сроки. Вліяніе духовенства, получившее громадную силу по закону 1836 г., но ограниченное ст. 69, 70 и 71, съ отмѣной этихъ статей пріобрѣло еще больше значенія въ обществѣ. Какого вѣрнаго сотрудника пріобрѣла себѣ государственная власть въ духовенствѣ римско-католическомъ, и какое вліяніе имѣло духовенство на воспита-

ніе польскаго общества—краснорѣчиво объясняютъ событія 1861—64 годовъ.

Законодательныя преобразованія тридцатыхъ годовъ не достигли своей цѣли: черезъ тридцать лѣтъ мятежъ вновь замутилъ мирное теченіе гражданской жизни царства. Консервативныя мѣры лишь тогда получаютъ надлежащее значеніе въ общественной жизни, когда они опираются на консервативные общественные элементы, на тѣ слои населенія, которыя наиболѣе заинтересованы экономически въ сохраненіи государственнаго порядка. Таковы мелкіе поземельные собственники, которые могли бы лишь непосредственно принимать участіе въ вооруженныхъ возстаніяхъ и отступятъ всегда предъ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности. Поземельная эмансипація сельскихъ жителей легла въ основаніе общественныхъ реформъ въ привисляпскомъ краѣ, начатыхъ съ 19 февраля 1864 года. Реформа экономическаго быта легла въ основаніе общественнаго переустройства, послужила исходной точкой для дальнѣйшихъ преобразованій. Возстановленіе гражданскаго порядка основано на чисто свѣтскомъ, государственномъ принципѣ, на эмансипаціи труда и трудящихся классовъ общества. Только трудомъ воспитывается человѣкъ въ идеяхъ права и обязанности, только здравая практическая дѣятельность можетъ отвлечь общество отъ химерическихъ мечтаній. Трудъ требуетъ, прежде всего, свободы личности; первое условіе свободы состоитъ въ опредѣленномъ отношеніи лица къ государству. Эта опредѣленность выражается въ установленіи единообразныхъ законныхъ нормъ для всѣхъ жителей страны. Какъ живой организмъ, государство имѣетъ право и обязанность самоопредѣленія. Будучи высшимъ выраженіемъ юридической жизни народа, законодательство не можетъ находиться подъ вліяніемъ идей, чуждыхъ сферѣ юридическихъ отношеній. Цѣль государственнаго союза состоитъ въ огражденіи неприкосновенности и свободы лица, въ устраненіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ препятствовать осуществленію этой цѣли. Первообразное, основное проявленіе личной свободы является въ установленіи брачнаго сою-

за и въ отношеніи человѣка къ вещественному міру. Въ опредѣленіи этого двоякаго рода отношеній гражданскаго права государство должно, сообразно своей цѣли, имѣть постоянно въ виду личную свободу; но, сообразно различной важности этихъ отношеній для государства, свобода лица допускается въ нихъ не въ одинаковой степени. Брачный союзъ, завязывающій семью, питомникъ и разсадникъ гражданъ, не можетъ зависѣть отъ произвола лица въ той же степени, въ какой отъ него зависятъ личные союзы, заключаемые для достиженія какихъ-либо экономическихъ цѣлей. Это ограниченіе не должно, однако, простираться до той степени, чтобы продолженіе брачнаго союза, противъ воли супруговъ, становилось чисто внѣшнимъ, принудительнымъ, чтобы брачный союзъ продолжался тогда, когда уже исчезла возможность нравственнаго единенія супруговъ, взаимная любовь и уваженіе, когда условія брачнаго союза, нарушаютъ права личности на свободу и неприкосновенность. Государство обязано оградить закономъ достоинство личности отъ покушеній со стороны всѣхъ прочихъ лицъ. Установляя формы заключенія брачнаго союза, законъ неминуемо долженъ допустить случаи, когда существованіе брака дѣлается невозможнымъ при жизни обоихъ супруговъ вслѣдствіе нарушенія правъ одного изъ супруговъ со стороны другаго супруга. Съ другой стороны, нравственный характеръ брака требуетъ, что бы существованіе его было, по возможности, ограждено отъ нападеній третьихъ лицъ, что бы условія недѣйствительности брака, сами по себѣ необходимыя, были опредѣлены точно и въ возможно ограниченномъ числѣ. Такъ какъ государство есть цѣльный организмъ, который управляется своимъ разумомъ; разумъ же государства проявляется въ формѣ закона, то отсюда прямо вытекаетъ положеніе, что законъ долженъ быть одинаковъ и однообразенъ для всѣхъ жителей государства, а слѣдовательно и брачныя отношенія должны быть одинаково опредѣлены для всѣхъ гражданъ, независимо отъ ихъ неюридическихъ различій, религіозныхъ, національныхъ и т. п. Власть опредѣлять юридическія отношенія должна всецѣло принадлежать государству. Несогласс-

но съ цѣлью государства вносить свои опредѣленія въ сферу нравственныхъ отношеній, какъ несогласно съ существомъ церкви требовать содѣйствія матеріальной силы для распространенія и поддержанія своихъ нравственныхъ требованій. Правильныя отношенія государства и церкви къ брачному союзу установляются тогда, когда строго отдѣляется юридическій порядокъ брака отъ нравственнаго, при чемъ первый вполнѣ подлежитъ вѣдѣнію государства, второй—церкви.

Положеніе 1836 года, дѣйствующее въ привислянскомъ краѣ, подчинило требованія государства религіознымъ постановленіямъ, юридическія отношенія—опредѣленіямъ нравственнаго закона, различно понимаемымъ разными религіями. Разнообразіе опредѣленій одного и того же отношенія противорѣчитъ свойству закона. Государственная власть, внося въ свой законъ постановленія различныхъ религій, принуждаетъ сообразоваться съ порядкомъ, котораго она не установляла. Вѣдомство дѣлъ брачныхъ предоставлено духовенству, тогда какъ существуютъ гражданскіе суды для законнаго разрѣшенія юридическихъ недоразумѣній, законъ же 1836 года, по своей формѣ, есть законъ чисто государственный. Эти недостатки закона могутъ быть устранены введеніемъ 1) гражданской формы заключенія брака; 2) единообразнымъ опредѣленіемъ условій для вступленія въ бракъ, отношеній между супругами и прекращенія брака при жизни супруговъ и 3) установленіемъ гражданской юрисдикціи по дѣламъ брачнымъ. Существованіе господствующей церкви грекороссійской нѣсколько измѣняетъ эти требованія, но это ограниченіе, по малочисленности въ краѣ лицъ, исповѣдующихъ господствующую религію, для которыхъ слѣдуетъ сохранить обязательными постановленія и права церкви касательно брачнаго союза, при соблюденіи прочихъ гражданскихъ условій, едва ли можно признать препятствіемъ при пересмотрѣ и преобразованіи брачнаго законодательства.

Законодательства западной Европы допускаютъ гражданскую форму вступленія въ бракъ *) или въ случаяхъ необ-

(1) Die bürgerliche Eheschliessung, 2 Berichte über die obligatorische

ходимости (Noth-Civilehe), или по желанію сторонъ (fakultative C. E.), или какъ обязательную форму заключенія брака. Въ случаяхъ необходимости, гражданскій бракъ допускается тогда, когда брачующіяся стороны не могли получить церковнаго благословенія браку (Виртембергъ, Баденъ, Ангальтъ, Австрія съ мая 1868 г.); или при бракахъ диссидентовъ, выдѣлившихся изъ религій, признанныхъ государствомъ (Пруссія, Веймаръ, Гота, Бернбургъ, Баварія), или же для браковъ между христіанами и евреями (Брауншвейгъ, Зондерсгаузенъ, Любекъ и пр.). Недостатки такого законодательства состоятъ въ слѣдующемъ: гражданскій бракъ, по необходимости, получаетъ характеръ изъятія изъ общаго закона, которое осуждается наукою права и общественнымъ мнѣніемъ; онъ не устраняетъ столкновенія церкви и государства, но раскрываетъ больное мѣсто общественной жизни, происшедшее вслѣдствіе этого столкновенія; гражданскій актъ заключенія такого брака получаетъ характеръ, несогласный съ достоинствомъ государственной власти и гражданскаго законодательства.

Гражданскій бракъ по взаимному согласію сторонъ предоставляетъ имъ право вступить въ бракъ или посредствомъ церковнаго благословенія или же гражданскимъ порядкомъ. Въ обоихъ случаяхъ бракъ признается дѣйствительнымъ. Такой порядокъ былъ принятъ въ древнемъ римскомъ, старомъ голландскомъ, новомъ англійскомъ, ольденбургскомъ, гамбургскомъ и нѣкоторыхъ швейцарскихъ законодательствахъ.

При установленіи обязательнаго гражданскаго брака обязателенъ гражданскій юридическій актъ вступленія въ бракъ, при чемъ предоставляется сторонамъ право совершить церковный обрядъ заключенія брака, что, впрочемъ, конечно, для нихъ необязательно. Такой порядокъ принятъ во Франціи, Голландіи, Бельгіи, въ новомъ итальянскомъ королевствѣ и во Франкфуртѣ. Эта норма представляетъ самое пра-

---

Civilehe erstattet dem d. Juristentag von Prof. Dr. Gneist, стр. 21 Berlin. 1869.

вильное и окончательное разрѣшеніе отношеній церкви и государства къ браку. Примѣръ Франціи доказываетъ, какъ скоро гражданское законодательство, вводящее гражданскій бракъ, усвоивается народомъ. Мы уже видѣли, какъ горячо отстаивало польское общество гражданскую форму брака въ 1821 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не воспрещается и церковная форма, напротивъ того: церковь, по прежнему, сохраняетъ за собой право требовать отъ своихъ членовъ соблюденія церковныхъ постановленій, поддерживая свои требованія *церковными* средствами, согласно своему характеру представительницы нравственнаго закона, въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія церкви ставятъ для брака условія болѣе строгія, нежели гражданское право. Церковь дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ поученіемъ, увѣщаніемъ, отлученіемъ. Такими средствами она поддерживаетъ свои постановленія о разводѣ брака, о недопущеніи вторичнаго брака разлученныхъ супруговъ и опытъ показываетъ, что эти церковныя средства дѣйствительны именно такъ, какъ они могутъ и должны быть дѣйствительны. Практика указываетъ и другое обстоятельство. Въ странахъ, гдѣ церковное благословеніе необязательно для брака, тѣмъ не менѣе оно постоянно сопровождаетъ гражданское заключеніе брака. Исключеніе изъ этого правила составляетъ вьсьма ничтожное число браковъ. Въ баварскомъ Пфальцѣ, гдѣ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона, въ теченіе пяти лѣтъ заключено было 16 протестантскихъ и 28 смѣшанныхъ браковъ безъ церковнаго благословенія, въ Ольденбургѣ на 6000 браковъ приходится 28 гражданскихъ браковъ. Это малое число имѣетъ однако весьма важное юридическое значеніе: съ одной стороны оно указываетъ, что поводъ ихъ лежитъ въ незаконныхъ и произвольныхъ требованіяхъ духовенства, предложенныхъ брачующимся; съ другой стороны, оно свидѣтельствуетъ, что церковное вѣнчаніе соблюдается какъ свободно исполняемый долгъ совѣсти, дающій церковному вѣнчанію религіозное настоящее его значеніе.

Нынѣ дѣйствующія правила касательно условій, требующихся отъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, и поводовъ къ уни-

чтоженію брака по несоблюденію этихъ условій подлежатъ также существеннымъ измѣненіямъ. Исторія права вступленія въ бракъ, jus connubii, стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей личности. Чѣмъ болѣе обособлена жизнь лица, тѣмъ строже и ограниченнѣе jus connubii. Національность, религія, сословныя различія, занятія, родство, свойство составляли въ весьма широкомъ размѣрѣ препятствіе браку въ древнемъ Римѣ и постепенно исчезали съ признаніемъ равноправности плебеевъ и патриціевъ, съ предоставленіемъ правъ римскаго гражданства всѣмъ жителямъ имперіи. Христіанство вновь увеличило число препятствій по поводу родства и свойства духовныхъ обѣтовъ. Развитіе свѣтскаго элемента въ брачномъ законодательствѣ со временъ реформаціи опять сократило эти препятствія, придавъ имъ чисто-гражданскій характеръ. Признаніе равноправности гражданъ, независимо отъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, въ приложеніи своемъ къ брачному праву, требуетъ признанія законными браковъ христіанъ съ нехристіанами.

Признавая бракъ союзомъ гражданскимъ въ отношеніи къ гражданскому закону, условія брака должны быть согласованы съ общими условіями способности совершать гражданскія дѣйствія. Прежде всего требуется свободное согласіе. Согласіе третьихъ лицъ необходимо тогда, когда брачующіеся не достигли гражданскаго совершеннолѣтія, послѣ чего несогласіе восходящихъ можетъ имѣть вліяніе лишь на наслѣдственныя права супруговъ. Дальнѣйшія ограниченія намъ кажутся излишними, потому что они насильственно и неудачно, какъ это въ кодексѣ Наполеона и въ уложеніи 1825 года, поддерживаютъ такія отношенія родителей и дѣтей, которыя должны опираться на нравственныя основанія. Но право повсемѣстно признаетъ необходимымъ установленіе особаго возраста для вступленія въ бракъ, кромѣ совершеннолѣтія. Согласно общему началу гражданскаго права слѣдуетъ признать согласіе родителей и опеки безусловно необходимымъ до достиженія гражданскаго совершеннолѣтія женихомъ и невѣстой.

Препятствія къ заключенію брака, подвергающія бракъ

уничтоженію, раздѣляются на два рода: частныя (imp. privata) и публичныя (imp. publica). Къ первымъ принадлежатъ отсутствіе свободнаго согласія и физическая неспособность къ брачному сожитію. Однимъ супругамъ предоставляется требовать уничтоженія брака по этимъ поводамъ. Вторыя даютъ каждому право доказывать недѣйствительность брака. Они въ особенности развиты въ ученіи западной церкви. Такъ какъ несогласно съ сущностью брака допускать широкую возможность оспаривать законность его со стороны третьихъ лицъ, при желаніи супруговъ оставаться въ союзѣ, то слѣдуетъ ограничить эти препятствія. Изъ шести препятствій, подвергающихъ уничтоженію бракъ между лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, слѣдуетъ безусловно удержать: прежній брачный союзъ, законно неуничтоженный и преступленіе; удержать, съ ограниченіями въ предѣлахъ ст. 159—162 уложенія 1825 года, родство и свойство, исключить духовный обѣтъ и священство, иновѣріе и правила общественной благопристойности. Исключеніе препятствія по иновѣрію объясняется тѣмъ, что вѣроисповѣданіе не можетъ ограничивать гражданскаго равноправія. Духовные же обѣты немыслимы въ гражданскомъ правѣ, потому что представляютъ собою вѣчныя личныя обязательства, признаваемыя правомъ только во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Что касается правилъ общественной благопристойности, то обязанность соблюдать ихъ можетъ быть установлена лишь силой общественнаго мнѣнія, потому должна быть предоставлена на совѣсть лицъ, подлежащихъ этому ограниченію.

Болѣе затрудненій представляется при опредѣленіи поводовъ къ разводу. Брачный договоръ установляетъ общность жизни. Нравственный характеръ брака требуетъ, чтобы между супругами существовала взаимная любовь, уваженіе и вѣрность. Въ идеалѣ своемъ бракъ не только нерасторжимъ, но и не можетъ повторяться. Но всякое идеальное представленіе не можетъ быть установлено какъ обязательная, абсолютная форма жизни: оно можетъ быть осуществляемо лишь постепенно въ историческомъ развитіи человѣчества. Необходимо примиреніе идеала съ дѣйствительностью и вза-

имныя уступки съ обѣихъ сторонъ. Нерасторжимая моногамія не можетъ быть всеобщей нормой брачныхъ отношеній и законъ одинаково долженъ допустить какъ вторичный бракъ, такъ и разводъ. Тѣ обстоятельства, которыя противорѣчатъ сущности брачнаго союза и разрушаютъ нравственное единство супружеской жизни, должны составлять законную причину развода. Европейскія законодательства разсматриваютъ вопросъ о разводѣ различнымъ образомъ. Одни допускаютъ разводъ по одностороннему требованію одного изъ супруговъ, на основаніи законныхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволяютъ супругамъ прекращать бракъ и по обоюдному соглашенію; другія разрѣшаютъ разводъ лишь на основаніи законныхъ причинъ, по доказанной винѣ одного изъ супруговъ. Законныя причины развода формулированы въ различныхъ законодательствахъ также неодинаково: одни допускаютъ многочисленныя причины; другія ограничиваютъ ихъ весьма немногими случаями.

Прежде всего представляется вопросъ: слѣдуетъ ли допустить разводъ по обоюдному соглашенію супруговъ? Разсматривая бракъ, какъ юридическое отношеніе, законъ не можетъ, однако, игнорировать нравственную сторону брака, долженъ имѣть въ виду, что общественная нравственность зависитъ отъ чистоты семейныхъ отношеній. Расторженіе брака, по существу своему, уже составляетъ явленіе печальное и предосудительное, невыгодно отражающееся на личности супруговъ, осуждаемое общественнымъ мнѣніемъ. Тяжесть послѣдствій развода уже сама по себѣ обусловливаетъ исключительность его. Разводъ всегда является крайней и послѣдней мѣрой, которой должны ограждаться нравственный характеръ брака и человѣческое достоинство супруговъ. Мы думаемъ, что нѣтъ основаній требовать непремѣннымъ условіемъ развода подробное заявленіе причинъ его и доказательства ихъ, всегда подающихъ поводъ къ соблазну,—когда есть возможность прекратить бракъ по добровольному соглашенію супруговъ. Но съ другой стороны, бракъ имѣетъ значеніе не только для супруговъ, но для ихъ дѣтей, для ихъ семействъ; вся общественная жизнь заинтересована въ проч-

ности брачнаго союза и, допуская разводъ по взаимному соглашенію супруговъ, нельзя давать возможность легкомысленному и произвольному прекращенію такаго важнаго союза. Необходимо, щадя нравственное чувство супруговъ, для которыхъ продолженіе брачнаго сожитія стало невозможнымъ, оградить и интересы общества. Постановленія кодекса Наполеона о разводѣ по взаимному согласію являются удобнѣйшей формой для удовлетворенія этихъ требованій. Для такаго развода требуется согласіе не только супруговъ, но и ихъ восходящихъ родственниковъ, которые представляютъ интересы семейства. Супругамъ дозволяется просить развода лишь тогда, когда можно предполагать, что они достигли полной зрѣлости сужденія: мужъ долженъ имѣть неменьше 25 лѣтъ, жена—не меньше 21 года и не болѣе 45 лѣтъ. Сверхъ того, супруги должны состоять въ бракѣ не меньше 2 лѣтъ и не болѣе 20 лѣтъ. Согласіе должно быть заявлено четыре раза въ теченіе десяти мѣсяцевъ. По наступленіи развода супруги въ теченіе трехъ лѣтъ неимѣютъ права вступать въ бракъ. Съ наступленіемъ развода признается право собственности дѣтей на половину имущества ихъ родителей. Наконецъ, прокурорскій надзоръ, охраняя интересы общества, принимаетъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи такихъ дѣлъ. Строгость этихъ правилъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ того, что разводъ по взаимному соглашенію не будетъ предприниматься супругами безъ важныхъ основаній. Его слѣдуетъ допустить и въ интересахъ общественной нравственности. Судебное разбирательство основаній развода при закрытыхъ дверяхъ не можетъ гарантировать отъ огласки тѣхъ поводовъ къ разводу, которые волнуютъ общество своей соблазнительностью и могутъ быть скрыты лишь супругами, заинтересованными лично въ сохраненіи тайны причинъ развода. Такъ какъ подобнаго рода разводъ происходитъ безъ выясненія причинъ, почему виновная сторона не имѣетъ основаній чувствовать вражду къ невинному супругу, который могъ бы доказать его виновность и требовать развода на законномъ основаніи, то разводъ по взаимному соглашенію представляетъ еще и то удобство, что бракъ можетъ

возстановиться, если виновный загладитъ свою вину, къ чему представляется ему полная возможность: соблазнъ бракоразводнаго иска не ожесточилъ виновнаго и не повредилъ ему въ общественномъ мнѣніи. Возстановленіе брака послѣ такаго развода вполнѣ возможно, а поддержаніе крѣпости брачнаго союза составляетъ прямой интересъ общества, цѣль закона о союзѣ брачномъ. Наконецъ, серьезно обусловленное согласіе брачующихся составляетъ основу брачнаго союза, потому всего естественнѣе и логичнѣе разводъ поставить въ такую же зависимость отъ серьезно обусловленнаго согласія. *)

Взаимное согласіе супруговъ не можетъ, однако, быть единственнымъ средствомъ развода. При тѣхъ условіяхъ, которыми оно сопровождается, необходимо предположить состороны невиннаго супруга гуманное отношеніе къ виновному, великодушную рѣшимость, во избѣжаніе соблазна подвергнуться тяжелымъ послѣдствіямъ такаго развода; со стороны виновнаго супруга сознаніе своей вины, отсутствіе ложнаго стыда и упрямства. Потому всѣ законодательства, кромѣ романскихъ, допускаютъ разводъ въ слѣдствіе дока-

---

*) Въ датскій кодексъ (1688 г.), разводъ по взаимному соглашенію введенъ въ 1824 году. Супругамъ предоставлено договариваться о разлученіи отъ стола и ложа и по истеченіи трехъ лѣтъ разлученія дозволяется просить развода. Въ Норвегіи такой разводъ можетъ состояться послѣ трехлѣтняго разлученія отъ стола и ложа и не иначе, какъ съ разрѣшенія короля. Въ Голландіи онъ разрѣшается косвенно: супруги могутъ по добровольному соглашенію разлучиться отъ стола и ложа, но затѣмъ, если въ теченіи пяти лѣтъ не возстановятъ брачнаго сожитія, имъ предоставляется право просить развода. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ разводъ по соглашенію допущенъ въ границахъ кодекса Наполеона. Въ Цюрихѣ онъ можетъ имѣть мѣсто, когда супруги состоятъ въ бракѣ неменѣе трехъ лѣтъ и не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Дѣти до пятилѣтняго возраста остаются при матери, а потомъ переходятъ къ отцу. Въ прирейнской Пруссіи, Вюртембергѣ, Пфальцѣ, Бельгіи дѣйствуютъ постановленія кодекса Наполеона. Въ Пруссіи допускается разводъ по взаимному соглашенію лишь въ томъ случаѣ, когда у супруговъ нѣтъ дѣтей и когда попытки суда примирить супруговъ и устранить ихъ взаимное отвращеніе не увѣнчались успѣхомъ, равнымъ образомъ, когда нѣтъ надежды, что бы супруги имѣли дѣтей.

занной вины одного изъ супруговъ. Судебная практика Германіи выяснила любопытный фактъ, что, при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ, число разводовъ многочисленнѣе тамъ, гдѣ законы допускаютъ многочисленныя основанія для разводовъ, нежели тамъ, гдѣ законныя причины развода въ ограниченномъ числѣ. *) Въ интересахъ общества слѣдуетъ воспользоваться этимъ указаніемъ.

То, чѣмъ уничтожается сущность брака, должно служить поводомъ къ разводу. Къ такимъ обстоятельствамъ принадлежатъ: безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ, неизлечимая душевная болѣзнь, если супругъ, одержимый ею, не достигъ преклонныхъ лѣтъ; прелюбодѣяніе; жестокое обращеніе и лишеніе гражданскихъ правъ въ слѣдствіе преступленія. Злонамѣренное оставленіе одного супруга другимъ не можетъ служить поводомъ къ разводу: супруги могутъ требовать другъ отъ друга общаго мѣста жительства; право на разводъ по поводу жестокаго обращенія охраняетъ ихъ личную неприкосновенность. Тяжкая, неизлечимая душевная болѣзнь влекущая за собой полную потерю душевныхъ способностей, должна составлять также поводъ къ разводу. Слѣдствіемъ этой болѣзни бываетъ всегда прекращеніе способности совершать гражданскія дѣйствія и утрата нравственнаго человѣческаго образа. При такихъ условіяхъ невозможно продолженіе брачнаго единенія и бракъ долженъ подлежать расторженію по требованію одного изъ супруговъ. Однако, уваженіе къ брачному союзу, самому по себѣ, требуетъ, что бы подобное ходатайство одного изъ супруговъ не допускалось, когда возможно предположеніе, что больному супругу, по преклонности возраста, остается жить недолго. Такой возрастъ, во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, считается отъ шестидесяти лѣтъ. Физическіе недуги также не даютъ права здоровому супругу покидать больнаго, которому первый обязался вѣчной вѣрностью. Любовь, лежащая въ

*) См. Strippelmann, das Ehescheidungsrecht etc., стр. 103 сл. Cassel, 1854 г.

основѣ брака, требуетъ въ этомъ случаѣ усиленной преданности и самоотверженія. Мы не можемъ не признать безнравственными тѣ законодательства, которыя допускаютъ, какъ поводъ къ разводу, болѣзнь, препятствующую плотскому супружескому сожитію. Если же болѣзнь служитъ симптомомъ нарушенія супружеской вѣрности—тогда законъ допускаетъ разводъ по причинѣ прелюбодѣянія. Жестокое обращеніе должно составлять поводъ къ разводу, но, намъ кажется, слѣдуетъ избѣгнуть подробнаго законодательнаго опредѣленія этого случая, предоставивъ судебной практикѣ выработать въ приложеніи къ частнымъ случаямъ развитіе этого правила. Того требуетъ различіе въ нравахъ и умственномъ развитіи различныхъ общественныхъ слоевъ. Высокое положеніе суда и лицъ судебнаго вѣдомства, равнымъ образомъ, участіе прокурорскаго надзора въ разсмотрѣніи бракоразводныхъ дѣлъ составляютъ достаточное ручательство въ правильномъ практическомъ развитіи этого положенія. Нѣкоторыя законодательства допускаютъ, какъ поводъ къ разводу, расточительность, угрожающую растратою имущества, принадлежащаго одному изъ супруговъ. Мы полагаемъ, что изъ сущности брачнаго союза вовсе не слѣдуетъ какое либо право одного изъ супруговъ на исключительное пользованіе собственностью другаго супруга; что, поэтому, нормой имущественныхъ отношеній между супругами должна служить полная раздѣльность собственности супруговъ, принятая въ русскомъ законодательствѣ, а потому не допускаемъ возможности такаго повода къ разводу. *)

---

*) Прусское уложеніе допускаетъ разводъ по требованію одного изъ супруговъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) прелюбодѣяніе, 2) злонамѣренное оставленіе, 3) отказъ исполнять супружескія обязанности, 4) неспособность къ сожитію, возникшая въ бракѣ, 5) безуміе и сумасшествіе, 6) покушеніе на жизнь и честь супруга со стороны другаго супруга, равно какъ злобный характеръ супруга, угрожающій жизни другаго супруга, 7) преступленіе, влекущее заключеніе супруга въ смирительный домъ или крѣпость, сюда же относится занятіе какимъ либо зазорнымъ ремесломъ; 8) пьянство, расточительность и безпорядочное веденіе хозяйства; 9) отказъ мужа давать женѣ содержаніе, если онъ происходитъ въ слѣдствіе расточительнаго образа жизни мужа; 10) перемѣна религіи однимъ изъ супруговъ; 11)

Послѣдствія развода касаются личности супруговъ, ихъ дѣтей и имущественныхъ отношеній между супругами. Эти послѣдствія различны, смотря по тому, состоялся ли разводъ по взаимному соглашенію между супругами или же по винѣ одного изъ нихъ. Одинаковы для обоихъ родовъ развода послѣдствія личныя, которыя состоятъ въ томъ, что прекращается обязанность имѣть одно мѣсто жительства (domicilium) и супруги сохраняютъ за собой права, пріобрѣтенныя ими во время брака. Эти права заключаются въ томъ, что жена сохраняетъ имя мужа и оба супруга пользуются тѣми имущественными правами, которыя предоставлены имъ взаимно во время брака.

непреодолимое отвращеніе, когда у супруговъ нѣтъ дѣтей и когда разводъ требуется по свободному соглашенію супруговъ; отсутствіе обоюднаго соглашенія не препятствуетъ разводу, но влечетъ для супруга требующаго развода, послѣдствія, опредѣленныя для виновной стороны.—Саксонскій кодексъ (1863 г.) признаетъ тѣ же поводы къ разводу, за исключеніемъ покушеній на честь супруга, отказа мужа доставлять женѣ содержаніе, отказа исполнять супружескія обязанности и непреодолимаго отвращенія. Болѣзнь, препятствующая сожитію, только тогда признается причиной развода, когда произошла умышленно, или когда составляетъ послѣдствіе прелюбодѣянія. По добровольному соглашенію разводы не допускаются.—Въ Австріи (1812 г.) поводами развода признаются: безвѣстное отсутствіе и злонамѣренное оставленіе, покушеніе на жизнь одного супруга со стороны другаго, дурное обращеніе и непреодолимое отвращеніе; послѣдняя причина можетъ быть основаніемъ развода только тогда, когда она обусловлена взаимнымъ согласіемъ. Разводъ можетъ воспослѣдовать только послѣ разлученія отъ стола и ложа на срокъ, назначенный судомъ, который можетъ быть повторенъ.—Въ Баденѣ (1807): прелюбодѣяніе, тюремное заключеніе свыше 5 лѣтъ, предпріятія, подвергающія опасности жизнь или здоровье супруга, безсліе происшедшее по своей винѣ супруга, трехлѣтнее отсутствіе или бѣгство изъ страны, отказъ въ сожитіи въ теченіе трехъ лѣтъ, сумасшествіе свыше трехъ лѣтъ и неспосное поведеніе (Unverträglichkeit), неизмѣняющееся въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ прочихъ странахъ Германіи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя руководятся кодексомъ Наполеона, основаніями для развода приняты принципы, выработанные реформаціей и вошедшіе въ обще-нѣмецкое право. Эти основанія вошли въ законодательства Пруссіи, Саксоніи и Бадена. Въ Англіи (1857) разводъ можетъ состояться въ слѣдствіе прелюбодѣянія со стороны мужа, когда оно сопровождается жестокимъ обращеніемъ съ женой; по поводу прелюбодѣянія со стороны жены; жестокаго обращенія; судебнаго приговора обвиняющаго супруга въ противоестественномъ развратѣ; двухлѣтняго, безпричин-

При разводѣ по взаимному соглашенію, принимая нормою имущественныхъ отношеній раздѣльность имущества супруговъ, супруги должны сохранить за собой свои имущества, при чемъ они могутъ, если находятъ необходимымъ, обезпечить содержаніе одинъ другому, если въ томъ представляется необходимость. Распоряженія относительно дѣтей должны быть условлены ими въ особыхъ договорахъ, въ составленіи которыхъ должны принять участіе и восходящіе родственники обоихъ супруговъ. Эти договоры должны быть непремѣннымъ условіемъ развода по взаимному соглашенію. Законъ, не признавая ни одного изъ супруговъ явнымъ виновникомъ развода, не можетъ ни одного изъ нихъ лишить права надзора надъ воспитаніемъ дѣтей, потому, независимо отъ договоровъ, оба родителя сохраняютъ право наблюдать за дѣтьми и несутъ обязанность доставлять средства, необходимыя для воспитанія дѣтей, соразмѣрно своимъ достаткамъ. Будущность дѣтей должна быть обезпечена отъ невыгодныхъ для нихъ послѣдствій вторичнаго брака ихъ родителей. Французское право признаетъ дѣтей на половину имущества ихъ разведенныхъ родителей (по римскому праву въ пользу ихъ удерживалось до половины приданаго). Этимъ обезпечиваются наслѣдственныя права дѣтей, но нѣтъ необходимости, до смерти родителей, лишать сихъ послѣднхъ права пользоваться своимъ имуществомъ въ полномъ его объемѣ.

наго отсутствія (absense). Въ Голландіи (1838) причинами развода признаются: прелюбодѣяніе, злонамѣренное оставленіе, безвѣстное отсутствіе и жестокое обращеніе, угрожающее опасностью жизни одного изъ супруговъ. Въ Даніи и Норвегіи, кромѣ причинъ, изложенныхъ въ К. Н., злонамѣренное оставленіе, безсиліе, начавшееся до брака и заразительная болѣзнь. Въ Швеціи приняты начала, господствующія въ обще-нѣмецкомъ правѣ. Въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ руководствуются постановленіями, заимствованными изъ кодекса Наполеона. Нѣкоторыя законодательства не допускаютъ развода, коль скоро супруги, или одинъ изъ нихъ, исповѣдуютъ римско-католическую вѣру (Брауншвейгъ). Иныя допускаютъ, вмѣстѣ съ разводомъ, разлученіе супруговъ отъ стола и ложа. Наконецъ, романскія законодательства и законодательство Луизіаны совершенно воспрещаютъ разводъ, допуская лишь разлученіе отъ стола и ложа. Исключеніе составляетъ Бельгія сохранившая постановленія наполеонова кодекса въ первоначальномъ его видѣ относительно развода.

Иныя должны быть послѣдствія развода по винѣ одного изъ супруговъ. Въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія, лишенія правъ состоянія и душевнаго недуга одного изъ супруговъ другому супругу должны быть предоставлены тѣ наслѣдственныя права, которыя онъ получилъ бы по смерти перваго супруга по закону. Если же, въ случаѣ развода по причинѣ душевной болѣзни, больной супругъ не имѣетъ средствъ къ существованію, таковыя долженъ доставлять здоровый супругъ. Если разводъ состоялся по поводу прелюбодѣянія или жестокаго обращенія одного изъ супруговъ, невинный супругъ можетъ требовать, чтобы виновный доставлялъ ему содержаніе, по мѣрѣ своей зажиточности, напр. не свыше одной третьей части своихъ доходовъ, если невинная сторона имѣетъ въ томъ необходимость. Попеченіе о дѣтяхъ должно быть поручено невинному супругу. Права ихъ на наслѣдованіе половины имущества виновнаго супруга должны быть обезпечены какъ и въ первомъ случаѣ и супругъ этотъ долженъ быть обязанъ доставлять необходимыя средства для воспитанія дѣтей. Вліяніе этого развода на личныя права супруговъ должно выражаться въ томъ, что супругу, виновному въ прелюбодѣяніи, долженъ быть воспрещенъ бракъ съ соучастникомъ его въ преступленіи. Женѣ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть воспрещенъ бракъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ по состоявшемся разводѣ въ видахъ охраненія наслѣдственныхъ правъ могущаго родиться ребенка.

Изъ гражданскаго характера брака слѣдуетъ, что бракоразводныя дѣла должны вѣдаться въ общихъ гражданскихъ судахъ. Въ интересахъ общественной нравственности необходимо допустить, что бы эти дѣла разсматривались при закрытыхъ дверяхъ, а на прокурорскій надзоръ возложить защиту брачнаго союза. Процедура, установленная для этихъ дѣлъ въ кодексѣ Наполеона, представляетъ всѣ необходимыя гарантіи правильнаго и цѣлесообразнаго судопроизводства. *)

*) Въ Англіи бракоразводныя дѣла разсматриваются въ особомъ судѣ (court of divorces and matrimonial causes), образующемъ, въ разномъ составѣ, двѣ инстанціи; на рѣшеніе во второй инстанціи жалоба подается въ

Мы уже упомянули, что высказанныя нами соображенія о необходимости установленія гражданской формы заключенія брака и касательно основаній недѣйствительности брака и развода относятся лишь къ бракамъ лицъ, непринадлежащихъ къ господствующему греко-россійскому вѣроисповѣданію. Положеніе православной вѣры въ государствѣ требуетъ, что бы права ея охранялись и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ ее, другой же принадлежитъ къ иновѣрцамъ. Въ результатѣ мы получили бы въ законодательствѣ двѣ формы брачнаго союза: одну для православныхъ, другую для неправославныхъ и нехристіанъ. Законодательство въ этомъ видѣ, конечно, не могло бы считаться доведеннымъ до того юридическаго совершенства, въ которомъ желательно было бы видѣть его, но, при всемъ томъ, сдѣланъ былъ бы важный шагъ къ упрощенію и улучшенію его. Современное мѣстное законодательство привислянскаго края находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Оно состоитъ изъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ, несвязанныхъ органически въ одно цѣлое. Кодексъ Наполеона, уложеніе 1825 г., каноническіе законы, остатки феодальныхъ правъ дѣйствуютъ одновременно, хотя противорѣчатъ другъ другу по духу. Обновленіе края требуетъ законодательной реформы. Желательно, чтобы это преобразованіе, совершилось въ общемъ духѣ послѣднихъ преобразованій, въ видахъ объединенія съ законодательствомъ имперскимъ. Но объединеніе можетъ, по нашему мнѣнію, совершиться невдругъ: ему должно предшествовать упрощеніе мѣстнаго законодательства и примиреніе разнородныхъ частей его.

Реформа законовъ о союзѣ брачномъ требуется и другими соображеніями. Большинство народонаселенія страны принадлежитъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Отдавая бракоразводныя дѣла въ вѣдѣніе духовенства, этому послѣднему даютъ могучее средство вліянія на общественное настроеніе. Но стремленія духовенства играть полити-

---

палату лордовъ. Дѣла разрѣшаются съ участіемъ присяжныхъ. См. Franqueville, Les Institutions de l'Angletterre, 289. Paris. 1864 г.

ческую роль, образовывать изъ себя государство въ государствѣ, признавать во всѣхъ отношеніяхъ обязательнымъ не законъ страны, а личную волю иностраннаго государя первосвященника, дѣлаютъ участіе духовныхъ властей, неправильное само по себѣ, въ свѣтскихъ дѣлахъ небезопаснымъ для гражданскаго порядка въ краѣ, что доказывала постоянно исторія двухъ послѣднихъ столѣтій. Введеніе гражданской формы заключенія брака и передача бракоразводныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе свѣтскихъ судовъ требуются не только необходимостью упростить юридическія отношенія брака, не только потребностью въ стройномъ законодательствѣ и опредѣленномъ гражданскомъ положеніи союза брачнаго въ цѣпи союзовъ человѣческаго общежитія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляютъ въ настоящее время политическую необходимость привислянскаго края.

М. П. Соловьевъ.

ОБЫЧНО-НАРОДНЫЯ И КНЯЖЕСКІЯ НАКАЗАНІЯ

по

ДРЕВНЕ-РУССКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

I.

ОБЫЧНО-НАРОДНАЯ МЕСТЬ.

Первоначальное понятіе юридическаго наказанія въ древне-русскомъ правѣ обозначалось словомъ „месть“. Этимъ словомъ обозначалось, какъ самое понятіе сущности юридическаго наказанія, такъ и формъ, въ которыхъ оно воплощалось и средствъ, которыми примѣнялось. Такое общее обозначеніе однимъ и тѣмъ же словомъ и содержанія и формъ этого содержанія, и цѣлаго понятія и частей его—имѣло слѣдствіемъ необходимую трудность въ изслѣдованіи мести по древне-русскому праву. Недостатокъ историческихъ свѣденій о первобытной эпохѣ нашего права—съ одной стороны, бѣдность содержанія и изобразительности дошедшихъ свѣденій—съ другой, наконецъ естественная трудность путемъ логическихъ выводовъ формулировать изслѣдываемыя явленія,—все это вмѣстѣ имѣло результатомъ неясность и сбивчивость въ опредѣленіи понятія первичнаго, юридическаго наказанія по древне-русскому праву. Подъ местью разумѣли грубое, неограниченное проявленіе права наказанія, неограниченное, жестокое употребленіе средствъ, безъ

всякой мѣры; подъ местью разумѣли наконецъ безотчетное, инстинктивно—одинаковое уничтоженіе и врага и обидчика.

На самомъ дѣлѣ это не такъ; месть являющаяся первою ступенью въ развитіи идеи юридическаго наказанія, присущей человѣческому обществу, какъ разумно - необходимое явленіе исключаетъ понятіе всего инстинктивнаго, всего случайнаго, всего противорѣчащаго правовому порядку. Въ мести проявилось тоже, что проявляется и въ настоящемъ быту въ нашемъ юридическомъ наказаніи, только въ началѣ, а развитіе идеи юридическаго наказанія въ вѣкахъ прошедшихъ, конечно не стояло на той точкѣ, на которой находится теперь.

Ближайшее разсмотрѣніе понятія мести показываетъ, что она, какъ право наказанія, проявлялась въ различныхъ, опредѣленныхъ формахъ и примѣнялась къ виновнымъ въ различныхъ, опредѣленныхъ средствахъ. По этому, чтобы изъ аналитическаго разсмотрѣнія частей этого понятія составить болѣе безошибочное мнѣніе о цѣломъ понятіи, руководствуясь историческимъ проявленіемъ его въ дѣйствительной жизни, мы разсмотримъ месть, по ея формамъ, причемъ укажемъ на употребительныя и опредѣленныя ея средства и мѣру.

Происхожденіе и сущность мести въ первичныхъ обществахъ обусловливалось юридическимъ состояніемъ народа и его понятіями о правѣ. Какъ и всякій общественный организмъ, первичное общество въ стремленіи поддержать свое существованіе и для достиженія существенно-основной цѣли своей, благосостоянія всѣхъ и каждаго должно было противодѣйствовать всему, что нарушало его общественный, правовой порядокъ и охранять его сообразно своему воззрѣнію. Такимъ образомъ, поддерживая свое собственное существованіе и устраняя все мѣшающее его саморазвитію и жизнедѣятельности, первичное общество, кромѣ того въ тѣхъ же видахъ такъ, или иначе должно было реагировать противъ всякаго нарушенія своего общественнаго уклада, или правоваго порядка. Съ значеніемъ общественной реакціи противъ правонарушеній и является понятіе мести, какъ

первичнаго юридическаго наказанія въ первобытномъ обществѣ. „Родясь, живя и умирая въ государствѣ подъ его законами, мы такъ привыкли къ государственной жизни", говоритъ Дюбуа, что съ трудомъ понимаемъ состояніе первичнаго общества, въ которомъ большею частью представляется намъ какой-то до государственный хаосъ, гдѣ право и сила смѣшаны между собою *).

Но это представленіе ошибочно и опровергается изслѣдованіями новѣйшихъ криминалистовъ, какъ остатокъ прежнихъ покидаемыхъ мнѣній объ естественномъ состояніи человѣка съ его bellum omnium contra omnes **).

Въ первичныхъ обществахъ, гдѣ отношенія членовъ не опредѣлялись положительнымъ законодательствомъ, гдѣ не было твердой общественной власти, которая защищала бы права ввѣренныхъ ей членовъ, естественно легко могли возникать столкновенія, между частными лицами, ведшія иногда къ правонарушенію. Для отраженія такихъ-то столкновеній, для преслѣдованія и наказанія виновныхъ въ правонарушеніи, первоначальный бытъ народа обыкновенно не представлялъ особыхъ, спеціальныхъ органовъ. Не представлялъ потому, что первобытная жизнь народа имѣла больше единства, больше равноправности, чѣмъ его послѣдующая. „Прежде всего", говоритъ Игирингъ о первобытныхъ обществахъ, „каждая жизненная необходимость удовлетворялась самой жизнью, увеличивающееся развитіе которой, мало по малу отдѣлило различные органы для различныхъ задачъ и интересовъ общества" ***).

Однообразіе склонностей и потребностей человѣка первичнаго общества, довольствовавшагося тѣмъ немногимъ, что представляла ему окружавшая его природа, вело къ однообразію занятій и образа жизни,—а это однообразіе служило къ уравненію правовыхъ отношеній юридическаго

---

*) Histoire du droit criminel des peuples modernes.

**) *Seeger*—Abhandlungen aus dem Strafrechte.

***) Geist des Römischen rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwickelung.

быта. Ни въ одномъ первичномъ обществѣ мы не находимъ различія между членами по ихъ правамъ и совершенно не находимъ раздѣльности на замкнутыя группы, на сословія. Право власти и обязанность подчиненія въ первичныхъ обществахъ не разнообразились и не усложнялись такъ, какъ въ позднѣйшее время народной жизни. Всякій членъ первичнаго общества, если онъ былъ правоспособнымъ, признавался правоспособнымъ на столько же почти, на сколько и всякій другой. Эта то равноправность членовъ первичнаго общества и была главнѣйшею причиною отсутствія особыхъ органовъ для отраженія и преслѣдованія и наказанія правонарушеній. И какъ при однообразіи занятій и при отсутствіи раздѣленія труда всякій членъ такого общества совмѣщалъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ функцій производства, такъ въ юридическомъ оборотѣ того времени каждый соединялъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ правовыхъ функцій. Какъ каждый въ первичномъ обществѣ былъ и земледѣлецъ и воинъ, такъ каждый былъ судья и защитникъ своихъ правъ, на сколько и всякій другой. Уголовное правосудіе, такимъ образомъ, въ первичномъ обществѣ осуществлялось, можно сказать, и цѣлымъ народомъ и каждымъ индивидуумомъ, входившимъ въ составъ его; такъ что первоначально и право суда, и право наказанія въ жизни народа принадлежали и цѣлому обществу и каждому его члену, что и видно въ исторіи древне-русскаго права.

Славянскія общины, основанныя на круговой порукѣ, представлявшіяся замкнутыми, самостоятельными единицами, въ отношеніи другихъ союзовъ общинъ охраняли свои права въ междуобщинныхъ отношеніяхъ и наказывали ихъ нарушеніе въ формѣ мести.

Внутри себя общины представляли такую же охрану своихъ правъ, какъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Внутри—общинная месть принадлежала цѣлой общинѣ, роду, или семейству, или непосредственно потерпѣвшему правонарушеніе, смотря потому, кого ближе всѣхъ касалось оно и кто былъ въ состояніи отмстить за правонарушеніе. Такимъ образомъ внутри—общинная месть, какъ естественное охраненіе правъ

первобытныхъ обществъ, неогражденныхъ положительными законами, принадлежала тому, чьи права нарушались, непосредственно—потерпѣвшему правонарушеніе, или посредственно — обиженной сторонѣ. А посредственно—обиженную сторону, конечно, составляли лица, находившіяся съ оскорбленнымъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ прочія. По этому семья, или родъ, какъ совокупность лицъ, связанныхъ съ непосредственно оскорбленнымъ извѣстными духовными и матеріальными отношеніями, при нанесеніи обиды одному изъ своихъ членовъ, всегда возставали противъ обидчика. Интересы обиженнаго связывались болѣе, или менѣе съ этимъ родственнымъ союзомъ; если страдали интересы члена семьи, или рода непосредственно, то страдали болѣе или менѣе посредственно и интересы цѣлой семьи, или цѣлаго рода; если обида—преступленіе поражало непосредственно извѣстное лицо семьи, или рода, то вмѣстѣ съ тѣмъ преступленіе посредственно поражало интересы цѣлой семьи, или рода. По этому-то у всѣхъ народовъ, находившихся въ родовомъ быту, родственникамъ оскорбленнаго принадлежало право отмщенія, если обиженный не могъ непосредственно отмстить себѣ самъ, напр. при убійствѣ. Точно также, какъ при внутриобщинной мести право отмщенія распространялось на лицъ, находившихся съ обиженнымъ въ болѣе тѣсной связи, такъ при внѣ—общинной мести право отмщенія за оскорбленіе членомъ чужой общины своего принадлежало цѣлой общинѣ, какъ самостоятельному союзу, связанному извѣстными, юридическими отношеніями съ обиженнымъ. Вообще можно сказать, что какой единицей являлась семья, или родъ обиженнаго въ отношеніи обидчика при внутриобщинной мести, такой единицей являлась обиженная община въ отношеніи обидчика, члена чужой общины, при междуобщинной мести. Аналогичное явленіе съ общинной жизнью древнихъ Славянъ и междуобщинной местью представляетъ жизнь древнихъ Германскихъ племенъ. Основаніемъ ихъ первоначальнаго, родоваго устройства была также какъ и у Славянъ круговая порука и также какъ у Славянъ члены одной и той же общины имѣли обязанностью

мщеніе за своего члена; такъ у Германцевъ родичи отстаивали своего члена, хотя бы не праваго, потому что не признавали правъ за инородцами, ненаходящимися съ ними въ извѣстныхъ сношеніяхъ. Смерть ожидала всякаго инородца, переступившаго завѣтный предѣлъ марки, земля которой, по словамъ древней пѣсни, окружена была гибелью *).

Разсматривая месть, какъ право наказанія, я сказалъ, что она принадлежала не только частному лицу, но и извѣстному союзу, состоявшему съ обиженнымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, или родственныхъ, или юридическихъ. Въ понятіи мести представляются по этому двѣ стороны: непосредственная, какъ право наказанія, принадлежавшее непосредственно оскорбленному, месть преимущественно отличающаяся характеромъ взысканій по гражданскому праву и посредственная, какъ право наказанія, принадлежавшее лицамъ находившимся съ непосредственно обиженнымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ—месть преимущественно обязательнаго характера. Частное лицо, потерпѣвши извѣстное оскорбленіе, конечно, могло, если было физически возможно отмстить свое оскорбленіе, но оно могло и простить свою обиду, потому что месть была столько же его правомъ, сколько и его обязанностью. Съ другой стороны месть семьи, рода, или общины является уже болѣе обязательной. Обязательство это основывалось на тѣсной, неразрывной связи первичныхъ союзовъ, и родственныхъ, и юридическихъ. И чѣмъ первичнѣе разсматриваемъ мы состояніе общества, тѣмъ эта обязанность является сильнѣе, уничтожаясь только съ развитіемъ юридическаго быта и авторитета общественной власти.

Каждая славянская община въ отношеніи къ другимъ общинамъ была совершенно самостоятельна и не признавала никакихъ правъ за ихъ членами, не находившимися съ ней въ извѣстной связи, или отношеніяхъ. Отъ того-то происходили постоянныя войны и распри между общинами. Оскорбленіе одного изъ членовъ общины чужимъ поднимало противъ

*) Соч. *Грановскаго* I ч. „о родовомъ бытѣ Германцевъ“. юрид. вѣстн. 1873. № 7 и 8.

оскорбителя цѣлое общество, которое считало обязанностью отмстить за причиненную обиду своему члену, отмстить той общинѣ, къ которой принадлежалъ обидчикъ; съ другой стороны за обидчика становилась его община и начиналась война, или междуобщинная месть, длившаяся довольно долго и не всегда кончавшаяся побѣдой праваго. И только про эту форму мести можно сказать, что она не носила характера права, и что она преимущественно опиралась на физическую силу. „У Киргизовъ", говоритъ одинъ путешественникъ, находящихся въ родовомъ быту, только въ своемъ, или дружественномъ родѣ, грабежъ считается преступленіемъ и смерть грабителя не вызываетъ кровной мести, грабежъ же въ чужихъ родахъ считается правымъ потому, что всѣ члены чужихъ родовъ считаются безправыми *).

Конечно въ глазахъ народа, составлявшаго извѣстную общину, она имѣла право и даже обязанность мстить всякой другой за оскорбленіе своего члена, но эта месть не основывалась на правѣ, потому что въ глазахъ извѣстной общины, убійство человѣка, принадлежавшаго къ чужой, не было преступленіемъ, потому что всѣ общины признавались безправыми въ отношеніи къ своей. Такимъ образомъ междуобщинная месть славянскихъ племенъ была аналогична съ между-родовой местью народовъ, находившихся въ родовомъ быту и находящихся въ немъ и въ настоящее время.

Еще болѣе представляетъ аналогію междуобщинная месть Славянъ съ междуобщинной местью, существующею теперь у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1864 г. есть довольно интересная статья о Гиляхъ, сибирскихъ инородцахъ, живущихъ по низовью Амура и на Сахалинѣ. По словамъ вѣстника у Гиляковъ существуетъ месть частная, родственная и общинная, въ настоящее время очень рѣдкая, но прежде бывшая въ большомъ употребленіи. За обиду, нанесенную цѣлой деревнѣ этихъ инородцевъ, говоритъ „вѣстникъ," вся деревня вооружается и

*) Рус. слово 1859. X т.

мститъ открыто врагамъ. Иногда подобная месть оканчивается простою дракою, а иногда и убійствомъ. Если съ обѣихъ сторонъ жертвъ падетъ равное количество, то дѣло этимъ и кончается: если же съ одной стороны падетъ больше, то эта сторона старается отмстить послѣ. Тоже почти встрѣчается и у кавказскихъ горцевъ, живущихъ въ Дагестанѣ. „Адатъ", или обычай, замѣнявшій у горцевъ положительное право, до того силенъ и теперь, что несмотря на всѣ усилія русскаго правительства горцы и до настоящаго времени, слѣдуя ему, удерживаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ право мщенія, какъ за непосредственно-обиженнымъ, такъ и за лицами одного съ нимъ рода и общины *).

Что касается до особеннаго значенія междуобщинной мести Славянъ, похожей скорѣе на войну, чѣмъ на юридическое наказаніе, то это значеніе сохранялось въ народной жизни и по уничтоженіи разрозненности общинъ, главной причины междуобщинной мести. Слово месть, употреблявшееся въ смыслѣ юридическаго наказанія, употреблялось и въ смыслѣ войны. Такъ говорятъ лѣтописи, князь Василько хотѣлъ „мстити Ляхомъ за руськую землю" *). Въ 944 году, разсказываютъ далѣе лѣтописи, князь Игорь, „совкупивъ вои многи, ... поиди на Греки въ лодьяхъ и на конихъ, хотя мьстити себѣ" **). „Язъ пойду въ Половци: мьстивѣ сорома своего" ***), говорилъ князь Мстиславъ, собираясь идти на Половцевъ, чтобы отмстить имъ свое пораженіе. Съ раздѣльностью русской земли на многія, самостоятельныя области въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются примѣры междуобластной мести въ значеніи войны ****).

Это обозначеніе однимъ и тѣмъ же словомъ и юридическаго наказанія и войны подтверждаетъ высказанное мнѣніе, и такъ какъ при этой формѣ мести не сила была на сто-

*) Сборникъ свѣденій о Кавказскихъ горцахъ. Изд. Кавказ. горскаго управленія 1868—1869 г.

**) П. С. L. V, 153.

***) П. С. L. I, 30.

****) ibid. II, 161.

*****) П. С. L. см. преим. Новг. и Псков. л. л.

ронѣ права, а право было на сторонѣ силы, то это значеніе междуобщинной мести не позволяетъ признать ее юридическимъ наказаніемъ. Вслѣдствіе этого не входя въ разсмотрѣніе междуобщинной мести, обратимъ вниманіе на тѣ только формы ея, въ которыхъ болѣе или менѣе проявилось значеніе юридическаго наказанія.

1. Непосредственная месть или самоуправство.

Отсутствіе особыхъ, спеціальныхъ органовъ для охраненія правъ первичныхъ обществъ, а съ другой стороны потребность въ этомъ охраненіи дѣлали необходимой защиту правъ собственными средствами каждаго. Но защищаемое собственными средствами каждаго индивидуума нарушенное право и возстановлялось собственными средствами. Такъ что первоначально, какъ справедливо замѣтилъ Росси, право наказанія почти сливалось съ правомъ личной защиты *). Такимъ образомъ то лицо, права котораго нарушались, вынуждалось къ возстановленію правъ собственными средствами. Эта защита и возстановленіе правъ въ первоначальныя, младенческія времена исторіи каждаго народа выражались въ формѣ самоуправства, или непосредственной мести.

По самому названію эта форма мести показываетъ, что при ней обиженный правонарушеніемъ самъ непосредственно управлялся съ обидчикомъ. Слѣдовательно эта форма мести была возможна только при возможности отмстить свою обиду непосредственно обиженному. По этому она не могла существовать, какъ наказаніе за убійство и важныя тѣлесныя поврежденія, лишавшія возможности обиженнаго управиться съ обидчикомъ собственными средствами. Изъ этого видно, что самоуправство, какъ право наказанія, употреблялось только при личныхъ и вещныхъ правонарушеніяхъ, когда обиженному de facto и de jure представлялась возможность возстановить нарушенное право. Обращаясь къ древнѣйшему памятнику нашего права, Русской Правдѣ, мы видимъ полное примѣненіе вышесказаннаго. Такъ напр. за личное

*) Dans l'enfance des societés le droit de punition est presque confondu avec le droit de défense personelle... Traité de droit pénal 22 p.

оскорбленіе рабомъ свободнаго, послѣдній, по Русской Правдѣ, могъ или убить его, или же получить матеріальное вознагражденіе отъ господина раба *). Далѣе, во второй статьѣ Русской Правды говорится: „или боудетъ кровавъ или синь надраженъ, то не искати ему видока человѣкоу томоу; аще же боудетъ на немъ знаменіа никотораго же, то ли пріидетъ видокъ, аще ли не можеть тоу томоу конець. Оже ли себѣ не можетъ мьстити, то взяти ему за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда“ **). Изъ этой статьи видно, что если кто наносилъ побои, то давалъ право на отмщеніе непосредственно оскорбленному. Но обиженный могъ отмстить только тогда, когда оставались на тѣлѣ раны, или знаки отъ побоевъ. Если же никакихъ знаковъ на тѣлѣ не оставалось, то обиженный могъ отмстить въ томъ только случаѣ, когда представлялъ свидѣтелей нанесенной обиды—видоковъ. Кромѣ того, если почему-либо обиженный не могъ отмстить свою обиду, напр. по болѣзни, то ему предоставлялось на выборъ уполномочить извѣстныхъ лицъ на отмщеніе за понесенную обиду, или войдти въ мировую сдѣлку съ обидчикомъ и получить съ него матеріальное вознагражденіе, но только тогда опять, когда у него имѣлись доказательства полученной обиды. Подобное ограниченіе непосредственной мести встрѣчается и въ Исландскихъ законахъ Gragas: по этимъ законамъ право мести за обиженнымъ удерживается до тѣхъ поръ, пока не изгладятся слѣды полученной обиды. И въ нашемъ правѣ съ потерей доказательствъ обиды обиженный терялъ и право мести за нее; а если и позволялъ себѣ отмщеніе, то оно уже разсматривалось какъ недозволенное самоуправство, какъ правонарушеніе и могло вести за собою обратное мщеніе. Въ послѣдующихъ статьяхъ Русской Правды представляется дальнѣйшее развитіе этого положенія. Такъ при нанесеніи побоевъ: батогомъ, жердью, чашею и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могутъ быть нанесены побои, право на самоуправство обиженный получалъ тогда только, когда съ

*) 16 ст. Ак. сп. 58 тр. сп.

**) 2 ст. Ак. сп.

его стороны представлялись доказательства полученной обиды, знаки отъ ударовъ, свидѣтели. Одинъ же поклепъ истца безъ представленія доказательствъ полученной обиды, не давалъ права ни на самоуправство, ни на вознагражденіе *). Впрочемъ у обиженнаго всегда было право обороняться отъ нападенія на свои права и отвѣчать нападающему на удары ударами, отражать силу силою. „Аже кто кого оударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылеснію..... не терпя ли противу тому оударить, то вины ему въ томъ нѣтуть“ **). Выраженіе „не терпя ли противу тому“, прямо указываетъ на право претерпѣвшаго нападеніе противодѣйствовать напавшему. Такимъ образомъ обиженный могъ отвѣчать на ударъ ударомъ своему оскорбителю, отражая его нападеніе: „и вины ему въ томъ нѣтуть“. Въ свою очередь напавшій, или начавшій ссору, если ему наносились побои, или раны, не могъ жаловаться, потому что считался зачинщикомъ ссоры: „аче же и кровавъ придетъ, или будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежъ оже и бпли“ *). Нельзя не замѣтить въ этомъ случаѣ тождественности самоуправства съ необходимой обороной, потому что отраженіе нападенія дозволяется только на мѣстѣ и во время совершенія его. Но, имѣя въ виду приведенныя и другія статьи Русской Правды, гдѣ самоуправство отождествляется съ необходимой обороной, считаю нужнымъ замѣтить, что такое тождество, по моему мнѣнію, есть слѣдъ позднѣйшаго ограниченія субъективной свободы и самоуправства не всегда справедливаго и не всегда правомѣрнаго. Съ развитіемъ общества, кругъ субъективной свободы каждаго необходимо долженъ былъ съуживаться и самоуправство, постепенно ограничиваясь формальными опредѣленіями подъ конецъ должно было перейдти въ необходимую оборону. Въ первичное же время юридическаго быта понятіе самоуправства и обороны (Nothwehr) не совпадало. Самоуправство различа-

*) 2 ст. Ак. сп.; 23, 60, 61 тр. сп.
**) 20 ст. тр. сп.
***) 23 ст. тр. сп.

лось отъ обороны тѣмъ, что послѣдняя прямо устраняла нападеніе на права, самоуправство же было слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ нападенія, а не устраненіемъ его. Однимъ словомъ, необходимая оборона предполагалась одновременной правонарушенію, самоуправство же предполагало правонарушеніе прошедшимъ и было по этому результатомъ прошлаго дѣйствія. Это различіе самоуправства и необходимой обороны ясно видно изъ приведеннаго выше узаконенія Русской Правды, когда свободный, оскорбленный рабомъ, могъ убить послѣдняго при первой возможности: „где его налезоутъ оударенный той моужь да бьютъ его“ (убьютъ). Впослѣдствіи право убить раба за личное оскорбленіе перешло въ право бить раба, не лишая его жизни: „бити и розвязавше“. Здѣсь еще видно самоуправство, но только ограниченное. Убійство же раба теперь считалось безнаказаннымъ, дозволеннымъ въ томъ только случаѣ, когда собственникъ, не желая упустить бѣжавшаго раба, уполномочивалъ отрока поймать его и если послѣдній, желая остановить бѣглеца, неосторожно убивалъ его, то убійство раба не вмѣнялось въ вину. Такимъ образомъ, неосторожное убійство раба позволялось уже только, какъ оборона собственности рабовладѣльца, но не какъ самоуправство, потому что стрѣляніе въ раба, какъ и всякое дѣйствіе, препятствовавшее его побѣгу, было средствомъ остановить его, но не наказать. И такъ по древне-русскому праву, съ развитіемъ юридической жизни народа, прежнее право частнаго лица непосредственно наказывать правонарушителя, ограничиваясь мало по малу извѣстными случаями, не замѣтно переходитъ изъ права самоуправства въ право необходимой обороны.

То же самоуправство, которое предоставлялось частнымъ лицамъ для огражденія и защиты личныхъ правъ предоставлено было по Русской Правдѣ и въ отношеніи охраненія имущественныхъ правъ. Первоначально каждый собственникъ самъ непосредственно охранялъ и возстановлялъ свое право по вещи. Каждый владѣлецъ вещи, какъ только находилъ ее, опознавалъ, при первой возможности отнималъ ее у правонарушителя. Если рабъ бѣжалъ отъ своего господина къ

другому, говоритъ Рус. Правда, и этотъ послѣдній не выводилъ его на торгъ, или площадь въ теченіи двухъ дней, т.-е. вообще не оповѣщалъ о немъ, то собственникъ раба имѣлъ право самовольно взять его назадъ *). Однимъ словомъ всякое имущество, недобросовѣстно присвоенное, могло быть отобрано его настоящимъ собственникомъ. За уничтоженіе, или поврежденіе имущества хозяинъ его, отказываясь отъ владѣнія вещью, могъ взять за это у виновнаго собственное его имущество; если же собственникъ бралъ назадъ свое поврежденное имущество, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ право, въ вознагражденіе за порчу взять извѣстную часть изъ имущества виновнаго. Это самоуправство въ охраненіи имущественныхъ правъ не имѣло уже такого широкаго объема съ уничтоженіемъ междуобщинной мести, какъ прежде. Предоставляя обиженному собственной силой отнимать то, что у него взято, Рус. Правда вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ личную расправу тѣмъ, что предполагаетъ фактъ похищенія явный (можетъ быть съ насиліемъ), такъ что хозяинъ вещи безъ особеннаго труда могъ отыскать и узнать похитителя въ своей общинѣ. Въ томъ же случаѣ, когда трудно было хозяину вещи угадать, кто былъ прямымъ похитителемъ ея, онъ не могъ частно управляться, а долженъ былъ идти съ тѣмъ, у кого нашелъ свою вещь, къ тому лицу, у котораго тотъ взялъ: „Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рцы емоу мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ“ *). Такимъ образомъ, всякій у кого находилась отыскиваемая собственникомъ вещь велъ истца къ тому, отъ кого самъ получилъ ее, тотъ кто не могъ уже сослаться на кого-нибудь, вознаграждалъ собственника. Это имѣло мѣсто большею частію тогда, когда прямаго похитителя вещи нельзя было открыть, т.-е. когда онъ былъ членомъ другой общины. Такъ что съ уничтоженіемъ междуобщинной мести, можно сказать, ограниченіе самоуправства въ отношеніи вещныхъ правъ состояло въ томъ, что тогда только

*) 26 ст. тр. сп.
**) 29 ст. тр. сп.

собственникъ отнималъ свою вещь у похитителя, когда онъ находилъ ее въ своей общинѣ, „въ своемъ мироу“, какъ говоритъ Рус. Правда. Если же въ своей общинѣ не находилось отыскиваемой вещи, то по другимъ общинамъ самоуправство члена не принадлежавшаго къ нимъ не имѣло мѣста. Замѣтимъ при этомъ, что какъ при личныхъ правонарушеніяхъ самоуправство дозволялось только при существованіи извѣстныхъ доказательствъ, такъ и при вещныхъ правонарушеніяхъ самоуправство не могло вовсе существовать безъ нихъ. Только заявившій о пропажѣ извѣстной вещи на торгу и описавшій ея примѣты могъ взять свою вещь изъ рукъ другаго: „заповѣсть на торгу, а послѣ познаешь въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти“ **). Не заявившій о продажѣ, или похищеніи вещи, не могъ самовольно отнять свою вещь у другаго и для возстановленія права собственности долженъ былъ обратиться къ своду—суду народа.

И этотъ видъ самоуправства, какъ и предыдущій, употреблявшійся при охраненіи личныхъ правъ, съ теченіемъ времени сталъ ограничиваться небольшимъ числомъ случаевъ и переходить въ право имущественной обороны, какъ доказываетъ вышеприведенный примѣръ о безнаказанномъ убійствѣ раба, только въ случаѣ воспрепятствованія его побѣгу. Въ Рус. Правдѣ находятся и другія узаконенія подтверждающія сказанное.

Какъ извѣстно, во всѣхъ первичныхъ обществахъ собственность цѣнится очень дорого, всѣ законодательные памятники, относящіеся къ начальному періоду народной жизни содержатъ въ себѣ строгія наказанія за нарушенія правъ собственности. Быть собственникомъ въ то время, значило быть свободнымъ, независимымъ и правоспособнымъ; лица, не имѣвшія собственности de facto, или de jure—рабы и сами составляли собственность другаго. Слѣдовательно, если столько важныхъ правъ соединялось съ правомъ собственности такъ сказать, право собственности было источникомъ всѣхъ общественныхъ правъ въ первичную эпоху народной жизни,

**) 28 ст. тр. сп.

то и охраненіе этого права и наказанія за его нарушеніе были строги, что мы и дѣйствительно находимъ въ нашемъ древнѣйшемъ, законодательномъ памятникѣ. Рус. Правда постановляетъ: „Аже оубіютъ кого оу клѣти іли оу которо́ѣ татбы, то оубіютъ во пса мѣсто; аже ли і додержать свѣта то вести на княжь дворъ, аже ли оубіютъ и, а оуже боудуть людіе связана видѣли, то платити во томь“ *). Изъ содержанія статьи видно, что убійство ночнаго вора, застигнутаго на мѣстѣ совершенія преступленія считалось позволительнымъ, его могли убить безотвѣтно «во пса мѣсто». Первоначально, когда частному лицу былъ предоставленъ болѣе широкій кругъ въ охраненіи своихъ правъ, убійство ночнаго вора вѣроятно исходило изъ права частнаго лица, какъ охранять свою собственность, такъ и наказывать за нарушеніе правъ собственности. Необходимымъ условіемъ убійства «во пса мѣсто» было только то, чтобы воръ былъ застигнутъ при совершеніи преступленія. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго быта убійство ночнаго вора было позволено только въ случаѣ продолженія имъ преступнаго дѣйствія, въ случаѣ сопротивленія его противодѣйствующимъ, однимъ словомъ, прежнее право наказанія сливается съ правомъ необходимой имущественной обороны, или остановкой преступнаго дѣйствія, или задержаніемъ самаго преступника, чтобы послѣ съ него получить удовлетвореніе за правонарушеніе. Если преступника связывали, то убійство его уже не могло быть безнаказаннымъ, потому что не было того условія при которомъ оно позволялось,—сопротивленія преступника. Такимъ образомъ эта статья Рус. Правды представляется сходной съ статьями о наказаніи раба за оскорбленіе свободнаго; какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ первоначально предоставлялось, по нашему мнѣнію, право наказать правонарушеніе смертью, и только впослѣдствіи и въ томъ и другомъ случаѣ смерть является дозволенной только при необходимой оборонѣ, а не при самоуправствѣ.

Тѣ же постановленія, какъ и въ Рус. Правдѣ, встрѣча-

*) Ст. 36 тр. сп.

ются и въ договорахъ съ Греками объ этомъ предметѣ. Такъ въ V ст. договора Олега устанавливается, что если, при похищеніи имущества, похититель будетъ пойманъ собственникомъ его, но будетъ сопротивляться, то владѣлецъ вещи имѣетъ право его убить: «да не взыщется смерть его, ни отъ христіанъ, ни отъ руси, но паче убо возьметъ свое, еже будетъ погубилъ.» Въ слѣдующей за этимъ статьѣ, воръ не сопротивляющійся, расплачивается за преступленіе и отдаетъ то, что намѣренъ былъ похитить. Какъ видно изъ этого различаются два случая, когда правонарушитель оборонялся, тогда собственникъ, защищая свое имущество, имѣлъ право убить вора; во второмъ случаѣ когда правонарушитель не защищался, а прекращая свое преступное дѣйствіе отдавался въ руки хозяина имущества, послѣдній получалъ съ него извѣстное матеріальное удовлетвореніе. Принимая, по этому, какъ уже прежде было замѣчено, право собственника наказывать нарушенія своихъ имущественныхъ правъ первоначально въ широкомъ объемѣ, впослѣдствіи нельзя не принять, какъ видно изъ приведенныхъ статей, что полное самоуправство собственника въ отношеніи къ похитителю вещи сливается съ правомъ имущественной обороны. Есть впрочемъ мнѣніе, по которому безнаказанность убійства ночнаго вора основывалось не на оборонѣ имущества, а на другихъ началахъ. А. П. Чебышевъ—Дмитріевъ полагаетъ что «право убійства обусловливалось обязанностью не выпускать татя и утромъ представить его на княжій дворъ» *). Но это мнѣніе, кажется несовсѣмъ справедливо; на собственникѣ лежала только обязанность не убивать татя, если онъ не сопротивлялся, однимъ словомъ, самоуправство не допускалось, когда преступникъ не оборонялся и прекращалъ свое дѣйствіе, если его застигали во время совершенія его; въ противномъ случаѣ, за неисполненіе этой обязанности, если вора, напр. убивали связаннаго, взыскивалась пеня. Установивши по этому наказаніе

*) О преступномъ дѣйствіи по Русскому до Петровскому праву 77 стр.

за неисполненіе этой обязанности, Рус. Правда, конечно, положила бы наказаніе и за неисполненіе обязанности «не выпускать татя и представить его утромъ на княжій дворъ,» если бы это дѣйствительно считалось обязанностью, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. По этому и выраженіе «аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ,» на которомъ основывается А. П. Чебышевъ—Дмитріевъ, можно считать только дополнительнымъ, но не главнымъ; слова эти только дополняютъ смыслъ статьи не убивать сдавшагося вора, не чинить надъ нимъ самовольной расправы, а искать суда общественной власти. И точно также, какъ теперь, не всегда вмѣняется въ обязанность каждому гражданину жаловаться и искать суда, такъ и тогда, тѣмъ болѣе, при господствѣ обвинительнаго начала въ процессѣ, жалоба и приводъ къ суду отвѣтчика составляли болѣе право истца, чѣмъ его обязанность, точно также какъ не было для обиженнаго лица обязательнымъ самоуправство. Обиженное лицо могло мстить обидчику, могло и простить ему обиду, по крайней мѣрѣ не изъ чего не видно, чтобы отказъ отъ своего права былъ не возможенъ для обиженнаго. Напротивъ и лѣтописные факты и само законодательство заставляетъ думать, что отказъ отъ права мести былъ очень возможенъ въ разсматриваемое время *). Изъ самаго законодательства видно, что только впослѣдствіи, при большемъ ограниченіи свободы частныхъ лицъ, встрѣчается запрещеніе примиренія съ преступникомъ и за нарушеніе этой обязанности полагается наказаніе *).

Изъ сказаннаго о самоуправствѣ видно, что это право частнаго лица, непосредственно оскорбленнаго, наказывать своего правонарушителя въ извѣстныхъ предѣлахъ и на основаніи извѣстныхъ данныхъ, по Рус. Правдѣ представляется мало по малу сливающимся съ необходимой обороной

*) П. С. Л. I, 25; II, 243, 244; V, 153.

**) Двинская грамота 1398 г. поставляетъ: „А самосуда четыре рубли: а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ“. Тоже повторяется и въ другихъ уставныхъ и прочихъ грамотахъ XIV и XV ст. см. Акты Арх. Экс. I, № 13, 123, 143, 144 и проч.

личныхъ и имущественныхъ правъ. Замѣтимъ, въ заключеніе, что изъ необходимыхъ условій самоуправства, или непосредственной мести, абсолютно-необходимыми были два: 1) чтобы право мести осуществлялось непосредственно потерпѣвшимъ правонарушеніе и 2) чтобы месть падала исключительно на правонарушителя.

2. Родственная месть.

Выше было сказано, что главными условіями непосредственной мести по древне-русскому праву было во 1-хъ осуществленіе права мести непосредственно-обиженнымъ и во 2-хъ отмщеніе въ силу этого только права непосредственно правонарушителю. Если одного изъ этихъ условій не существовало, не существовало и непосредственной мести. Если напр. совершалось убійство, то конечно не могло быть и рѣчи о непосредственной мести, потому что хотя преступленіе это и могло быть отмщено, но это отмщеніе не составляло непосредственную месть, потому что исходило не отъ потерпѣвшаго правонарушеніе, а отъ другихъ лицъ. Далѣе, если преступникъ скрывался, напр., то конечно лицо потерпѣвшее правонарушеніе имѣло право его преслѣдовать и отыскивать, въ этомъ могло помогать ему и общество въ собственномъ его интересѣ, но если не смотря на всѣ эти мѣры преступникъ не отыскивался, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все то, чѣмъ могъ быть вознагражденъ обиженный, напр. имущество обидчика не существовало на лицо, то и самоуправство въ отношеніи его не имѣло мѣста. Но если непосредственная месть составляла право, то это право было признаннымъ со стороны общества, которое естественно должно было его охранять, и въ случаѣ невозможности непосредственной мести не оставлять преступленіе безнаказаннымъ,—отсюда является общественная обязанность отмщенія убійства и тому подобныхъ преступленій, лишавшихъ непосредственно-потерпѣвшаго возможности самоуправства. Съ другой стороны, если непосредственная месть составляла право, то обиженное лицо, конечно могло экс-

плоатируя имъ передать его другому, по крайней мѣрѣ ни откуда не видно, чтобы право непосредственной мести принадлежало къ числу непередаваемыхъ правъ, а если это такъ то отсюда происходитъ право посредственной мести, по уполномочію.

Такимъ образомъ, право наказанія обидчика не уничтожалось, если обиженный самъ непосредственно не могъ отмстить себѣ и вообще преступленіе не оставалось безнаказаннымъ, когда не было мировой между преступникомъ и потерпѣвшимъ правонарушеніе. Право мести въ этихъ случаяхъ какъ бы переходило изъ рукъ непосредственно-оскорбленнаго въ руки лицъ, посредственно-потерпѣвшихъ правонарушеніе и состоявшихъ къ нему ближе, чѣмъ другія. Это право мести, переходившее отъ непосредственно-потерпѣвшаго правонарушеніе къ лицамъ, находившимся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, существовало во всѣхъ первичныхъ обществахъ.

Всегда и вездѣ человѣкъ является на сцену исторіи, какъ членъ извѣстнаго союза, который охраняетъ и свои права, и права каждаго индивидуума, входящаго въ его составъ, и наказываетъ за ихъ нарушеніе. Это союзное охраненіе своихъ правъ и союзная месть на различныхъ ступеняхъ развитія юридической жизни представляется въ различныхъ формяхъ и носитъ поэтому различное названіе: семейной, родовой, или общинной, смотря потому живетъ ли народъ въ формѣ семейнаго, родоваго, или общиннаго быта. Какъ всякій развивающійся организмъ, семейство, родъ и общество стремятся поддержать и охранять свое существованіе. Для достиженія этой цѣли у каждой изъ этихъ формъ народнаго быта есть различныя средства и между прочимъ право наказанія, какъ одно изъ необходимыхъ условій для прочнаго существованія союза. По этому месть союза за своего члена, когда онъ самъ непосредственно не могъ управиться съ правонарушителемъ, была уже болѣе обязанностью, чѣмъ правомъ, потому что здѣсь уже труднѣе былъ отказъ отъ права мести, чѣмъ при самоуправствѣ. Конечно союзъ могъ и не мстить обиду своего члена, но только тогда, когда онъ

или не считалъ обиду за правонарушеніе, или не признавалъ за обиженнымъ права отмщенія. Въ противномъ случаѣ, не наказывая правонарушителя, союзъ тѣмъ самымъ давалъ поводъ совершать безнаказанно надъ своими членами подобныя правонарушенія, а при такомъ порядкѣ дѣлъ не могло быть уже никакого ручательства за безопасность и цѣлость союза. Потому-то мы видимъ во всѣхъ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ существовала, или существуетъ форма родственнаго быта, строгую обязанность, лежащую на родственникахъ убитаго мстить убійство родича. *) Эту строгую, иногда религіозную или нравственную обязанность мстить за убійство не только самому убійцѣ, но даже его семейству, или роду, представляютъ законодательства Еврейское и Магометанское, объ ней говорятъ и древнія скандинавскія саги. **) Родовая, кровная месть существовала и существуетъ теперь у нѣкоторыхъ народовъ южной Европы, такъ извѣстна, напр., корсиканская vendetta traversa, продолжающаяся чрезъ многіе роды, извѣстна также родовая мстительность черногорцевъ. Въ настоящее время время на Кавказѣ, всякій горецъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ мстить за смерть человѣка, принадлежавшаго къ его роду или самому убійцѣ, или его родственникамъ. Между нѣкоторыми племенами существуетъ обычай, подходить по совершеніи мести, къ могилѣ погибшаго родственника, и говорить: „я отмстилъ за кровь твою!“ т. е. я исполнилъ свое обязательство. ***)

У закаспійскихъ киргизовъ, въ случаѣ угона, или похищенія скота обиженный съ своими родичами, развѣдавши къ какому роду принадлежитъ грабитель, мститъ всему его роду тѣмъ же. Этотъ обычай родственной, или скорѣе междуро-

---

*) *Duboys,* Histoire du droit criminel des peuples modernes 1854 г. p. 1, 163, 164, 165 etc.

**) Скандинавскія и германскія саги содержатъ очень много примѣровъ суровой обязанности, родственнаго мщенія; въ особенности рельефно выражается родовая месть женщинъ въ сагѣ о Нифлунгахъ, или о Нибелунгахъ.

***) Отеч. зап. 1862 г. № 4.

довой мести, называемой барантой, соблюдается довольно строго. *)

Обращаясь къ русскому праву мы встрѣчаемъ въ первой же статьѣ Русской правды слѣдующее постановленіе: „Оубіетъ моужъ моужа, то мстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову.“ **) И такъ, какъ видно, Русская Правда узаконяетъ мщеніе родственниковъ за убійство родича; но спрашивается: за кѣмъ признается право родственнаго отмщенія, за тѣми ли родственниками, которыхъ исчисляетъ Русская Правда, или за родственниками остальныхъ степеней, однимъ словомъ за родственниками вообще? Большая часть прежнихъ изслѣдователей признавали по древне-русскому праву право родственной мести только за ближайшими степенями родства. К. С. Аксаковъ полагаетъ, что по Русской Правдѣ предоставлялось мстить только семейнымъ родственникамъ. ***) Другой изслѣдователь Поповъ, раздѣляя это мнѣніе, полагаетъ, что первая статья Русской Правды есть уже ограниченіе прежде существовавшей родовой мести. ****) А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ того мнѣнія, что по уничтоженіи междуобщинной мести, законодательство удерживаетъ право отмщенія убитаго только за ближайшими родственниками его. *****) Какъ видно, всѣ эти мнѣнія немногимъ разнятся другъ отъ друга и всѣ одинаково принимаютъ право родственной мести ограниченнымъ по первой статьѣ Русской Правды. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія принимать родовую или семейную месть, ограниченную извѣстными степенями. Ограниченіе извѣстными степенями права родственнаго мщенія, видимое изслѣдователями въ первой статьѣ Русской Правды, есть не болѣе какъ предположеніе не доказанное

---

*) Рус. слово 1859 г. кн. X.

**) 1 ст. Ак. сп.

***) Полное собран. соч. *К. С. Аксакова* Моск. 1861 г. I, 104 ст.

****) О Русс. Правдѣ въ отношеніи къ уголов. праву 1841 г.

*****) О преступномъ дѣйствіи по рус. до-Петровск. праву. 17 стр.

до настоящаго времени. Мы думаемъ напротивъ, что ограниченіе права родственной мести, если и замѣчается въ періодѣ Русской Правды, такъ это ограниченіе было вызвано самой жизнью народа, но не законодательствомъ. Источникъ ограниченій этого лежалъ не въ законодательномъ уменьшеніи количества родственныхъ мстителей, а въ качественномъ ослабленіи самой родственной мести въ жизни народа. Обычай же, который не могли не замѣтить призванные князья, формулировался въ первой статьѣ Русской Правды не какъ законодательное ограниченіе, а какъ примѣрное указаніе родственныхъ мстителей. По этому и сущность статьи Русской Правды заключается только въ указаніи обычая родственной мести, а не въ ограниченіи ея извѣстными степенями. Эта статья представляетъ, такъ сказать, остатокъ прежнихъ воззрѣній пережитой формы народнаго быта, не существовавшей уже по призваніи князей, но оставившей по себѣ замѣтные слѣды въ народномъ правѣ. Эти слѣды прежняго господства родственнаго быта замѣчаемъ мы и въ законодательныхъ памятникахъ и лѣтописныхъ фактахъ. Договоръ Олега съ Греками постановляетъ: „Аще кто убьетъ, или Христіанина Русинъ, или Христіанинъ Русина, да умретъ идѣ же аще сотворитъ убійство.“ Что здѣсь говорится про родственную месть, видимъ далѣе изъ того же договора: „Аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да аще ли есть имовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго,... Аще ли есть неимовитъ, сотворивый убійство, и убѣжавъ отъ тѣхъ да держится тяжа, дондеже обрящется, яко да умретъ.“ *) Подъ ближними убитаго договоры разумѣютъ всѣхъ тѣхъ, къ кому переходило право отмщенія за него, всѣхъ кто находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ убитому, чѣмъ прочіе. Родственники же убитаго, конечно, находились въ болѣе тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ убитому, потому очень естественно,

*) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи русскаго права *Утина* и *Лазаревскаго* 1859 г. стр. 8.

что они имѣли исключительное право на отмщеніе. Далѣе говорится: если убійца скроется, тогда, если онъ имѣетъ достатокъ, имуществомъ его вознаграждаются ближніе убитаго, т. е. тѣ, которые болѣе, или менѣе терпѣли отъ преступленія, а такими, конечно, могли быть преимущественно родственники, но какіе близкіе, или отдаленные,—этого не видно. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя не замѣтить, что матеріальное вознагражденіе служитъ, какъ бы суррогатомъ мести, отъ исполненія которой ближніе убитаго вѣроятно могли и отказаться. Подтвержденіемъ того, что месть могла замѣняться матеріальнымъ вознагражденіемъ, служитъ дальнѣйшее постановленіе того же договора, что за удары, какимъ бы то ни было орудіемъ, обидчикъ могъ представить обиженному или извѣстную сумму денегъ, или имуществомъ, равняющееся по цѣнности этой суммѣ, и тѣмъ самымъ устранить месть обиженнаго: „да пребываетъ тяжа оттолѣ не взыскаема о семъ.“ *) Кромѣ того замѣтимъ, что во всѣхъ почти статьяхъ договоровъ съ Греками на ряду съ правомъ мести установляется, какъ его замѣна, матеріальное удовлетвореніе съ преступника. Статья Русской Правды и тѣ статьи договоровъ, которыя приведены выше, обнимаютъ собою всѣ положенія нашего права о родственной мести за убійство. Изъ нихъ видно, что въ нашемъ древнемъ правѣ не было такого института родовой мести, какой встрѣчается у народовъ, находящихся въ родовомъ быту. Мщеніе родственниковъ за убійство родича, по нашему праву, падало исключительно на преступника, семья, или родъ къ которому принадлежалъ преступникъ оставались въ сторонѣ; мщеніе ихъ не касалось и падало только на одного убійцу. Съ другой стороны, изъ сказаннаго видно, что родственная месть за убійство не имѣла характера строгой, священной обязанности и родственники убитаго, взамѣнъ имъ принадлежащаго права мести, могли получить матеріальное удовлетвореніе съ преступника. Лѣтописные факты, свидѣтельствующіе о родственной мести, подтверждаютъ также, что месть за убійство

*) Ibid. 8 стр. и др.

родича не имѣла въ древне-русскомъ правѣ характера строгой обязанности, а основывалась часто, или на доброй волѣ родственниковъ убитаго, или на другихъ причинахъ. Если бы дѣйствительно кровная месть считалась обязанностью, то, вѣроятно, что древлянская земля, убившая Игоря, не отправила бы пословъ къ Ольгѣ съ предложеніемъ ей выдти замужъ за древлянскаго князя, и не повѣрила бы ея согласію на это предложеніе. *) Далѣе изъ лѣтописныхъ примѣровъ мы видимъ, что князь Ярославъ I выставляетъ причиной необходимости мести Святополку не братоубійство, не обязанность мести за брата, а свою собственную боязнь быть убитымъ отъ него: „егда и мнѣ сице же сотворить.“ **) Точно также и князь Владиміръ, при отмщеніи Ярополку высказываетъ причину мести изъ опасенія: „Не язъ бы почалъ братью бити, но онъ, азъ же того убоявъся придохъ нань.“ ***) Что касается того, что месть не ограничивалась только ближайшими степенями родства, такъ это видно изъ извѣстнаго разсказа лѣтописи объ Янѣ. Янъ Вышатичъ, сборщикъ дани князя Святослава, пришедши къ Бѣлозерцамъ узналъ отъ нихъ, что два какіе-то кудесника, избивши множество женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ, пришли на Бѣлоозеро. Узнавши, что эти волхвы были смерды его князя, Янъ велѣлъ ихъ поймать и выдать на месть обиженнымъ и рече Янъ: „Ци кому васъ кто родинъ убіенъ отъ сего? Они же реша: мнѣ мати, другому сестра, иному роженье. «Онъ же рече имъ: мьстите своихъ. Они же поимше убиша я.» ****) Выдачею волхвовъ на месть Янъ торжественно призналъ за народомъ право родственной кровной мести, которому и предоставилъ самому рѣшить кто ему свой, и за какихъ родственниковъ должно мстить. И точно также, какъ было бы странно утверждать, что Янъ призналъ право кровной мести за сыномъ, братомъ и отцомъ въ приведенномъ примѣрѣ, такъ странно было бы

*) П. С. L. I, 24, 25.
**) Ibid. I, 61.
***) Ibid.
****) П. С. L. I, 75.

допустить, что Русская правда признаетъ право мести только за тѣми родственниками, которыхъ она исчисляетъ; она указываетъ только на оставшійся обычай родственной мести, обычай потерявшій свою силу подъ напоромъ новыхъ явленій, возникшихъ въ юридическомъ быту народа, такъ что съ призваніемъ князей, когда большая часть преступленій обложены были княжескими пенями, князья русскіе не могли не замѣтить угасающей силы прежняго обычая кровной мести и являясь сначала мстителями только за безроднаго, беря 40 гривеную пеню съ убійцы: «Аще не боудешь кто мьстя,» по смерти Ярослава I-го вовсе уничтожаютъ этотъ обычай кровной мести: «Отложиша оубіеніе за головоу, но кунами ся выкупати.» *) Главную существенную особенность родственной мести вообще составляла месть за убійство родича, такъ называемая кровная месть—blutrache. Но кровная месть составляла только главную, составную, обязательную сторону родственной мести, въ содержаніе которой входило еще, такъ сказать, родственное самоуправство—отмщеніе за обиду родича, который по извѣстнымъ обстоятельствамъ, самъ непосредственно не могъ отмстить своему обидчику.

Въ древне-русскомъ правѣ относительно родственнаго самоуправства существовало слѣдующее узаконеніе: «Оже ли оутнеть роукоу и отпадетъ роука, любо оусохнетъ: то 40 гривенъ, аще боудеть нога цѣла, или начнетъ хромати, тогда чада смирять.» **) т. е. въ случаѣ физической невозможности обиженному непосредственно самому отмстить свою обиду, если при томъ онъ не соглашался принять съ обидчика удовлетвореніе, за обиженнаго мстили родственники. Слово чада, какъ и въ первой статьѣ Русской Правды означаетъ здѣсь родственниковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей—дѣтей. ***) Какъ бы то ни было, изъ содержанія статьи видно,

---

*) 5 ст. Ак. сп.

**) *Эверсъ.* Древнѣйшее русс. право. 1835, стр. 311. *Калачевъ.* Архивъ ист. и юрид. свѣдѣній т. III, 4 отд. 20 стр. *Богдановскій.* Развитіе понятій о прест. и наказ. до Петра 1857 г. стр. 15.

*** *Ланге.* объ угол. правѣ по Рус. Правдѣ 1860 г. стр. 145.

по нашему мнѣнію, дозволеніе родственнаго самоуправства, по случаю невозможности непосредственной мести.

Въ послѣдствіи, также какъ запрещена была кровная месть, запрещено было и родственное самоуправство. Вмѣсто «убійства за голову,» или кровной мести, установлено было «головничество,» т. е. извѣстное матеріальное удовлетвореніе родственниковъ убитаго и княжеская пеня—«вира» за самое преступленіе; вмѣсто родственнаго самоуправства, на равнѣ съ непосредственной местью, установлено было извѣстное матеріальное удовлетвореніе непосредственно-потерпѣвшему правонарушеніе и княжеская пеня—«продажа.»

Не одно физическое родство давало право на отмщеніе обиженнаго, было родство, можно сказать, еще крѣпче и тѣснѣе физическаго, которое также служило основаніемъ посредственной мести. Извѣстно, что у Славянъ съ незапамятныхъ временъ существовало учрежденіе побратимства—союза духовнаго родства; извѣстно также, что всѣ почти древне-русскіе богатыри временъ князя Владиміра Св. находились въ союзѣ побратимства, которое признавалось тѣснымъ соединеніемъ на жизнь и смерть. Названный братъ давалъ клятву избранному имъ, или избравшему его брату, помогать во всемъ другъ другу, дѣлить по поламъ и горе и радость, жертвовать за брата жизнію и мстить за его смерть.

„Названный братъ
Паче брата родимаго!“

Говорится въ одной изъ древне-русскихъ пѣсенъ. *)

Кромѣ побратимства, иногда особаго рода отношенія давали право на посредственную месть, въ нихъ какъ будто высказывалось молчаливое уполномочіе непосредственно по-

*) Союзъ побратимства существовалъ также у южныхъ и западныхъ Славянъ; такъ, напр., у Сербовъ вступавшіе въ этотъ союзъ клялись именемъ Бога и Св. Іоанна быть на всю жизнь вѣрными другъ другу. Исторія Сербіи *Ранке*, смотри также *Леонтовича* истор. Рус. Права; рѣчь адъюнкта *Шпилевскаго* объ источ. древне-рус. Права. Казань 1863 г.

терпѣвшаго правонарушеніе отмстить его обиду лицамъ, находившимся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Такими отношеніями, связывавшими мстителя съ непосредственно-обиженнымъ были: взаимная дружба, уваженіе къ оскорбленному, подчиненіе ему, власть надъ нимъ и т. д. Такъ Варяжко дружинникъ Ярополка, по чувству привязанности, долгое время пытался отмстить князю Владиміру смерть своего князя. Князь Ярополкъ, побуждаемый своимъ дружинникомъ Свѣнельдомъ, шелъ на брата своего Олега, чтобы отмстить убійство Олегомъ сына Свѣнельда Люта. *) Въ первомъ случаѣ дружинникъ мститъ братоубійство князя своего; во второмъ князь мститъ своему брату за убійство дружинника; и много встрѣчается подобныхъ примѣровъ мести въ первые вѣка русской исторіи, доказывающихъ, что посредственная месть въ древне-русскомъ правѣ не была исключительнымъ правомъ родственниковъ. Но лучшимъ доказательствомъ этого служитъ существованіе въ древне-русскомъ правѣ общественной мести.

3) Общинная месть.

Главнымъ образомъ исторія русскаго уголовнаго права начинается съ того времени, когда каждая община, разумѣя подъ общинной извѣстный юридическій союзъ, была вполнѣ самостоятельна и не признавала за другими такими же союзами никакихъ правъ, въ слѣдствіе чего между ними происходили постоянныя усобицы, или междуобщинная месть. **). Но не признавая за другими общинами правъ, каждая община признавала ихъ за собою, за своими членами, а слѣдовательно и охраняла ихъ отъ нарушенія внутри себя самой, также какъ охраняла извнѣ отъ нарушенія другихъ общинъ. Между прочими средствами внутри общиннаго охраненія правъ была месть, которая принадлежала, какъ уже

*) П. С. Л. I, 31, 32.

**) Общія начала физіологіи Государства. *Франца* О происхожденіи государствъ и первоначальныхъ общинъ.

было сказано, или частному лицу, непосредственно-оскорбленному, или лицамъ, связаннымъ съ нимъ извѣстными отношеніями. Но не всегда могли быть у обиженнаго люди близкіе къ нему, которые бы могли отмстить его обиду. Убійство могло быть совершено надъ безроднымъ человѣкомъ. Убійство могло случиться въ средѣ самихъ родственниковъ: родственникъ могъ убить родственника, могъ нанесть ему жестокую обиду и если обиженный и обидчикъ были очень близкіе родственники между собою, то спрашивается: кто же могъ быть судьею и мстителемъ въ такомъ дѣлѣ? Убійство, или обида наконецъ могли быть совершены надъ заѣзжимъ человѣкомъ, у котораго въ томъ мѣстѣ, куда онъ прибылъ не только не было людей болѣе, или менѣе близкихъ, но можетъ быть не было и знакомыхъ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ общество само являлось мстителемъ и наказывало преступника. «У Славянъ,» говоритъ Маврикій, «обида гостю не оставалась безнаказанной и общество считало своею обязанностью наказать обидчика.» *) Наконецъ, общество являлось иногда мстителемъ и не по отсутствію лица, имѣвшаго непосредственное право отмщенія, или лицъ, имѣвшихъ преимущественное право посредственной мести, а потому, что преступленіемъ нарушались исконные, общественные обычаи. Извѣстное дѣйствіе и не преступное въ отношеніи частнаго лица считалось иногда преступнымъ въ отношеніи цѣлаго общества и вызывало противъ себя общественную месть. Однажды славянскіе язычники бросали жребій, чтобы рѣшить, кому быть принесеннымъ въ жертву Перуну. Жребій палъ на сына одного христіанина. Когда же отецъ обреченнаго не сталъ выдавать присланнымъ сына и сталъ поносить языческую религію, тогда присланные «повѣдаша людемъ, они же вземше оружіе поидоша нань и разъяша дворъ около его... и посѣкоша сѣни подъ ними и тако побиша я.» **) Подобныхъ примѣровъ обще-

*) Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ *Макушева* 1861 г. 161 ст.

**) П. С. Л. I, 35.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

ственной мести въ нашихъ древнихъ памятникахъ встрѣчается очень много. Вообще, чѣмъ сильнѣе извѣстное дѣйствіе нарушало права цѣлаго общества, тѣмъ возможнѣе была общественная месть и тѣмъ сильнѣе поражала она преступника; чѣмъ болѣе преступленіе угрожало обществу настоящимъ, или будущимъ вредомъ, опасностью, тѣмъ общество скорѣе и сильнѣе вооружалось противъ преступника. «Если кто изъ народа,» разсказываетъ Титмаръ о Славянахъ,» противорѣчитъ и противится рѣшенію сходки, то либо отъ поджоговъ и безпрестаннаго разграбленія лишится всего своего имущества, либо долженъ будетъ предъ народомъ, заплатить опредѣленное количество денегъ.» **) И долго спустя, послѣ призванія князей, послѣ уничтоженія ими междуобщинной мести, эта форма народнаго суда и наказанія продолжала существовать въ древне-русскомъ быту. Между тѣмъ, какъ обычай родственной мести пропадаетъ безслѣдно въ первыхъ вѣкахъ русской исторіи, общественная месть переходя въ вѣчевую расправу, продолжаетъ свое существованіе почти до XVII ст., когда обычно-народныя наказанія окончательно замѣняются государственными. *) Не смотря на эту живучесть, на эту крѣпость общественной расправы, всѣ почти прежніе изслѣдователи по исторіи русскаго уголовнаго права смѣшивали ее съ народными демонстраціями и не придавали ей никакого самостоятельнаго значенія. Но если и правда, что иногда народъ убивалъ мнимыхъ виновниковъ, иногда за дѣйствіе и непреступное, возставая поголовно, казнилъ и правыхъ и виноватыхъ, то все это нисколько не ослабляетъ существованія общественной расправы въ древне-русскомъ

---

*) Сказанія иностранцевъ 176, 177 стр.

**) Вотъ слишкомъ 50 свидѣтельствъ лѣтописей про общественную месть и вѣчевую расправу въ болѣе древнее время: Кіевлянъ П. С. ЛЛ. II, 4; IV, 7; V, 159; Галичанъ—II, 106; Ростовцевъ и Суздальцевъ—I, 149, (II, 82); Новгородцевъ—I, 210; II, 88, 307; III, 7, 30, 42, 44, 53, 65, 71, 85, 87, 99, 100, 101, 140, 226, 231; IV, 4, 7, 10, 20, 29, 42, 72, 122, 126, 128; V, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 170, 196, 206; VI, 18; Володимірцевъ—I, 163 (II, 119, 120); Брянцевъ—V, 222; Псковитянъ—III, 7; IV, 233, 266, 270, 282, VI, 23, 25; Ярославцевъ—IV, 39; 190; Новоторжцевъ—V, 222, 223; Ладожанъ—III, 7 стр.

юридическомъ бытѣ. Дѣйствительно, народъ нерѣдко преслѣдовалъ и наказывалъ мнимыхъ виновниковъ, когда не было на лицо дѣйствительныхъ, или же они не могли и существовать. Большею частію это случалось при общественныхъ бѣдствіяхъ, пожарахъ, голодѣ, морѣ и т.-д. «А Богъ вѣсть, испытая сердца человѣческія, право ли есть глаголющая, прибавляетъ лѣтописецъ къ разсказу о томъ, что Новгородцы, взволнованные частыми пожарами, «отъ ярости смущени,» многихъ безвинно предали общественной мести. *) Но подобные примѣры указываютъ только на неопредѣленность общественнаго самоуправства, на то, что народъ въ пылу гнѣва, или страсти, возбужденный сильными общественными бѣдствіями, не всегда руководился чувствомъ правды. Такого рода случаи, конечно, нельзя считать проявленіемъ обычно-народной власти въ преслѣдованіи и наказаніи преступниковъ; случаи эти скорѣе можно сравнить съ нынѣшнимъ государственнымъ преслѣдованіемъ извѣстныхъ политическихъ преступленій, или съ подавленіемъ возстанія. Какъ въ настоящемъ государствѣ при такихъ обстоятельствахъ не всегда дѣйствительно виновные подвергаются наказанію и не всегда наказаніе бываетъ соразмѣрно винѣ, такъ было и въ древнемъ обществѣ. И общество, и государство въ этихъ случаяхъ, скорѣе по инстинкту самохраненія, чѣмъ по нормамъ права, стремятся охранить себя въ основахъ общежитія.

Неопредѣленная сама по себѣ, нерѣдко зависѣвшая отъ настроенія общества, тѣмъ не менѣе общественная месть въ извѣстныхъ случаяхъ формулировалась въ опредѣленныхъ средствахъ. Какъ преимущественно реакція противъ тяжкихъ правонарушеній общественная месть выражалась наиболѣе въ одномъ средствѣ смертной казни, употребительные виды которой были: утопленіе преимущественно въ Новгородѣ **); повѣшеніе въ Псковѣ ***); сожженіе и др. ****) Но кромѣ

*) П. С. Л. IV, 122 стр.
**) П. С. Л. I, 25.
***) П. С. Л. III, 53; IV, 233, 250.
****) Ibid—III, 42, 256; IV, 270; VI, 25 и др.

смертной казни средствами общественной мести были: изгнаніе изъ общества—потокъ, конфискація имущества, разграбленіе, денежныя пени и др. Смертная казнь постигала религіозныхъ преступниковъ, перевѣтниковъ, крамольниковъ, разбойниковъ, волхвовъ, поджигателей, воровъ и др. Казнь обвиненнаго общимъ приговоромъ приводилась немедленно въ исполненіе, всякое противодѣйствіе которому строго наказывалось. Такъ однажды въ Новгородѣ, когда по общественному приговору, кинули осужденнаго въ Волховъ и какой-то рыболовъ, желая его спасти, вынулъ изъ рѣки, то дѣйствіе его общество сочло преступнымъ и «того рыболова домъ пограбиша.» *)

Чтобъ лучше уяснить значеніе общинныхъ наказаній, бросимъ взглядъ на значеніе общины въ уголовномъ правѣ. Большая часть изслѣдователей, по древне-русскому уголовному праву или совсѣмъ не замѣчали значеніе общины въ этомъ отношеніи, или мимоходомъ затрогивали этотъ вопросъ. А между тѣмъ община, какъ исконно-бытовая форма народной жизни заслуживаетъ огромнаго вниманія. Община и государство, это два главные фокуса русской исторіи, два начала, на которыхъ основывается все наше прошлое.

Не видя значенія общины въ древне-русскомъ быту, не видя значенія ея въ уголовномъ правѣ, всѣ положенія о наказаніяхъ того времени являются мертвыми правилами безъ всякаго содержанія. Такимъ образомъ, не вникая въ самую сущность извѣстныхъ постановленій, упуская изъ виду самое важное, не трудно было придти къ ошибочнымъ выводамъ. Такъ г. Ланге въ своемъ извѣстномъ сочиненіи между прочимъ говоритъ: «Наша вервь не имѣла никакихъ правъ и несла только одни обязанности.» **) Ошибочность этого взгляда производитъ другой не менѣе ошибочный, что Русская Правда не знаетъ преступленій ни противъ государства, ни общества.» ***) Понятно, что отрицая существованіе верви,

*) Ibid V, 261.

**) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ по Русской Правдѣ. *Ланге* 266 стр.

***) Ibid. 266 стр.

какъ общины, пользовавшейся извѣстными правами,—Русская Правда для прежнихъ изслѣдователей представлялась не болѣе, не менѣе, какъ сборникомъ узаконеній, относившихся къ частнымъ лицамъ.

Преступленіе по этому исключительно разсматривалось, какъ нарушеніе частныхъ правъ, а слѣдовательно и наказаніе производилось въ интересѣ обиженнаго, т. е. ничѣмъ не отличалось отъ гражданскаго взысканія. *) Но замѣтимъ, что хотя дѣйствительно Русская Правда не обнимаетъ своими законоположеніями многихъ юридическихъ отношеній и въ содержаніи своемъ заключаетъ преимущественно узаконенія частныхъ случаевъ, относившихся къ частнымъ лицамъ, однако изъ этого, не слѣдуетъ заключать, что преступленіе и наказаніе по древне-русскому праву не имѣли общественнаго значенія.

Большая часть территоріи, которую занимаетъ русское населеніе нашего государства въ Европѣ, около IX вѣка была заселена народами славянскаго края. Всѣ эти народы, вошедшіе впослѣдствіи въ составъ русскаго царства, жили разноплеменно, отдѣльно другъ отъ друга. Такая разъединенность и особенность, обусловливаемая различными внутренними и внѣшними причинами, свидѣтельствуется почти всѣми имѣющимися историческими данными. Каждое изъ славянскихъ племенъ отличалось извѣстными характеристическими признаками отъ другихъ. «Каждое,» говоритъ Несторъ, «имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья.» **)

---

*) Высказанный взглядъ г. Ланге отчасти раздѣляютъ: *Эверсъ*. Древнее Русское Право въ историч. раскрытіи 1835 г., 345; *Рейцъ*—опытъ исторіи рус. госуд. и гражд. зак. 1836 г., 190; *Ратовскій* о покушеніи на прест. 1841 г., 81; *Поповъ*—о Рус. Правдѣ въ отношен. къ уголовному праву 1841 г., 37, 38 и др.; *Деппъ*—о нак. сущест. въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича 1849 г., 47; *Богдановскій* истор. развитіе понятій о прест. и нак. въ рус. правѣ до Петра I-го 1857 г., 97, 98 и др.; *Колосовскій*—архивъ истор. 1859 г. 3 кн.

**) Пол. собр. Лѣт. т. I, 6 стр.; см. сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ *Махушева*. 1861 г., 145, 154, 174; Истор. Карамз. (изд. Эйнера I и II т. прим.).

Слѣдовательно славянскія племена не составляли еще политически-цѣлаго организма, и дѣйствительно изъ тѣхъ же лѣтописныхъ сказаній открывается далѣе, что «у Древлянъ было свое княженье, а у Дреговичей свое, а у Славянъ свое въ Новгородѣ, а другія на Полотѣ, гдѣ были Поляне,» и что иный князь бѣ въ Новгородѣ, иный въ Деревлянахъ, иный въ Полянѣхъ.» *) Изъ этого можно заключить, что каждое Славянское племя представляло автономичиекій союзъ, главою котораго былъ князь, но рядомъ съ княземъ, какъ представителемъ племенныхъ интересовъ, упоминается и народъ, какъ имѣвшій право голоса во всѣхъ важныхъ общественныхъ случаяхъ. Какое положеніе занимали и какую власть имѣли князья Славянскихъ племенъ?—трудно рѣшить эти вопросы по недостатку историческихъ данныхъ. Что касается политическаго значенія самаго народа, оно ясно выражалось въ общественныхъ сходкахъ, вѣчахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстное мѣсто древнѣйшаго нашего лѣтописца: «Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти на думу, на вѣча сходятся. **) На такихъ вѣчахъ народъ рѣшалъ всѣ важные общественные вопросы судилъ, рядилъ и наказывалъ виновныхъ. Вѣчевому распоряженію городовъ подчинялись пригороды и выселки, какъ колоніи своей митрополіи. «На что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть.» ***) Племенныя вѣча были всенародными сходками въ городахъ и селахъ, на которыхъ присутствовать никому не запрещалось; но впрочемъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій, преимущественнымъ уваженіемъ пользовались на вѣчахъ люди опытные, люди добрые, дѣла рѣшались по единогласію. «Общимъ совѣтомъ,» говоритъ Титмаръ объ одномъ Славянскомъ племени (Лютичахъ),

---

*) П. С. Л. II, 234. Несторъ говоритъ, что Кій былъ княземъ у Полянъ, Малъ у Древлянскаго племени; наконецъ слова Новгородцевъ и др. племенъ „поищемъ собѣ князя,“ все это доказываетъ существованіе у Славянскихъ племенъ понятія о княж. власти и существованіе племенныхъ князей.

**) П. С. Л. I, 160.

***) Ibidem.

«разсуждая на сходкѣ о своихъ нуждахъ они рѣшаютъ дѣла по единогласію.» *) Такимъ образомъ каждое Славянское племя, или «земля,» по выраженію источниковъ, было вполнѣ самостоятельнымъ, демократически-организованнымъ союзомъ съ народоуправленіемъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ, **) образовавшихъ составную часть племенныхъ союзовъ и являвшихся въ древнѣйшее время русской исторіи, подъ названіемъ верви, въ значеніи извѣстнаго союза лицъ, занимавшихъ извѣстное, болѣе, или менѣе опредѣленное пространство, пользовавшихся правами и охранявшихъ эти права. ***) Такіе союзы, или верви были замкнутыми, самостоятельно-коммунальными организмами, основанными на взаимномъ поручительствѣ, и общей защитѣ.

Отсутствіе твердой общественной власти, постоянная близость опасности извнѣ, не имѣніе положительныхъ крѣпкихъ гарантій въ обезпеченіи личныхъ и имущественныхъ правъ и многія другія причины, все это служило главнѣйшимъ мотивомъ, заставлявшимъ членовъ первичныхъ обществъ жить въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ въ прочихъ, послѣдующихъ формахъ общенія, гдѣ уже и жизнь, и общественное положеніе членовъ являются болѣе обезпеченными.

«Въ союзахъ первичныхъ обществъ,» говоритъ Чебышевъ-Дмитріевъ, «мы видимъ такую тѣсную связь между членами, которая не можетъ существовать въ государствѣ. Связь, на которой основываются союзы первичныхъ обществъ, охваты-

---

*) Сказанія иностранцевъ. . . . 176.

**) Въ новгородскихъ лѣтописяхъ очень часто упоминается о старостахъ, какъ сельскихъ начальникахъ,—упоминается и о сельскихъ вѣчахъ. „Сельняне,“ говоритъ Костомаровъ о Новгородцахъ, „люди свободные, управлялись своими вѣчами.“ Изъ поселеній, тянувшихъ къ одному и тому же погосту, собирались они преимущественно по воскреснымъ днямъ къ церкви своего погоста. Собраніе происходило, или на открытомъ воздухѣ, или въ избахъ.“ Сѣверно-русскія народоправства 74 стр. см. также *Сергѣевича*, Вѣче и князь. М. 1867 г.

***) Въ послѣдствіи эти союзы, утрачивая свою самобытность, теряютъ и названіе вервей и принимая административное значеніе называются въ источникахъ—станами, волостями и т. д.

ваетъ всю жизнь человѣка. У членовъ все общее: и счастіе, и несчастіе, и побѣда, и пораженіе. Слава союза отражается на каждомъ его членѣ, и на оборотъ, то или другое дѣйствіе каждаго члена бросаетъ свѣтъ, или тѣнь на весь его союзъ. Въ тѣснѣйшей, неразрывной, всецѣлой связи съ своимъ союзомъ выступаетъ человѣкъ въ исторіи. *) Тѣсная, неразрывная связь членовъ съ обществомъ существовала и въ первичныхъ славянскихъ общинахъ. Круговая порука «всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ» была основнымъ принципомъ въ жизни этихъ общинъ и краеугольнымъ камнемъ коммунальнаго строенія. Каждое село, городъ, вервь, каждая община была самобытной, самостоятельной единицей, управляемой общенародными сходками,—вѣчами и своими выборными,—«добрыми мужами» и «лучшими людьми» которые были блюстителями родной правды, исконнаго обычая. Таковъ былъ до рюриковскій бытъ славянскихъ общинъ, когда онѣ «сами въ собѣ володѣли и «сами собѣ творили законъ.»

«Но,» говоритъ Дж. Ст. Милль, «общества могутъ дойдти до значительной степени навыка въ отправленіи дѣлъ своихъ общинъ и городовъ, могутъ даже создать себѣ сносное народное правленіе въ этомъ маленькомъ кругѣ, и все таки имѣть весьма мало сочувствія къ чему бы то ни было, что лежитъ внѣ этого круга и не имѣть ни малѣйшаго навыка въ веденіи дѣлъ общихъ для многихъ изъ такихъ поселеній. **) И общины Славянскихъ племенъ, имѣя такую демократическую организацію и тѣсную связь внутри себя, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли постоянной тѣсной связи между собою, не имѣли надъ собой крѣпкой общественной власти, которая равно охраняла бы интересы всѣхъ общинъ одного и того же племени. Отсутствіе точныхъ и строгихъ законныхъ опредѣленій поддерживало стремленіе колоній выдти изъ подчиненія своимъ митрополіямъ и сдѣлаться самостоятельными, поддерживало вражду пригородовъ съ городами. Наконецъ

---

*) О прест. дѣйствіи по рус. до-Петров. праву 1862 г., 7; см. у *Бѣляева* о круговой порукѣ на Русн. Рус. Бесѣда 1860 г., II.

**) Размышленія о представительномъ правленіи 1863 г. I, 68 стр.

самая вѣчевая организація, основанная на безграничной народной волѣ, не мало способствовала внутри-племеннымъ раздорамъ. Только особенно важныя обстоятельства, касавшіяся интересовъ цѣлаго племени, заставляли на время забывать вражду и соединяться всѣмъ во едино для отраженія общей опасности. Но по миновенію опасности, снова чувствовалось разъединеніе и постепенно сильнѣе становилась необходимость объединенія и примиренія враждебныхъ и мало сочувствующихъ другъ другу элементовъ. «Я не помню въ исторіи,» продолжаетъ далѣе Милль, «ни одного примѣра, чтобы значительное число такихъ политическихъ атомовъ когда-либо сгруппировались въ одно тѣло, и почувствовали себя наконецъ однимъ народомъ иначе, чѣмъ въ слѣдствіе предварительнаго подпаденія одной общей для всѣхъ центральной власти. *) Это-то подпаденіе общей центральной власти повторилось и въ славянскихъ племенныхъ и общинныхъ союзахъ.

Около 862 года славянскія племена, постоянно тревожимыя нападеніями заморскихъ сосѣдей, соединились и выгнали ихъ отъ себя. Но за этимъ слѣдовали опять внутреннія междоусобія и прежнія неурядицы: быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.» Эти-то внутренніе, племенные, междоусобные раздоры съ развившеюся потребностью племеннаго объединенія и заставили наконецъ сѣверныхъ славянъ рѣшиться выбрать себѣ князя, какъ судью для всѣхъ равнаго. «Поищемъ себѣ князя, иже бѣ володѣлъ нами и судилъ по праву,» рѣшили славянскія племена и вскорѣ призываютъ князя изъ-за моря, не отдавая преимущества ни одному изъ славянскихъ, племенныхъ князей. Такъ призывается не выработанная, не создаваемая славянскимъ бытомъ, чуждая его организаціи, но сознаваемо необходимая общая, центральная власть изъ-за моря.

Князья, призванные сѣверными племенами явились блюстителями мира и третейскими судьями въ отношеніи славян-

*) Ibid. 68 стр.

скихъ общинъ. Призванные управлять «по праву» народа, они первоначально не вмѣшивались въ внутреннюю жизнь общинъ, предоставляя имъ хотя не полное внутреннее самоуправленіе и самосудъ. Впрочемъ во внѣшнихъ отношеніяхъ община потеряла свою корпоративную замкнутость, что было главною причиною ихъ междоусобій до призванія князей и одной изъ главныхъ, если не главнѣйшей, призванія князей. Можно сказать по этому, что только блюстителями интересовъ цѣлаго племени внутри и оберегателями его внѣ являются русскіе князья въ первые вѣка нашей исторіи. Органическій строй племеннаго быта въ первое время по призваніи князей остается по этому съ малыми измѣненіями на прежнихъ основаніяхъ. То же вѣчевое самоуправленіе и рѣшенія народными совѣщаніями важныхъ вопросовъ, тѣ же «люди добрые, люди лучшіе,» однимъ словомъ таже почти демократически-самобытная организація представляется и въ начальное время по призваніи князей, какъ и до ихъ призванія.

Но рознь племенъ и племенныхъ союзовъ мало по малу уничтожилась общественной властью, призваніе которой имѣло прямымъ слѣдствіемъ уничтоженіе внутри племенныхъ смутъ—междуобщинной вражды и объединеніе племенъ. Въ силу призванія, уничтожая исторически-бытовой, внутри племенной антагонизмъ общинъ, князья стали верховными правителями, законодателями и судьями всѣхъ общинъ, а общины, переставая мало по малу «сами въ собѣ володѣть и сами собѣ творить законъ,» постепенно подчиняясь призванной власти, утрачиваютъ тѣмъ свое народовластіе. Наша древняя община—вервь по Русской Правдѣ, какъ было уже замѣчено выше, утратила часть своихъ правъ съ призваніемъ князей. До князей каждая община представляла автократическое цѣлое съ судомъ, расправой и правомъ полной самостоятельности въ отношеніи къ другимъ общинамъ—вервямъ. Но ограниченныя съ этой стороны въ княжескій періодъ властью русскихъ князей, общины пользовались все-таки внутреннею самостоятельностью. «Вообще, можно сказать,» говоритъ г. Лешковъ, «что верви принадлежала и защита ея членовъ, и управленіе по дѣламъ объ этой защитѣ;

власть верховная не олицетворялась въ верви, но она дѣйствовала въ ней, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Обычное право было результатомъ законодательной власти верви; старѣйшины, бояре, сотскіе, составляли ея управленіе; потокъ и разграбленіе служили для нея карательными средствами, а столь извѣстный повальный обыскъ,—мѣрою общественнаго дознанія юридической истины. Потокъ и разграбленіе, встрѣчающіеся въ Русской правдѣ, должно признать остаткомъ того общественнаго положенія, когда предѣлы общества были не слишкомъ велики, изгнаніе было возможно и разграбленіе выражало непосредственное участіе извѣстнаго поселенія въ судѣ о преступленіи. Равномѣрно, повальный обыскъ позднѣйшаго времени необходимо возвести до эпохи верви, если хотимъ основательно понять его послѣдующую дѣятельность. И такъ верви принадлежала и защита лицъ, съ ихъ имуществомъ, и законодательство съ судомъ и расправой. Но отсюда же заключаемъ, что дѣло верви не ограничивалось ни вопросами о безопасности, ни установленіями суда и расправы, а расширялось на весь общественный бытъ древняго русскаго народа. *) Такимъ образомъ, какъ непосредственное произведеніе народной жизни какъ самостоятельная община, вервь не несла только однѣ обязанности, но имѣла и права. Имѣя краеугольнымъ камнемъ своей основы круговую поруку, она тѣмъ сильнѣе вступалась за интересы частныхъ лицъ; чѣмъ болѣе эти интересы сближались съ общественными, тѣмъ сильнѣе вооружалась противъ тѣхъ членовъ, преступныя дѣйствія которыхъ нарушали ея исконные обычаи. Частный же интересъ и частное лицо всегда были связаны съ интересами верви. Всякій нарушитель общественнаго обычая преслѣдовался и наказывался, какъ преступникъ. Обычай, слѣдствіе взаимнаго отношенія членовъ,—результатъ законодательной власти верви, охранялся каждымъ и всѣми. «Каждая община,» говоритъ Бѣляевъ, «старалась поддерживать своихъ членовъ, и въ слу-

*) Русскій народъ и государство. 1858 г. 123 стр.

чаѣ обиды, или притѣсненія сильно враждовала противъ другихъ общинъ, не потому чтобы члены ея были всѣ родичи между собою, но потому что ихъ связывали другъ съ другомъ общія выгоды, часто матеріальныя: у нихъ былъ общинный капиталъ, составленный изъ вкладовъ, даваемыхъ общинниками; по свидѣтельству Всеволодовой грамоты (допол. акт. ист. I, 3) **) вкладывая свою долю имущества, членъ общины по этому ясно понималъ, что его матеріальные интересы тѣсно связывались съ интересами цѣлой общины, потому-то вкладъ въ общину и не ограничивался однимъ матеріальнымъ имуществомъ; каждый вкладывался въ общину и своей физической силой для защиты ея, а слѣдовательно и своихъ интересовъ. На этой-то связи частнаго лица съ общиной основывались всѣ юридическія отношенія древняго времени. По этому и месть, въ какой бы формѣ она не выражалась посредственной, родственной, или непосредственной, не была, собственно говоря, исключительнымъ правомъ мстителя. Конечно, нельзя не думать, что субъективный произволъ обиженнаго, или его родственниковъ игралъ не послѣднюю роль при отмщеніи, но нельзя не думать и того, что общество не было безучастно при этомъ, отъ него зависѣло признать, или не признать за обиженнымъ право мести; отъ него же зависѣло не дать этому праву перейдти извѣстныя границы.

И, такъ, можно сказать, что всякій членъ общины защищался и берегся ею, пока онъ жилъ согласно общепринятому обычаю и не нарушалъ ничьихъ правъ; лишь только онъ производилъ правонарушеніе, община отказывалась его защищать и выдавала на месть обиженной сторонѣ. Но выдавая на месть обиженной сторонѣ, община иногда и сама являлась уголовно-карательной властью и наказывала преступника по своему усмотрѣнію. Отличіе же общественной мести отъ другихъ ея формъ, основывалось на различіи самихъ преступленій; если преступленіе затрогивало только

**) Временникъ. VIII кн.

частные интересы, то мстителемъ являлся непосредственно-обиженный по преимуществу, или же его родственники. Наоборотъ, если преступленіе нарушало исключительно общественныя права, то мстителемъ являлось все общество. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе въ нарушенномъ правѣ былъ нарушенъ общественный интересъ, тѣмъ возможнѣе была общественная месть. Изъ прежде сказаннаго видно, что общество преслѣдовало иногда за дѣйстія, ненарушающія собственно ничьихъ правъ, но почему-либо вредныя и опасныя для цѣлаго общества. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ правонарушеніяхъ большею частію община смотрѣла на большую, или меньшую опасность и вредъ отъ нихъ. И тѣ преступленія, которыхъ наиболѣе опасалось общество, скорѣе вызывали общественную месть и подвергались строгимъ наказаніямъ. Вообще, чѣмъ вреднѣе и опаснѣе было преступленіе для общества, тѣмъ наказаніе были тяжелѣе для преступника. Наказывая такого преступника, вервь лишала его своего покровительста въ своихъ предѣлахъ и какъ человѣка вреднаго для общества и недостойнаго быть его членомъ, изгоняла совершенно. Въ исторіи древняго права южныхъ славянъ встрѣчается тоже явленіе, что и въ нашемъ древнемъ правѣ. Хорватскія обкины, или оптины (жупы) по Винодольскимъ законамъ имѣли полное право изгонять преступниковъ. Изгнанному запрещалось давать «исти, или пити, или инуку помоть.» Въ загребскомъ статутѣ, это изгнаніе, выражаясь терминомъ «Expellere turpiter de civitate,» является совершенно однороднымъ потоку и разграбленію Рус. Правды. **) Также тождественны съ древне-русскими общинными наказаніями общинныя наказанія древнихъ германцевъ. Общественная жизнь ихъ какъ у Русскихъ въ древнее время была основана на круговой порукѣ (System der Gesammtburgschaft). Цѣль этого ручательства всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, состояла въ поддержаніи общаго внутренняго мира (Allmansfriede), а потому преступленіе счита-

*) Древнее Хорвато-Далматское законодательство *Леонтовича* 1868 г. 31 и 57 стр.

лось за нарушеніе мира (Friedensbruch) и влекло за собой лишеніе мира преступника (Friedlosigkeit), изгнаніе его изъ общества. *) Тоже самое значеніе имѣлъ въ нашемъ правѣ потокъ и разграбленіе, какъ средство общественной мести. Какія же преступленія общество наказывало потокомъ и разграбленіемъ? Въ Русской Правдѣ читаемъ: I. «Будетъ ли сталъ на разбои, безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и разграбленіе.» II. «Аще будетъ коневый тать,—выдати князю на потокъ.»

III. Аже зажгуть гумно, то на потокъ на грабежь домъ его переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і такоже аже кто дворъ зажьжеть.» **) И такъ общество въ трехъ случаяхъ подвергало преступника изгнанію, къ которому присоединялось иногда и отнятіе имущества. I) Если преступникъ былъ убійца безъ всякой свады (ссоры), то есть если онъ злоумышленно безъ всякихъ видимыхъ причинъ, безъ всякаго вызова совершилъ свое преступленіе. ***) II) Если преступникъ былъ коневый тать, т. е. если онъ совершалъ конокрадство и наконецъ III) Когда преступникъ совершалъ поджогъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, при опредѣленіи наказанія, не столько обращалось вниманіе на удовлетвореніе обиженной стороны, сколько на удовлетвореніе оскорбленнаго общества. Общество непосредственно само наказывало такія преступленія, частное лицо оставалось въ сторонѣ и роль уголовнаго карателя съ частнаго лица въ этихъ случаяхъ переходила на общество, которое, наказывая такія преступленія, имѣло въ виду: намѣреніе преступника, мотивъ преступленія и его послѣдствія, т. е. вредъ и опасность преступленія для общества.

---

*) *Деппъ*... 26 стр.

**) 5,30 и 79 стр. Троиц. и Карамз. спис.

***) Слово свада въ первой статьѣ Рус. Правды означаетъ вообще ссору. Zwada на Польскомъ языкѣ—ссора; въ этомъ же значеніи употребляется слово свада и въ поученіи Луки Жидяты, современника Ярослава I-го; см. А. А. Э. I, № 16. Въ Молдавскомъ языкѣ въ Бессарабіи, въ которой вошло много славянскихъ словъ, svada употребляется также въ значеніи ссоры.

Выше было сказано, что потокъ по Рус. Правдѣ означалъ собственно говоря, изгнаніе изъ общины, но нѣкоторые изслѣдователи разумѣютъ подъ потокомъ совершенно другое. Поповъ и Богдановскій принимаютъ потокъ въ смыслѣ родоваго понятія всѣхъ неопредѣленныхъ наказаній древняго времени: смертной казни, лишенія свободы, обращенія въ рабство и т. д. *) Графъ Сперанскій въ одномъ своемъ сочиненіи полагаетъ, что потокъ исключительно означалъ отдачу въ рабство. **) Г. Ланге думаетъ, что потокъ означалъ ссылку и заключеніе. ***) Наконецъ Костомаровъ говоритъ, что отдача на потокъ состояла въ томъ, что народная толпа бросалась на дворъ осужденнаго и расхватывала его имущество, самый дворъ и хоромы разносили, иногда выжигали, его имѣніе конфисковали. Иногда, при этомъ самаго виновнаго убивали, а чаще изгоняли со всѣмъ семействомъ. ****) Такимъ образомъ первое и послѣднее мнѣнія представляются совершенно сходными въ томъ отношеніи, что подъ потокомъ разумѣются всѣ средства общественныхъ наказаній и не проводится различіе между потокомъ и разграбленіемъ. Что касается до мнѣнія графа Сперанскаго, то оно слишкомъ односторонне, чтобы придать ему какую-нибудь вѣроятность. Опредѣленіе г. Ланге представляется правдоподобнѣе другихъ въ томъ, что потокъ, какъ наказаніе князя означалъ ссылку. Такое разнообразіе мнѣній о сущности потока происходило отъ того, что одни изслѣдователи видѣли въ немъ исключительно наказаніе князя, другіе и князя и общины, понимая подъ нимъ всѣ средства и княжеской и общественной мести. Одни, основываясь на законодательныхъ памятникахъ полагали выдачу преступника князю, какъ исключительную обязанность верви, другіе какъ право, но неопредѣленное.

---

*) *Поповъ.* Объ угол. правѣ по Рус. Пр. 67 стр.; *Богдановскій.* Развитіе понятій и т. д. стр. 57.

**) Архивъ Калачова 1859 г. 11, 30.

***) Изслѣдованіе объ угол. правѣ по Рус. Правдѣ.

****) Сѣверно-русскія народоправства.

Вникая въ смыслъ статей Рус. Правды, мы видимъ, что во всѣхъ трехъ приведенныхъ случаяхъ преступникъ выдавался князю «на потокъ.» Слѣдовательно общество, выдавая своего члена, нарушившаго общественный обычай, какъ бы становилось посредникомъ между преступникомъ и княземъ. Выдавая преступника князю, общество отказывалось отъ него и разрывало тѣмъ самымъ ту связь, которая была до преступленія между нимъ и преступникомъ. Эта-то выдача князю, отказъ отъ защиты личныхъ правъ преступника — потокъ, и отказъ отъ защиты его имущественныхъ правъ — разграбленіе и составляло одно изъ средствъ общественной мести.

Когда общины не имѣли надъ собою объединяющей власти княжеской, тогда не существовало и выдачи князю «на потокъ», а существовалъ отказъ общества отъ преступника, изгнаніе его изъ своихъ предѣловъ. Подобно тому, какъ въ древне-германскомъ правѣ въ періодъ полнаго господства мести тяжкія преступленія (Friedensbruch), влекли за собою полное безправіе преступника, объявленіе его лѣснымъ звѣремъ, волкомъ—wargus, котораго всякій могъ убить безнаказанно, подобно этому и наша древняя община, по пословицѣ «худая трава изъ поля вонъ», изгоняла преступника изъ своихъ предѣловъ, и преступникъ становился какъ бы общественнымъ изгоемъ. Понятно, какъ тяжело было подобное изгнаніе въ то время, когда на всякаго члена другой общины смотрѣли, какъ на лицо безправное, котораго можно было убить безнаказанно. Потому-то изгнаніе изъ общины въ то время всегда сливалось съ лишеніемъ земскаго мира преступника, или говоря яснѣе, изгнаніе изъ общины всегда предполагало безправіе изгоняемаго преступника. Что дѣйствительно выдача князю на потокъ была первоначально изгнаніемъ изъ общины, на это указываетъ существовавшій въ позднѣйшее время обычай общинъ, признаваемый законодательствомъ «выбити изъ волости вонъ» преступника. Такъ въ большей части уставныхъ и губныхъ грамотъ, законодательство прямо предписываетъ въ обязанность губнымъ старостамъ, избраннымъ извѣстной волостью, изгонять изъ

этой волости различныхъ преступниковъ *). Только впослѣдствіи, съ призваніемъ князей, когда князь сталъ посредникомъ между общинами, это изгнаніе изъ общины получило значеніе выдачи князю преступника. Въ періодъ самостоятельности и разрозненности общинъ изгнанный преступникъ предоставлялся самому себѣ, онъ былъ воленъ идти туда или сюда, но за то всякій членъ общины могъ убить его, какъ человѣка безправаго, непринадлежащаго ни къ какому союзу. Въ княжескій же періодъ изгоняемый преступникъ выдавался исключительно общей власти надъ всѣми общинами—князю, который одинъ только могъ поступить съ преступникомъ по своему усмотрѣнію. Вотъ, по моему мнѣнію, какая была разница между изгнаніемъ преступника изъ общины въ собственномъ смыслѣ и выдачею его князю «на потокъ». Что означало послѣднее выраженіе, увидимъ ниже, теперь же замѣчу, что эта разность въ историческомъ развитіи этого наказанія была болѣе формальной, чѣмъ матеріальной: изгнаніе ли, выдача ли князю впослѣдствіи, постигала преступника—сущность наказанія была одна и таже. И при изгнаніи изъ общины въ древнее время и при выдачѣ князю преступника впослѣдствіи, судъ и приговоръ о преступникѣ принадлежалъ цѣлой общинѣ; и въ томъ и другомъ случаѣ общество извергало изъ себя недостойнаго члена, не заботясь о дальнѣйшей его судьбѣ. И князь, по крайней мѣрѣ первоначально, только въ силу общественнаго приговора являлся уголовно-карательной властью въ отношеніи преступника. Подтвержденіемъ этому служатъ многіе лѣтописные факты. Такъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1209 годомъ разсказывается: «цѣловаша Новгородци честный хрестъ, яко не хочемъ у себе держати дѣтій Дмитровыхъ (сверженнаго Новгородцами посадника) ни Володислава, ни Бориса, ни Твьрдислава Станиславиця и Овъстрата Домажировиця и поточи я князь къ отцю» **). Нерѣдко, въ особенности въ общинахъ Новгорода и Пскова и по

*) А. А. Э. I № 221, 224, 257, 281 и др.

**) П. С. Л. III, 31 стр.

призваніи князей, это изгнаніе изъ общества преступника существовало почти въ своей до княжеской формѣ. Изгнанію изъ общества подлежали не только преступники, но и всѣ тѣ, которые почему-либо возбуждали противъ себя недовольство цѣлаго общества; преимущественно же ему подвергались посадники и вообще всѣ предержащія власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изгнаніе изъ общины принимало видъ ссылки съ опредѣленіемъ мѣстожительства преступнику: такими мѣстами ссылки были различные города, иногда цѣлая область—Чюдь, земля Ростовская, иногда озеро Лаче *).

Изъ приведенныхъ статей Рус. Правды видно, что изгнаніе изъ общины соединялось большею частью съ разграбленіемъ имущества, подъ которымъ почти всегда разумѣлось, какъ видно изъ лѣтописей, полная общественная конфискація, падавшая какъ на движимое, такъ и недвижимое имущество преступника. По нашему мнѣнію такое соединеніе изгнанія изъ общины—потока съ конфискаціей имущества—разграбленіемъ объясняется самимъ понятіемъ этихъ наказаній, изъ которыхъ первое, означая вообще безправность изгоняемаго, ео ipso заключало въ себѣ лишеніе преступника всякаго движимаго и недвижимаго имущества, находящагося въ изгоняющей общинѣ. Вообще разграбленіе рѣдко употреблялось какъ самостоятельное, одиночное средство общественной мести не только въ древне-русскомъ правѣ, но и въ другихъ **). Въ Каттаро, говоритъ Рейцъ про Далматскихъ Славянъ, измѣнникъ отечества объявлялся врагомъ общества и изгонялся на вѣки, домъ его разрушался до основанія и все его имущество разбиралось народомъ. Въ Трау, когда убійца скрывался, его осуждали на вѣчное изгнаніе, каждый могъ убить его, а все имѣніе его переходило къ общинѣ и родственникамъ убитаго. (Сборникъ истор. и статист. свѣденій о Россіи Д. В. стр. 183).

---

*) П. С. Л. II, 106, III, 31, 85; IV, 7, 74 стр.

**) ibid. I, 157, 210; II, 4, III, 30, 46, 74, 126, 140, V, 142, 222, 196, 223, 261.

Прямая цѣль разграбленія состояла первоначально въ удовлетвореніи имуществомъ преступника, какъ лица непосредственно пострадавшаго отъ преступленія, такъ и цѣлаго общества. Эта цѣль разграбленія замѣтно проглядываетъ и въ словахъ Рус. Правды: «переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити» *).

Какъ въ древне-германскомъ правѣ имущество изгоняемаго преступника подвергалось дѣлежу и за удовлетвореніемъ непосредственно истца шло въ пользу Dingmänner и употреблялось для общественныхъ цѣлей, такъ и въ древнерусскомъ правѣ имѣніе подвергшагося разграбленію шло въ пользу всей общины. Только впослѣдствіи разграбленіе стало означать конфискацію княжескую, а не общинную, но и тутъ долгое время это средство общественной мести не теряло совсѣмъ своего древняго значенія. Слѣдующее замѣчательное мѣсто доказываетъ, что въ разграбленіи имущества матеріальное удовлетвореніе общества стояло впереди матеріальнаго удовлетворенія князя: «Новгородьци же пришедше Новугороду, створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а села ихъ распродаша и челядь, а сокровища ихъ изыскаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ..... а что на дъщькахъ, а то князю оставиша» **).

Изъ всего сказаннаго видно такимъ образомъ, что изгнаніе преступника изъ общины, превратившееся потомъ въ выдачу князю,—и разграбленіе составляли два исконныя средства общественной мести, которыя хотя и соединялись одно съ другимъ, но тѣмъ не менѣе существовали и порознь: одно какъ наказаніе личное, другое какъ имущественное.

---

*) 79 ст. Тропц. Сп.

**) П. С. Л. IV, 30; см. т. 46 стр. о раздѣлѣ имущества преступника по сотнямъ.

Къ разряду же имущественныхъ наказаній можно отнести денежныя пени, уплачиваемыя преступникомъ цѣлому обществу. Эти пени, или окупы съ преступника, или съ преступниковъ точно также дѣлились равномѣрно между членами извѣстной общины, какъ и при разграбленіи. Такъ въ 1398 году Новгородцы за измѣну имъ одного города Двинской земли взяли окупъ съ жителей его: «а у Двинянъ, за ихъ преступленіе и за ихъ вину, воеводы и вси вои Новгородци взяша 2000 рублевъ, а 3000 коневъ; бяше бо всѣхъ Новгородцевъ 3000» *).

Замѣтимъ также, что какъ при частной и родственной мести уплата виновника за преступленіе обиженной сторонѣ исключала собою месть, такъ было и при общинной мести; подъ 1194 г. разсказывается, что нѣкоторые изъ осужденныхъ на смерть народомъ «кунами ся откупиша» **).

II.

КНЯЖЕСКАЯ МЕСТЬ.

Вообще говоря, месть, какъ право первичнаго юридическаго наказанія, составляло принадлежность главнымъ образомъ народа и князя. Но такъ какъ народъ въ своей исторической жизни переходилъ извѣстныя формы общественнаго быта, то сообразно этимъ формамъ и месть обычно-народная имѣла, какъ мы уже видѣли, различныя историческія формы.

Между тѣмъ въ то время, какъ въ народной жизни юридическое наказаніе, проявлялось въ самобытныхъ, разнообразныхъ формахъ личной, родственной и общественной мести, призванные князья уничтожили своимъ авторитетомъ, междуобщинную месть и какъ верховная власть, мало по малу, съ ограниченіемъ юрисдикціи общинъ и ихъ объеди-

---

*) П. С. Л. III, 99 стр.

**) ibid. III, 22; IV; 7, V, 158 стр.

неніемъ, стали уголовными карателями преступленій. Такъ какъ это право наказыванія на первыхъ порахъ является неопредѣленнымъ, какъ и месть обычно-народная, то поэтому первоначальныя княжескія наказанія, можно также назвать местью.

Месть княжеская отличалась отъ разсмотрѣнныхъ формъ мести обычно-народной тѣмъ, что какъ самоуправство, родственная, такъ и общественная месть основывались на обычаѣ народа; лицо, нарушившее обычай мести, превысившее ее, могло вызвать обратную месть; месть, однимъ словомъ, не могла быть произвольной. Княжеская же месть основывалась на княжеской власти вообще наказывать преступниковъ и большею частью зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія князя: въ одномъ случаѣ онъ употреблялъ одно средство наказанія, въ другомъ то же самое и въ той же мѣрѣ. Уголовныхъ, положительныхъ законовъ, которыми бы опредѣлялось право наказанія княжеской власти не было. Было дѣйствительно обычное уголовное право, полагавшее извѣстные размѣры праву наказанія княжеской власти, но это право жило въ сознаніи народа и тѣсно было связано съ его жизнью. Княжеской власти оно, конечно, не могло быть такъ извѣстно, какъ народу и княжеская власть не всегда основывалась на немъ, почему месть князя и носила болѣе характеръ произвола, чѣмъ права. Лучшимъ доказательствомъ этого между многими лѣтописными фактами служитъ разсказъ о мести Ольги. Не смотря на его сказочный характеръ, онъ все-таки не лишенъ историческаго значенія, какъ сказаніе давно минувшихъ лѣтъ. Послѣ троекратнаго отмщенія за убійство мужа, говоритъ лѣтописецъ (двукратнаго убійства Древлянскихъ пословъ и убійства 5000 древлянъ при тризнѣ надъ мужемъ), Ольга стала осаждать г. Коростень: «И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань. Древляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши ны мьщати мужа своего».

Рече же имъ Ольга: «яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе и третіе, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мъщати» *).

Изъ этого лѣтописнаго свидѣтельства ясно видно, что мщеніе Ольги основывалось на ея полномъ, личномъ произволѣ и представляется совершенно неограниченнымъ, иначе бы Древлянамъ, послѣ троекратнаго отмщенія со стороны Ольги не зачѣмъ и ожидать новаго. Неограниченность и произвольность мести очень ясно высказывается и въ словахъ Ольги: «не хощю мъщати», слѣдовательно она могла бы мстить, если бы хотѣла, а если бы это было невозможно,—Древлянамъ не зачѣмъ бы и опасаться.

Княжеская месть, какъ видно далѣе изъ лѣтописей, нерѣдко имѣла своимъ основаніемъ гнѣвъ, непріязненное отношеніе къ наказываемому и другія обстоятельства.

Конечно, при такихъ условіяхъ княжеская месть не только не была справедливой, но нерѣдко падала на совершенно невинныхъ. Князь Василько, отмщая свое ослѣпленіе, говоритъ лѣтопись: «створи мщеніе на людехъ неповинныхъ и пролія кровь неповинну» **).

Что касается до средствъ княжеской мести, то они были очень разнообразны и зависѣли отъ личнаго выбора князей. Подъ 1095 годомъ въ разсказѣ про месть Олега Святославича говорится: «Олегъ же мсти на всѣхъ, единыхъ убивая, иныхъ заточая, и имѣнія ихъ грабя» ***). Упоминаются также, хотя и рѣдко членовредительныя наказанія, проникнувшія въ народную жизнь, вѣроятно подъ вліяніемъ Византіи ****).

Но изъ всѣхъ средствъ княжеской мести болѣе употребительнымъ и болѣе опредѣленнымъ былъ потокъ. Потокомъ какъ видно изъ статей Рус. Правды, наказывался преступникъ, изгнанный изъ верви: вервь выдавала преступника князю «на потокъ». Но какая была сущность этого наказа-

---

*) П. С. Л. I, 25 стр.
**) П. С. Л. I, 113, 114 стр.
***) П.С, Л. II, 281 стр.
****) П. С. Л. I, 74; V, 189 стр.

нія, въ чемъ оно состояло? мнѣнія объ этомъ изслѣдователей очень различны. Большая часть изъ нихъ сходятся въ томъ, что потокъ, какъ наказаніе князя былъ вполнѣ неопредѣленнымъ, зависящимъ отъ его произвола средствомъ мести *). Такъ, напр. Калачевъ полагаетъ, что князь выданнаго ему преступника, или могъ «предать смертной казни, или заточенію; или же съ чѣмъ также согласенъ и Эверсъ, князь выданнаго ему преступника могъ дѣйствительно изгнать вообще изъ всей своей земли, изъ всѣхъ своихъ владѣній, отвезя его, или продавъ въ рабство **). Но съ этими мнѣніями согласиться нельзя. Не изъ чего не видно, чтобы потокъ означалъ смертную казнь; напротивъ въ лѣтописныхъ фактахъ и то, и другое наказаніе разграничивается; не видно также, чтобы потокъ означалъ и членовредительныя, или тѣлесныя наказанія, которыя какъ и смертная казнь, носили преимущественно общее названіе казней. Нельзя также допустить, чтобы потокъ былъ имущественнымъ наказаніемъ, потому что для имущественныхъ наказаній употреблялся особый терминъ—разграбленіе. Подъ 1020 г. говорится въ лѣтописи: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новѣгородѣ и разгнѣвася нань великій князь Ярославъ, и *потоци* и въ Ростовъ; и на третее лѣто повелѣ его убити» ***). Далѣе, подъ 1023 г. «И слышавъ князь великой Ярославъ волхвы, пріиде къ Суздалю, изымавъ убійца тыи *расточи*, иже бяху бабы избили, и домы ихъ *разграби*, а другія *показни*» ****). Наконецъ подъ 1421 г. «Князь Иванъ Тферьскій изнима боярина Новоторьжьскаго Ивана Кумганца и сына его Ѳому, и бивъ ихъ заточи въ Новый городокъ» *****). Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, что поточить, расточить и заточить незначило показнить, разграбить, т.-е. другими

*) Объ угол. правѣ по Рус. Правдѣ 67; истор. развитіе понятій о прест. и наказаніи 57, 58.

**) Архивъ III, IV, 29, 30 стр.

***) П. С. Л. V, 134 стр.

****) ibid. 135 стр.

*****) ibid. IV, 120.

словами, потокъ не былъ ни казнью, ни разграбленіемъ, а какъ и каждое изъ этихъ понятій имѣлъ свое спеціальное значеніе. Это значеніе состояло, какъ видно изъ приведенныхъ же примѣровъ, въ ссылкѣ преступника, по усмотрѣнію князя въ извѣстное мѣсто, иногда именно съ указаніемъ опредѣленнаго мѣстожительства преступнику *). Иногда же потокъ означалъ ссылку изъ отечества—изгнаніе. Такъ князь Всеволодъ изгналъ Олега Святославича: „поточиша (въ Новгород. лѣт. заточиша) и за море ко царюграду“ **). Въ послѣдствіи слово поточить, въ концѣ XIV и началѣ XV ст. начинаетъ замѣняться словомъ заточить большею частью въ смыслѣ тюремнаго заключенія; первоначально же слова за,-рас-и по-точить означали только ссылку въ обширномъ смыслѣ, по личному усмотрѣнію князя относительно ея времени и мѣста ***).

Кромѣ этого средства лишенія, или ограниченія свободы съ древнѣйшихъ временъ употреблялось князьями и тюремное заключеніе, которое первоначально носило техническое названіе „метанія въ порубъ“, или „въ погребъ“. Послѣднія слова даютъ намъ понятіе о первоначальномъ устройствѣ древнихъ тюремныхъ заведеній. Устройство ихъ было крайне просто и грубо, какъ и всѣ тогдашнія постройки—это были какъ кажется, изъ лѣтописей, небольшіе рвы, или ямы извѣстнымъ образомъ обгороженные и удѣланные. Въ такіе погреба мало, или вовсе непроникалъ свѣтъ, отъ чего они впослѣдствіи и стали называться темницами.

Точно также, какъ мало было въ этихъ порубахъ, или погребахъ свѣта, такъ немного было, вѣроятно и притока воздуха: темнота и духота были характеристическими ихъ признаками. По крайней мѣрѣ лѣтописи не рѣдко сообщаютъ, что заключенные въ порубахъ задыхались отъ тѣсноты и духоты. Это посаженіе, или метаніе въ порубъ часто

---

*) П. С. Л. III, 33; IV, 120, 162; V, 170; VI, 36, 149.

**) ibid. V, 148 стр.

***) О тюремномъ заключеніи см. т. т. III, IV, V, и VI П. С. Л. Л.

встрѣчается въ первыя времена русской исторіи. Такъ подъ 1036 годомъ говорится: «Разгнѣвася Ярославъ великій князь на меньшаго брата своего Судислава, и всади его въ порубъ въ Плесковѣ въ темницу до живота своего». Далѣе подъ 1059 г. «Въ лѣто 6567, Изяславъ и Святославъ и Всеволодъ выяша дядю стрыя своего изъ *поруба*, бяше бо сѣдалъ во Псковѣ въ тюрьмѣ лѣтъ 24» *). Иногда заключеннаго въ порубъ сковывали и приставляли къ нему сторожей караульныхъ **). Срокъ тюремнаго заключенія, какъ и срокъ ссылки вполнѣ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія князя, точно тоже можно сказать и про мѣсто.

Изъ имущественныхъ наказаній князя были извѣстны—разграбленіе и денежныя пени, или штрафы ***). Что касается перваго, то оно было или полное, т.-е. лишеніе всего имущества, или же неполное, когда князю доставалась только часть изъ имущества преступника, раздѣленнаго между народомъ, какъ это видимъ изъ лѣтописныхъ примѣровъ, или же князю принадлежало за удовлетвореніемъ частныхъ исковъ, вся остальная доля, какъ это видимъ по Рус. Правдѣ и по договору Смоленскаго князя съ Ригою 1270 года ****). Денежныя же пени, получаемыя княземъ съ преступниковъ, зависящія отъ его личнаго усмотрѣнія, безъ всякой опредѣленной величины, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, очень рѣдко употреблялись въ дѣйствительности, потому что въ разсматриваемое время уже существовала въ нашемъ правѣ довольно опредѣленная система денежныхъ расплатъ и пеней.

Вотъ и всѣ средства княжеской мести, существовавшія въ первый періодъ развитія нашего права, которыя хотя

---

*) П. С. Л. IV, 176; см. т. I, 60, 70, 73, 74, 136 (II, 24, 298), 163, 215; II, 88, 120, 317; III, 35; IV, 7, 266; V, 141, 162, 222, 223; VI, 12, 36 и др.

**) ibid. I, 110, 117, 183, 210; II, 88, 122; III, 30, 31, 33, 48; IV 7, 30, 106.

***) Ibid. II, 281, III, 30, V, 135 и др.

****) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ стр. 17.

болѣе, или менѣе обрисовывались и отличались одно отъ другаго, но все-таки, говоря вообще, носили на себѣ характеръ произвольный и неопредѣленный. Княжеская месть возникла въ древне-русскомъ правѣ съ призванія князей и какъ я уже замѣтилъ, существовала первоначально совмѣстно съ общественной местью. Естественно, что при такомъ совмѣстномъ существованіи и мести общинной по обычаю и мести князя по праву его власти,—необходимо должны были происходить частыя столкновенія между общинами и княземъ. И дѣйствительно, какъ видно изъ историческихъ фактовъ, нерѣдко уголовно-карательная власть князя сталкивалась съ уголовно-карательной властью народа, при чемъ эти коллизіи на первыхъ порахъ разрѣшались большею частію въ пользу послѣдняго.

Первоначально народъ только по своей немощи, по своему слабосилію могъ допустить произвольную расправу князя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ судебныхъ. Потому очень часто, въ первые вѣка нашей исторіи, попадаются примѣры, что народъ, недовольный произволомъ князя, или защищалъ и не выдавалъ на месть несправедливо обвиняемаго имъ, или даже вооружался противъ него за произвольную, несправедливую расправу. Подъ 1218 г. разсказывается, что „князь Святославъ присла свой тысяцьскій на вѣче, рече: не могу быти съ Твьрдиславомъ, и отъимаю отъ него посадницьство; рѣкоша же Новгородци: е ли вина его? онъ же рече: безъ вины; рече Твьрдиславъ: тому есмь радъ оже вины моей нѣту; а вы братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ. Новгородци же отвѣщаша: княже, оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити, а тобъ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ“. Нѣсколько далѣе, про того же Твердислава говорится, что когда князь Всеволодъ по своему гнѣву хотѣлъ его убить, и для этого требовалъ его на Ярославовъ дворъ, то за Твердислава стали, какъ выражается лѣтопись, пять Новгородскихъ полковъ и князь долженъ былъ отказаться отъ мщенія *). По-

*) П. С. Л. III, 37 и 38 стр.

добныхъ примѣровъ въ нашей исторіи много: очень часто община защищала своихъ членовъ отъ несправедливыхъ притязаній князя; защищала свои обычаи до тѣхъ поръ, пока они съ ограниченіемъ юрисдикціи общинъ и ихъ объединеніемъ, въ связи съ развитіемъ княжеской власти, стали мало по малу заглушаться новыми началами новаго времени.

Правомѣрность мести.

Формъ, въ которыхъ выразилась идея первоначальнаго юридическаго наказанія въ древне-русскомъ правѣ, главнымъ образомъ было четыре: непосредственная месть, родственная, общественная и княжеская. Первыя три, какъ было уже замѣчено, могутъ быть названы обычно-народной местью вообще, послѣдняя—княжеской местью. Какъ та, такъ и другая при извѣстныхъ случаяхъ выражалась въ извѣстныхъ опредѣленныхъ средствахъ, что доказывало постоянность и равномѣрность наказаній. Спрашивается: была ли месть правомѣрной, т.-е. было ли наказаніе преступника правомъ мстителя, правомъ ограничиваемымъ въ своемъ исполненіи извѣстнымъ соотвѣтствіемъ наказанія преступленію?

Начнемъ разсмотрѣніе этого вопроса съ обычно-народныхъ наказаній и потомъ перейдемъ къ наказаніямъ князя. Месть, говоря вообще, была наказаніемъ за дѣйствія, противныя общественному порядку и вызываемая нерѣдко со стороны непосредственно-обиженнаго, или его родственнаго союза, не исключительно зависѣла отъ того и другаго. Общество, по нашему мнѣнію, предоставивъ вѣдаться съ преступникомъ тому, чьи права преимущественно страдали отъ преступленія, кто былъ въ большемъ столкновеніи съ преступникомъ, чѣмъ кто другой, не предоставляло, да и не могло предоставить полнаго безграничнаго самоуправства съ преступникомъ. Обиженная сторона, наказывая преступника, дѣйствовала только во имя общественной правды, народнаго обычая, исполненіе котораго было для нея, какъ и для каждаго члена общества—равно священно. Такимъ образомъ, общество, предоставивъ наказаніе преступленій,

обиженной сторонѣ: непосредственно-обиженному, семьѣ, или роду, тѣмъ самымъ признало это наказываніе правомъ. Но какъ и всякое право, право мести не могло быть безграничнымъ: оно имѣло извѣстные предѣлы, употреблялось въ извѣстной мѣрѣ, опредѣлялось извѣстными средствами. По этому нельзя согласиться съ прежними изслѣдователями по исторіи нашего права, которые признаютъ безграничность мести. По ихъ опредѣленію месть является не болѣе, не менѣе, какъ частнымъ произволомъ, ничѣмъ не умѣряемымъ. Такъ, напр. г. Богдановскій полагаетъ: «какъ непосредственное, темное чувство, чувство мести отрицаетъ всякое сознаніе. Не даромъ и теперь называютъ мщеніе слѣпымъ, не даромъ древніе въ пластическомъ образѣ представляли его также слѣпымъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все представляется съ одной стороны случаю, а съ другой ничѣмъ неограниченному произволу мстителя *). На это можно возразить: что если чувство мести отрицаетъ всякое сознаніе, что если месть вполнѣ предоставляется ничѣмъ неограниченному произволу мстителя, то въ такомъ случаѣ возможна ли была на сколько-нибудь гарантія правъ въ обществѣ? Признавая месть совершенно неограниченнымъ, частнымъ произволомъ, трудно вмѣстѣ съ тѣмъ составить понятіе о тогдашнемъ положеніи общества, объ его организаціи. Тамъ, гдѣ перевѣсъ единственно на сторонѣ грубой силы, гдѣ тотъ правъ, кто сильнѣе, гдѣ все зависитъ «отъ субъективнаго произвола мстителя», справедливымъ наказаніемъ за правонарушеніе будетъ то, что признаетъ такимъ частное лицо, а не общество, но въ такомъ случаѣ месть не будетъ правомъ, а грубымъ произволомъ частнаго лица. Но мстникъ, вообще говоря, не былъ воленъ въ выборѣ средствъ наказанія и мѣры по своему произволу, не могъ, напр., если бы и хотѣлъ убить своего обидчика. По древнѣйшему списку Рус. Правды, напр. только за личную обиду свободнаго

*) *Богдановскій.* Истор. разв..... 8 ст.; *Поповъ.* Рус. Прав. въ отнош. къ угол. праву 32, 33; *Ланге.* Изслѣд. объ угол. пр. по Рус. Правдѣ стр. 97.

рабомъ, послѣдній могъ убить его; но и это постановленіе вскорѣ было измѣнено сыновьями Ярослава, установившими: „любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ“ *). Далѣе, изслѣдователи, допуская безграничность непосредственной и родственной мести вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчатъ себѣ, признавая непосредственную и родственную месть за право. Такъ, г. Поповъ говоритъ: „Возмездіе, основанное на произволѣ рода и составляетъ месть“, нѣсколько далѣе, „месть не только существовала, но и была признаваема правомъ“ **). Такое же противорѣчіе находимъ мы и въ соч. г. Богдановскаго ***), такъ что по мнѣнію большинства прежнихъ изслѣдователей и преступленіе, какъ разрывъ единичной воли съ общей, есть частный произволъ и наказаніе за этотъ произволъ въ древне-русскомъ правѣ было тоже произволомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и правомъ.

Всѣ эти мнѣнія о безграничной мести справедливо упрекнуты въ несостоятельности послѣдними извѣстными трудами по исторіи русскаго уголовнаго права: сочиненіями г. Власьева и А. П. Чебышова-Дмитріева. И дѣйствительно, въ настоящее время лучшіе германскіе ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ на первичную эпоху народной жизни смотрятъ совершенно иначе, чѣмъ прежде, когда думали, что первые вѣка жизни народа покрыты густымъ туманомъ, сквозь который лишь высказывается вся хаотичность, вся грубость, вся неопредѣленность первичнаго быта. Но этотъ густой туманъ, покрывающій далекое прошлое разсѣевается внимательнымъ и тщательнымъ изученіемъ первичнаго быта, а съ нимъ вмѣстѣ разсѣевается и убѣжденіе, что все въ первичномъ бытѣ представляется въ какомъ-то хаотическомъ состояніи. Такой взглядъ остался только принадлежностью, какъ замѣчаетъ Зеегеръ, прежнихъ философскихъ системъ съ bellum omnium contra omnes, съ естественнымъ состояніемъ и т. д. ****).

*) 58 троиц. сп.

**) Рус. Пр. въ отнош. къ угол. праву 33 стр.

***) Истор. разв. понятій о прест. и наказ.....8 и 12 стр.

****) Abhandlungen aus dem Strafrechte 1858 г., 175 стр.

Изъ разсмотрѣнныхъ формъ проявленія идеи юридическаго наказанія въ древне-русскомъ правѣ видно уже, что месть не была произвольной, что обиженнаго защищало общество, и что тоже общество выдавало на месть обидчика, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и само отмщало ему. Такъ что и самоуправство частнаго лица и месть родственная были дозволены только въ предѣлахъ извѣстнаго замкнутаго круга юридическихъ отношеній первичнаго общества: въ предѣлахъ этого круга, мщеніе вполнѣ зависѣло отъ обиженной стороны, въ этомъ кругѣ она могла дѣйствовать такъ или иначе, но перейдти эти предѣлы значило нарушить общественный обычай и вызвать противъ себя обратную месть. Вообще частная воля въ первичныхъ обществахъ мало имѣла простора въ своихъ дѣйствіяхъ, подчиняясь во всѣхъ почти своихъ проявленіяхъ воли общей—народному обычаю, почему всѣ правовыя проявленія частной воли были въ тоже время какъ бы выраженіемъ воли общей. Общество и частное лицо въ первичныя времена были связаны тѣснѣе, неразрывнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, при большей безопасности и обезпеченности отдѣльныхъ лицъ, а потому-то чѣмъ бляже мы разсматриваемъ жизнь какого-либо народа къ его начальному періоду, тѣмъ большую цѣльность и однообразность замѣчаемъ мы въ этой жизни и тѣмъ меньше мы видимъ произвола. «Тою же силою», говоритъ А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, «какою творился языкъ, образовались и миѳы народа, и его поэзія, и его право. Какъ въ образованіи и строеніи языка оказывается не личное мышленіе одного человѣка, такъ и созданіе права принадлежитъ творчеству всего народа; произвольная личность не только не участвовала въ сложеніи поэзіи и права, но и не вошла, какъ существенная, самостоятельная часть въ ихъ содержаніе. Въ области поэзіи все шло своимъ чередомъ, какъ заведено было испоконъ вѣку: таже разсказывалась сказка, таже пѣлась пѣсня и тѣми же словами, потому что изъ пѣсни слова не выкинешь. Такія же явленія происходили и въ области права: и здѣсь отдѣльной личности не было исхода изъ замкнутаго круга. Будучи голосомъ преданія,

идущаго отъ временъ незапамятныхъ, право для всего общества и каждаго изъ его членовъ, казалось такимъ же произведеніемъ, стоящимъ внѣ произвола, какъ эпическая поэзія для пѣвца и его слушателей.

Смотря на право съ этой точки зрѣнія, нельзя предполагать, чтобы месть была безгранична, произвольна, чтобы мѣра и способъ ея осуществленія зависѣли отъ субъективнаго взгляда местника и измѣнялись при каждомъ отдѣльномъ случаѣ» *).

Эти справедливыя слова еще болѣе подтверждаютъ наше мнѣніе, что месть не была произвольной и неограниченной, а умѣрялась тою же силою общественнаго обычая, которою признавалось за обиженнымъ право отмщенія. Нельзя, конечно, думать, чтобы средство и мѣра мести во всѣхъ видовыхъ различіяхъ преступленій, даже родовыхъ, опредѣлялись точно и правильно, какъ нельзя думать, чтобы месть вообще была безграничной. Способность отчетливо формулировать юридическія отношенія дается народу только при высшемъ его развитіи, при государственной формѣ общежитія, тогда только и являются болѣе опредѣленныя видоизмѣненія мѣры и средства наказанія. Первичному быту чужда такая опредѣленность, какъ чужды точныя классификаціи и рубрики законодательства. Первичный бытъ довольствуется тѣмъ немногимъ, что успѣлъ онъ опредѣлить въ своемъ юридическомъ оборотѣ крупными, рѣзкими чертами, разграничивающими одно отъ другаго. Такъ, если въ юридическомъ быту первичнаго времени правиломъ кровной мести считалось „кровь за кровь, смерть за смерть,“ то для общества было, конечно, безразлично, какъ бы эта кровь не была пролита, чѣмъ бы не была причинена смерть. Но если въ этомъ же быту установилось правиломъ: что обиженное лицо, беря матеріальное вознагражденіе съ обидчика, отказывалось тѣмъ отъ мщенія ему, то несоблюденіе этого правила вызывало обратную месть. Съ другой стороны, если месть обижен-

*) О преступномъ дѣйствіи 35, 36 стр.

наго составляла его право, то конечно, возможно предположить и отказъ отъ него. И дѣйствительно, какое дѣло обществу до того, примирялся ли обиженный съ обидчикомъ или же нѣтъ, оно надзирало только, чтобы онъ, осуществляя свое право, не перешелъ извѣстные предѣлы. Но этотъ отказъ отъ своего права не всегда, однако, былъ возможенъ; если преступленіе нарушало исключительно частные интересы, не затрогивая общественныхъ, то конечно, обиженная сторона нисколько ни въ ущербъ обществу могла простить свою обиду.

Если мы и говоримъ, что кровная месть имѣла преимущественно обязательное значеніе для родственниковъ,—мы говоримъ справедливо. Но если мы скажемъ, что родственники убитаго всегда должны были мстить «кровь за кровь», т.-е. не могли отказаться отъ мести и простить убійцу,—это будетъ неправда.

Простой здравый смыслъ, присущій человѣку, на какой бы ступени развитія онъ не находился, указывалъ ему на различіе преступленій, а отсюда съ логическою необходимостью вытекала неодинаковость наказуемости различныхъ преступныхъ дѣйствій. Убійство и вообще всякое преступленіе злоумышленное, неосторожное и случайное, по тому же здравому смыслу, не могли быть уравниваемы по наказуемости. У Американскихъ Индѣйцевъ, при существованіи между ними мести, если убійство произошло въ пьянствѣ, или ненарочно, родственники убитаго большею частью торжественно прощаютъ убійство. Американецъ Джонъ-Теннеръ, проведшій тридцать лѣтъ между дикими обитателями Америки, сообщаетъ между прочимъ слѣдующій случай. Одинъ молодой Индѣецъ въ пьяномъ видѣ убилъ другаго Индѣйца, освѣдомившись на другой день кого онъ убилъ, Индѣецъ собралъ значительные подарки и предложивъ ихъ родственникамъ убитаго, сказалъ имъ: «друзья мои! вы видите, что я убилъ вашего брата, но я и самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ и я съ нимъ видѣлся дружелюбно, но въ пьянствѣ я обезумѣлъ,—и жизнь моя вамъ принадлежитъ». Родствен-

ники убитаго, войдя въ положеніе неумышленнаго убійцы, отказались отъ кровной мести. *)

Другое дѣло, когда преступленіе, хотя и нарушало частныя права, но отъ него былъ вредъ всему обществу, опасность для всего общества: въ этихъ случаяхъ едва ли отказъ отъ своего права былъ возможенъ и право принимало характеръ обязанности. Такимъ образомъ, когда правонарушеніе имѣло преимущественно гражданскій характеръ, то обиженной сторонѣ предоставлялось полное право взыскать или не взыскать свою обиду; когда же правонарушеніе имѣло преимущественно характеръ общественный, то обиженная сторона имѣла обязательное право наказать его. Въ первомъ случаѣ, частное лицо являлось гражданскимъ истцомъ; во второмъ, публичнымъ обвинителемъ и органомъ народной юстиціи. Впослѣдствіи это различіе между правомъ мести обязательнымъ и необязательнымъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ юридическаго быта, съ появленіемъ суррогата мести, не встрѣчается уже въ народной жизни, что мы и видимъ въ древне-русскомъ правѣ по Рус. Правдѣ. Но и въ то время, когда въ народной жизни обычай мести началъ терять свою силу и свое господство, отказъ отъ мщенія продолжалъ нерѣдко ограничиваться въ пользу всего общества. Приведемъ по этому поводу замѣчательное мнѣніе Токвиля о существѣ общины: «У народовъ», говоритъ онъ, «гдѣ господствуетъ догмъ народной власти, каждый индивидуумъ представляетъ собою равную частицу этой власти и каждый въ равной мѣрѣ участвуетъ въ управленіи».

Каждый индувидуумъ считается слѣдовательно такимъ же, какъ и всѣ другіе, ему подобные.

Что же обязываетъ его повиноваться обществу и до какихъ границъ простирается это повиновеніе?

Онъ повинуется обществу не потому, что менѣе другихъ способенъ управлять собою, но потому что находитъ полезнымъ союзъ съ себѣ подобными, по сознанію, что этотъ

---

*) Memoires, trad. de Blosseville, II.

союзъ не можетъ существовать безъ власти регулирующей. Во всемъ томъ, что относится ко взаимнымъ обязанностямъ гражданъ, они подчинены обществу; во всемъ же, что относится къ каждому гражданину лично, онъ полновластный распорядитель: онъ свободенъ и только одному Богу отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; отсюда вытекаетъ то положеніе, что каждый индивидуумъ есть лучшій и единственный судья въ дѣлахъ, касающихся его личныхъ интересовъ, и что общество не вправѣ руководить его дѣйствіями, если они не нарушаютъ спокойствія этого общества». *)

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы не допустить безграничность мести. Какъ собственно непосредственная месть, такъ месть родственная и сторонніхъ лицъ, въ силу общественнаго обычая, признававшаго за непосредственно-обиженнымъ или за лицами, находившимися съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, право отмщенія,—не могли быть безграничными и были правомѣрны.

Что касается до общинной мести, то какъ я уже замѣтилъ, преждніе изслѣдователи по исторіи русскаго уголовнаго права не только не считали ее правомѣрной, но даже вовсе не считали ея за самостоятельную форму первобытнаго наказанія. А между тѣмъ проявленія общинной мести выражались довольно замѣтно и опредѣленно и такъ были часты, что трудно было не замѣтить ихъ, а замѣчая не придать этимъ проявленіямъ значенія уголовной власти народа. Общинная месть, это именно первобытное, непосредственное выраженіе уголовной власти народа. Въ историческомъ развитіи формъ мести, общинная была такъ крѣпка и живуча, что тогда какъ другія, первобытныя формы наказанія съ одной стороны силою жизни, съ другой властью князей, утратили наконецъ все свое значеніе, общинная месть долго продолжала свое существованіе, переходя впослѣдствіи въ вѣчевую расправу. Общинная месть, по справедливости можетъ быть названа корнемъ позднѣйшей вѣчевой расправы

*) Демократія въ Америкѣ пер. Якубовича 1860 г. I, 77, 78 стр.

суда и наказанія цѣлымъ вѣчемъ. И странно, какъ замѣчая судебно-вѣчевую расправу народа въ областно-вѣчевой періодъ, изслѣдователи не старались объяснить ея происхожденіе и обходили этотъ вопросъ молча. Судебно-вѣчевая расправа это таже непосредственно-народная месть прежняго времени, только съ большею опредѣленностью въ средствахъ, вотъ почему, говоря выше объ общественной мести, я отнесъ къ ней и вѣчевую расправу, потому что указать переходный моментъ отъ общественной мести къ вѣчевой расправѣ также невозможно, какъ указать опредѣленный моментъ перехода отъ юности къ зрѣлости, въ какомъ-нибудь живомъ организмѣ, въ какомъ-нибудь индивидуумѣ. По этому, не раздѣляя между собою и ту и другую, можно разсматривать ихъ вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, какъ проявленіе одной и той же развивавшейся идеи. Такъ что если и допускать различіе ихъ между собою, то можно сказать, что главное отличіе общинной мести отъ вѣчевой расправы состояло въ томъ, что первая была нѣсколько смутнымъ и менѣе опредѣленнымъ проявленіемъ карательной власти народа, вторая же, какъ дальнѣйшее развитіе первой, представлялась болѣе сознательно опредѣленной. Сущность же и отличіе общинной мести отъ всѣхъ другихъ формъ первобытнаго юридическаго наказанія состояла въ томъ, что за исключеніемъ общинной, во всѣхъ остальныхъ исполнителемъ наказанія, мстителемъ являлось физическое лицо—индивидуумъ, при общинной же мести местникомъ нерѣдко становилось цѣлое общество. При томъ, первоначально, когда народонаселеніе городовъ, селъ и деревень было незначительно общинная месть довольно часто осуществлялась почти буквально цѣлой общинной; въ реакціи преступленію каждый членъ общины принималъ одинаковое участіе наравнѣ съ другими. Очень часто чрезвычайная опасность отъ преступленія для цѣлаго общества и другія побудительныя причины вооружали противъ преступника поголовно цѣлое общество, которое, собравшись толпою, подвергало его извѣстному наказанію: или лишало его жизни, или конфисковало его имущество, или же изгоняло его изъ своей общины.

Какъ нельзя рѣзче и яснѣе это непосредственное наказываніе преступника цѣлымъ обществомъ высказалось въ областно-вѣчевой періодъ, когда на призывъ жалобщика сходилось цѣлое общество и, выслушавъ жалобу, цѣлымъ вѣчемъ постановляло и приводило въ исполненіе приговоръ. Такъ было большею частью, но иногда общество не непосредственно являлось мстителемъ, а уполномочивало, „по вѣчевому приговору", кого-нибудь изъ своихъ членовъ привести въ исполненіе постановленное. Такимъ образомъ можно сказать, что двѣ главныя, отличительныя черты составляли принадлежность общинной мести: общинная месть падала на преступника, нарушившаго преимущественно общественные интересы, приговоръ общества о наказаніи приводился въ исполненіе иногда цѣлою общиною.

Глядя съ этой точки зрѣнія на общественную месть, нельзя не видѣть въ ней полнаго проявленія уголовно-карательной власти народа въ первобытной, неопредѣленной формѣ. Но какъ не неопредѣленна была эта форма, все-таки нельзя не замѣтить, что проявленіе этой власти народа выражалось въ извѣстныхъ, постоянныхъ и обычныхъ средствахъ наказанія: лишенія жизни, изгнанія изъ общества и лишенія имущества. Эта-то постоянность и однообразность средствъ наказанія указываетъ на выработавшійся въ общественной жизни обычай при извѣстныхъ случахъ поступать такъ, а не иначе, и не переступать обычая. „Обычай не клѣтка-не переставишь", говоритъ древняя пословица и этой пословицы строго держалась жизнь того времени въ своихъ разнообразныхъ условіяхъ. Обычаемъ установились извѣстныя наказанія за извѣстныя дѣйствія, обычаемъ же опредѣлялись ихъ средства и мѣра. Общество не могло быть и не было безразлично ко всевозможнымъ правонарушеніямъ; одни его затрогивали больше, чѣмъ другія, одни были болѣе тяжкими, другія менѣе, слѣдовательно, однихъ преступленій общество болѣе опасалось, чѣмъ другихъ. И по естественному порядку вещей тяжкія и преимущественно опасныя для общества преступленія вызывали противъ себя и реакцію въ сильной степени. Чѣмъ тяжелѣе и опаснѣе было преступленіе для общества,

тѣмъ скорѣе и сильнѣе была реакція противъ преступника, тѣмъ жесточе было средство наказанія, тѣмъ выше была его мѣра. Одни преступленія до того были противны общественному спокойствію, до того были опасны на будущее время, что общество избирало для наказанія самое сильное средство, лишеніе жизни преступника. Смертная казнь въ различныхъ видахъ полагалась за противуобщественныя преступленія въ тѣсномъ смыслѣ, тѣ что обыкновенно называются въ настоящее время государственными (delicta publica), крамола, перевѣтъ и нѣкоторыя другія. Или же общество лишало преступника земскаго мира, объявляло его безправымъ и изгоняло изъ общины въ періодъ до призванія князей, или выдавало князю „на потокъ“ въ княжескій періодъ. Это изгнаніе преступника изъ общины, или впослѣдствіи выдача его князю, назначалось преимущественно за разбой, поджигательство, конокрадство и нѣкоторыя другія преступленія, нерѣдко соединяясь съ другимъ средствомъ наказанія— разграбленіемъ, которое употреблялось, впрочемъ, иногда и самостоятельно, въ смыслѣ полнаго, или неполнаго лишенія преступника имущества.

Вотъ три главныя средства уголовно-карательной власти народа въ древній періодъ нашего права. Къ этимъ тремъ средствамъ общественной мести—смертной казни, изгнанію изъ общины и разграбленію могутъ быть сведены всевозможныя ея проявленія въ различныхъ видоизмѣненіяхъ.

Изъ сказаннаго легко видѣть, что общественная месть, также такъ и другія ея формы, была правомѣрнымъ проявленіемъ идеи юридическаго наказанія. Но съ другой стороны, встрѣчая нерѣдко общественныя казни совершенно невинныхъ, вслѣдствіе народнаго гнѣва и другихъ обстоятельствъ, нельзя не сказать, что общественная месть имѣла болѣе произвольный характеръ, чѣмъ частная и родственная месть. Произвольность эта объясняется тѣмъ, что какъ составныя единицы цѣлаго, и родъ, и семья, и непосредственно-обиженный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ необходимо должны были подчиняться общинѣ, которая всегда имѣла надъ своими членами строгій, постоянный надзоръ. Такое есте-

ственно необходимое подчиненіе частныхъ волей волѣ общей, цѣлому обществу имѣло своимъ слѣдствіемъ болѣе или менѣе постоянную правильность и сообразность всѣхъ дѣйствій частныхъ лицъ съ общественнымъ обычаемъ, всякое произвольное уклоненіе отъ котораго строго наказывалось. Надъ частнымъ лицомъ судьей было общество, но надъ цѣлымъ обществомъ не было судьи—„міръ судитъ Богъ," говоритъ пословица. Вотъ эта-то безотвѣтственность цѣлаго общества и безапелляціонность его приговоровъ и были главными причинами произвольности общинной мести передъ самоуправствомъ и родственной местью. Такъ по крайней мѣрѣ было до призванія князей, но общинная месть слишкомъ долгое время существовала и по призваніи ихъ, спрашивается: имѣла ли въ это время общинная месть самостоятельное, правомѣрное значеніе, не уничтожало ли это значеніе судъ и расправа княжеской власти?

Рѣшеніе этого вопроса приводитъ къ разсмотрѣнію первоначальнаго отношенія княжеской власти къ общинѣ, про которое мы и скажемъ теперь нѣсколько словъ. Славянскія племена передъ 862 г. выступаютъ на сцену исторіи взаимно-особными и враждебными другъ другу организмами. Каждое изъ племенъ жило своей особой жизнію, „по закону отецъ своихъ," постоянно враждовало съ сосѣдними племенами и было раздираемо кромѣ того непрерывными внутренними усобицами, замолкавшими только по временамъ при отраженіи общими силами общей опасности. Эти внутриплеменныя усобицы, происходившія отъ распрей племенныхъ общинъ, составныхъ частей одного цѣлаго и были слѣдствіемъ призванія князей. Общины сами въ себѣ володѣли, но володѣя такъ они не могли умириться не внутри себя самихъ, а въ внѣшнихъ отношеніяхъ между собою, имъ нужно было опредѣленія этихъ отношеній, имъ нужно было посредника въ междуобщинныхъ распряхъ. И вотъ, понявъ необходимость объединенія интересовъ цѣлаго племени, вѣчевымъ приговоромъ было рѣшено пригласить къ себѣ княжескую власть, которая бы володѣла и судила славянами по праву.

Призванная такимъ образомъ княжеская власть на первыхъ порахъ является только умирителемъ междуобщинныхъ усобицъ и внѣшнимъ оберегателемъ интересовъ племени. Княжеская власть становится рѣшителемъ споровъ между членами различныхъ общинъ и наказываетъ такимъ же образомъ преступленія, совершенныя членомъ одной надъ членомъ другой.

Но несмотря на уничтоженіе авторитетомъ княжеской власти междуобщинныхъ распрей и видимое объединеніе племенныхъ общинъ,—общины долгое время не могли слиться въ одно стройное, политическое цѣлое и не скоро могли разстаться съ своимъ внутреннимъ распорядкомъ, къ важнѣйшимъ функціямъ котораго принадлежала общественная месть. Внутренняя жизнь общинъ по этому съ призванія князей, шла съ немногими измѣненіями, тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ и прежде. Княжеской власти оставалось только въ интересѣ цѣлаго племени опредѣленнѣе формулировать обычай юридическаго быта и возводить ихъ въ законъ положительный. Княжеская власть не могла не уничтожить старые обычаи, господствовавшіе въ юридическомъ быту того времени, не издать новые законы, несогласные съ понятіями народа. Это отчасти доказывается, напр., первою статьею Рус. Правды, въ которой устанавливается родственное отмщеніе. Статью эту едвали есть возможность признать за личное распоряженіе законодателя по его соображеніямъ, это обычай, возведенный въ положительный законт, но возведенный потому, что содержимое въ немъ правило господствовало въ юридическомъ быту того времени. Не выдумалъ же какой-нибудь изъ князей это узаконеніе, а напротивъ, видя этотъ обычай господствующимъ въ народной жизни, русскіе князья не могли не признать его силы и только тогда его уничтожили, когда онъ сталъ постепенно терять свое значеніе. Вся задача первыхъ русскихъ князей въ отношеніи къ законодательству состояла въ болѣе точномъ опредѣленіи и возведеніи въ форму закона юридическихъ обычаевъ общинъ, въ обобщеніи этихъ обычаевъ и въ приданіи имъ равнообязательной силы для всѣхъ общинъ, а также въ

смягченіи ихъ суровости. Обычно-народная жизнь такимъ образомъ шла по старому, княжеская власть не явилась съ новымъ законодательствомъ для этой жизни и не уничтожила основныхъ началъ первичнаго юридическаго быта. Что касается собственно до княжеской расправы, то и княжеская расправа не слишкомъ была распространена въ народной жизни, по крайней мѣрѣ первоначально.

Однако князь, какъ власть призванная самими общинами, необходимо долженъ былъ стать верховнымъ судьею надъ всѣми ими, а потому общины и не могли не признать право княжескаго суда и расправы. Но признавая это право, вмѣстѣ съ тѣмъ общины не могли допустить, чтобы оно было абсолютнымъ. Онѣ зорко слѣдили за княжеской расправой и не давали ей долгое время уклоняться отъ ихъ коренныхъ обычаевъ и дѣлаться произвольной. Вотъ почему общины въ первичное время постоянно напоминали князю и его органамъ въ отправленіи суда, чтобы судъ княжій былъ «по обычаю, по пошлинѣ,» чтобы князь «суженаго, ряженаго не посужалъ». Если князь не дѣйствовалъ самовластно, если онъ, наказывая преступника поступалъ по правдѣ, по обычаю, общины не противились ему и охотно выдавали преступника на княжій судъ. Такое гармоническое сліяніе обычая общинъ съ правомъ княжесиой власти наказывать преступниковъ мы видимъ въ выдачѣ князю на потокъ. Но, если князь произвольно нарушалъ общественные обычаи, если его судъ не былъ судомъ по правдѣ, общины выражали свое неудовольствіе рѣзко и ясно. Общины заступались за несправедливо обвиняемаго и не выдавали его на месть князя, мало того, онѣ отказывались даже иногда отъ совершеннаго признанія его власти. «Не можемъ терпѣть твоего насилія», говоритъ народъ князю въ случаѣ его произвольничества, и онъ, или долженъ былъ согласиться съ народомъ и дать клятвенное обѣщаніе впредь не дѣлать никакихъ «накостей», или же безпрекословно удалиться, какъ это часто встрѣчается въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ новгородскихъ общинахъ, гдѣ общинная связь была и крѣпче и тѣснѣе, въ теченіи одного XII ст. смѣнено около пятидесяти князей. Об-

щины, какъ только новый князь садился на столъ, договаривались съ нимъ, чтобы онъ судилъ ихъ вправду, по крестному цѣлованію. Кіевляне, разсказываетъ лѣтописецъ, своему князю Святославу говорили: «Аще кому насъ будетъ обида, то ты правь. Святославъ же ссѣдъ съ коня и на томъ цѣлова съ нимъ крестъ на вѣчи». *) Это клятвенное обѣщаніе, или присяга, даваемая княземъ народу, фактъ историческій, встрѣчающійся до XV ст. очень часто. Основываясь на этомъ клятвенномъ обѣщаніи, народъ, отъ каждаго почти избраннаго князя, требовалъ «ряду нашего не посужати».

Народъ не отказывался отъ признанія правъ княжеской власти, ни отъ платежа даней и пеней въ пользу князя, однимъ словомъ, не отказывался отъ его суда и наказанія, но онъ требовалъ, чтобы судъ и наказанія его не были произвольными. Такимъ образомъ, княжеская власть уряживаясь съ общинами не нарушать ихъ обычаевъ долгое время не могла уничтожить общинной мести и волей-неволей должна была признавать ея обычное значеніе.

Судебная власть князя въ отношеніи общинъ осуществлялась чрезъ его чиновниковъ—тіуновъ, вирниковъ, и др. Судъ князя въ древнее время носилъ преимущественно фискальный характеръ и общины имѣли право откупаться отъ него. Такъ, если община не хотѣла выдать преступника на княжій судъ, она имѣла право платить за него пеню князю, если находила преступника достойнымъ сожалѣнія, или же только приплачиваться къ его пени, или же наконецъ, если не было никакихъ данныхъ въ пользу преступника,—предоставить его собственнымъ средствамъ, или даже, отказаться вовсе отъ него и выдать его князю. Отъ общины такимъ образомъ зависѣло признать преступника подлежащимъ такому-то наказанію, или нѣтъ, выдать его князю, или оставить у себя въ общинѣ. Судъ общины, какъ видно, существовалъ рядомъ съ судомъ князя. Но княжескіе чиновники имѣли задачею преимущественно собираніе судныхъ пеней и пошлинъ, а пото-

*) П. С. Л.

му, покрайней мѣрѣ первоначально, они не были органами суда въ общественномъ смыслѣ, а скорѣе исполнителями уголовнаго приговора княжеской власти.

Какъ первые русскіе князья не могли въ скоромъ времени уничтожить обычай родственной мести, какъ князь Владиміръ не могъ ввести, по наущенію греческаго духовенства, новыя, несродныя народу наказанія, точно также князья не скоро могли уничтожить обычай общественной мести, тѣмъ болѣе, что этотъ обычай былъ слишкомъ крѣпокъ и живучъ. Изъ многихъ лѣтописныхъ фактовъ видно, какъ я уже замѣтилъ, что общественная месть существовала совмѣстно съ княжеской и не была исключаема ею, какъ и сама не исключала ея. Но замѣтимъ, однако, что, существуя рядомъ съ княжеской расправой, общинная расправа уже не представляется съ такимъ значеніемъ, какъ прежде, княжеская расправа ограничиваетъ послѣднюю. Мало по малу, съ большимъ объединеніемъ общинъ, съ усиленіемъ княжеской власти увеличивается и кругъ судебной дѣятельности князя и постепенно ограничивается кругъ судебной дѣятельности общинъ. Общественная месть, такимъ образомъ, продолжая существовать совмѣстно съ княжеской, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивается и наконецъ теряетъ всю свою силу и правомѣрность, сохраняя и ту и другую какъ исключеніе въ немногихъ общинахъ.

Главныхъ причинъ ограниченія и постепеннаго уничтоженія общинной мести было три:

Во первыхъ, постепенное объединеніе всѣхъ общинъ: судъ общины, какъ что-то замкнутое, самостоятельное, съ призваніемъ князей постепенно теряетъ свое прежнее значеніе; правды каждой общины сливаются съ призваніемъ князей въ одну общую русскую, какъ и сами общины и племена сливаются въ землю русскую.

Второй причиною къ уничтоженію общинной мести былъ судъ князя: судъ и расправа его стали существовать совмѣстно съ судомъ общиннымъ и сдѣлались для всѣхъ признавшихъ его власть—судомъ общинъ, къ которому всякій могъ обратиться и отступиться стало быть отъ суда своей общины.

Наконецъ третьей причиною былъ судъ духовенства: съ принятіемъ христіанства образовался для множества дѣлъ, прежде бывшихъвъ рукахъ общинъ, общій судъ духовенства, какъ и княжескій, сильно ограничивавшій судебную дѣятельность общинъ.

Эти три главныя причины, въ связи съ другими обстоятельствами и уничтожили постепенно своимъ вліяніемъ уголовно-судебную и карательную власть народа, какъ его право. И общественная месть, существовавшая de jure въ началѣ, по призваніи князей, остается въ послѣдствіи съ этимъ значеніемъ въ очень немногихъ мѣстностяхъ *) въ остальныхъ же если и продолжала существовать, то de facto.

Княжій судъ, ставшій рядомъ съ судомъ общественнымъ, носилъ, какъ уже было замѣчено, преимущественно фискальный характеръ; за совершеніе преступленія князь получалъ денежную пеню, или съ преступника совершившаго его, или съ общины, въ которой оно совершилось. И въ томъ и въ другомъ случаѣ пени были постоянными и однообразными по количеству, почему, образуя довольно опредѣленную систему расплатъ, эти пени не являются съ такимъ неопредѣленнымъ характеромъ, какъ месть, а потому и не подходятъ подъ рубрику настоящаго отдѣла.

Но на ряду съ денежными пенями, какъ опредѣленно постояннымъ княжескимъ наказаніемъ, существовали наказанія князя, выражавшіяся въ неопредѣленной формѣ. Такія неопредѣленныя наказанія, основавшіяся не на обычаѣ и законѣ, а на субъективномъ усмотрѣніи князя и составляли княжескую месть. Уже изъ этого опредѣленія видно, что княжеская месть противуположно обычно-народнымъ формамъ мести непосредственной, родственной и общественной, противуположно также наказаніямъ князя, основаннымъ на законѣ, или обычаѣ, вытекая изъ его личнаго усмотрѣнія, какъ выраженіе личнаго произвола, не ограничивалась ни

*) Общественная месть, въ смыслѣ вѣчевой расправы съ правовымъ характеромъ, почти до XVI ст. продолжала существовать исключительно въ областяхъ Новгородской и Псковской. См. П. С. Л. Новг. и Псков. лѣт.

чѣмъ въ выборѣ средствъ и мѣры наказанія. Княжеская месть по этому не была объективно правомѣрной. Подвергавшійся княжеской мести большею частію былъ «безъ вины виноватъ», что ясно видно изъ разсказа лѣтописей о Твердиславѣ и многихъ другихъ: общественной же мести если и подвергались мнимые виновники, такъ это было преимущественно въ случаяхъ чрезвычайныхъ, исключительныхъ. Произвольность общественной мести происходила преимущественно отъ невольнаго смѣшенія невинныхъ съ дѣйствительно виновными, произвольность княжеской мести основывалась на произвольномъ, личномъ взглядѣ на безвиннаго, какъ на виновнаго. Всѣ формы обычно-народной мести, какъ основывавшіяся и въ мѣрѣ и въ средствахъ на обычаѣ были по этому объективно-правомѣрными, княжеская месть была правомъ, но какъ основывавшаяся и въ мѣрѣ и средствахъ большею частію на субъективной волѣ князя можетъ быть названа по этому только субъективно-правомѣрной. Въ послѣдствіи, съ развитіемъ абсолютности княжеской, власти мы видимъ другое.

Усиленіе княжеской власти, какъ уже было замѣчено, шло въ ущербъ развитію общинъ: чѣмъ болѣе усиливалась княжеская власть, тѣмъ болѣе принимали характеръ законности всевозможныя проявленія, въ томъ числѣ и месть и тѣмъ слабѣе становилась уголовная обычно-народная власть и теряла свою законность общественная месть. Первоначально, можно сказать, существуя болѣе фактически, рядомъ съ общественной местью, съ дальнѣйшимъ развитіемъ своей абсолютности, княжеская месть принимаетъ положительное, юридическое значеніе и тогда, какъ общественная месть на оборотъ, изъ состоянія юридическаго постепенно переходитъ въ фактическое, и мало-по-малу, уничтожаясь княжеской властью, по переходѣ въ вѣчевую расправу, вскорѣ теряетъ свое правовое значеніе, княжеская месть, продолжая свое существованіе, въ періодѣ московской централизаціи, закрепляется законодательствомъ въ словѣ «опала». Изъ всего сказаннаго о мести можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

I. Месть, какъ историческо-юридическое явленіе, можно

по справедливости назвать явленіемъ общимъ всѣмъ народамъ. У всѣхъ народовъ древняго и новаго міра въ первичное время ихъ быта существовало понятіе мести, видоизмѣняемое сообразно различнымъ условіямъ ихъ общественной жизни. У древнихъ Евреевъ, Арабовъ, Скандинавовъ, Германцевъ, Славянъ и другихъ народовъ месть была первообразнымъ проявленіемъ идеи юридическаго наказанія. У многихъ народовъ новѣйшаго времени, не находящихся еще въ формѣ прочнаго государственнаго быта и не отжившихъ еще преданій прожитой жизни, у Черногорцевъ, Корсиканцевъ, нѣкоторыхъ Кавказскихъ и Индійскихъ племенъ, Киргизовъ и другихъ кочующихъ народовъ, месть существуетъ и въ настоящее время съ полнымъ юридическимъ значеніемъ.

II. У русскихъ славянъ месть существовала въ первые вѣка ихъ исторической жизни, какъ общее наказаніе за гражданскія и уголовныя правонарушенія. Эта общая идея юридическаго наказанія проявлялась въ различныхъ формахъ, смотря потому отъ кого исходила. Субъектомъ мести въ исторической послѣдовательности ея проявленія, въ народной жизни были: лицо, непосредственно потерпѣвшее правонарушеніе, родственный союзъ, какъ первобытная форма общежитія, лица находившіяся съ непосредственно обиженнымъ какъ бы въ родственныхъ, болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ и наконецъ община, какъ юридическій или гражданскій союзъ и форма быта, непосредственно слѣдовавшая за родственной. Общинная месть проявлялась или внутри самой общины, падая на ея преступныхъ членовъ, или внѣ, падая на членовъ чужихъ, враждебныхъ общинъ.

III. Внутри-общинная месть вообще проявлялась въ формѣ непосредственной мести, когда исходила отъ непосредственно потерпѣвшаго правонарушеніе, или въ формѣ посредственной, когда или родственники отмщали убійство родича (blutrache), или обиду его, или когда лица близкія къ нему почему либо мстили за него, или же когда цѣлая община становилась местникомъ. Эта внутриобщинная месть вообще, выражавшаяся въ разнообразныхъ формахъ, служила первообразнымъ, обычно-народнымъ проявленіемъ идеи юридическаго наказанія древняго времени.

Составляя опредѣленное обычаемъ право извѣстнаго субъекта, употребляясь однообразно и большею частію при извѣстныхъ случаяхъ, постоянно въ извѣстной мѣрѣ и извѣстными средствами,—эта месть была преимущественно объективно-правомѣрной.

IV. Междуобщинная месть направлялась отъ членовъ одной общины на членовъ другой, не находившейся съ первою въ мирныхъ отношеніяхъ. Существуя въ до Рюриковскій періодъ особно и постоянно враждуя межъ собою, общины не признавали одна за другой никакихъ правъ. По этому преступленіе, совершенное надъ членомъ чужой, враждебной общины, не считалось преступленіемъ въ глазахъ совершившей, а для потерпѣвшей его не существовало никакой мѣры и ограниченія въ наказаніи за него. Междуобщинная месть по этому, основываясь на силѣ, а не на правѣ, представляется съ характеромъ войны, а не юридическаго наказанія, а слѣдовательно эта месть не имѣла никакого правоваго значенія.

V. Призваніе князей, имѣвшее главною цѣлью объединеніе враждовавшихъ общинъ, уничтожило собою междуобщинную месть; внутри-общинная, выражаясь преимущественно въ формѣ общественной мести, продолжала существовать и по призваніи ихъ. Впослѣдствіи, перейдя въ вѣчевую расправу, она постепенно начинаетъ терять свое юридическое значеніе подъ вліяніемъ главнымъ образомъ развитія и усиленія государственной власти.

Призванные князья, въ силу призванія для суда и володѣнья, по праву должны была стать верховными судьями для всѣхъ, признававшихъ княжескую власть ихъ. Судъ и расправа ихъ стали основываться или на обычаѣ народа, или на собственномъ ихъ соображеніи.

Послѣднее основаніе произвело новую форму мести—княжескую, которая, какъ выраженіе личнаго произвола, и въ средствахъ и мѣрѣ была совершенно неопредѣленна и, неимѣя никакихъ объективныхъ основъ, была по этому преимущественно субъективно-правомѣрной.

А. А. Суховъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПРІЮТЪ МАЛОЛѢТНИХЪ

УСТРОЕННЫЙ

обществомъ распространенія полезныхъ книгъ

въ Москвѣ.

Въ 1864 году московское общество распространенія полезныхъ книгъ, сверхъ своего прямаго назначенія, взялось за предпріятіе, осуществленіе котораго должно имѣть всегда благотворное вліяніе на общественную нравственность. Предположено было завести исправительную школу для малолѣтнихъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, подлежащихъ отдачѣ на поруки, или остающихся безъ пріюта по окончаніи надъ ними суда и также для праздношатающихся дѣтей, занимающихся нищенствомъ. Въ томъ же году школа эта и была открыта; она преобразившись въ пріютъ, продолжаетъ существовать до настоящаго времени, вступивъ въ 10-й годъ своей жизни. Нашъ очеркъ предложитъ читателямъ вѣрныя данныя для сужденія о пользѣ указаннаго, чисто общественнаго учрежденія. Интересно, между прочимъ, по годамъ прослѣдить всю прожитую жизнь послѣдняго. Мы увидимъ, какъ благое общественное начинаніе, въ силу своей живой и разумной цѣли, мало по малу совершенствуется; въ первую его пору могли быть, конечно, уклоненія отъ цѣли, недосмотры; они исправлялись въ силу указаній самаго опыта. Впрочемъ, вотъ краткій лѣтописный очеркъ школы—пріюта.

Для школы былъ нанятъ въ 1864 году домъ, возлѣ Симонова монастыря, принадлежащій этому монастырю, за 250 руб. въ годъ. Въ ней находилось постоянно 10 мальчиковъ; бо́льшаго количества помѣстить было невозможно за недостаткомъ помѣщенія. 21-го мая послѣдовало открытіе школы. Только одного мальчика изъ числа всѣхъ помѣщенныхъ должны были возвратить въ тюремный замокъ ради его худаго поведенія: дальнѣйшее его пребываніе въ школѣ могло принести не столько пользы ему, сколько вреда другимъ. Затѣмъ, два мальчика, значительно исправившіеся, были отправлены въ дальнія губерніи— по рѣшенію суда, а два на родину. Управленіе школою и ближайшій надзоръ за мальчиками находились въ рукахъ смотрителя; жена послѣдняго занималась хозяйствомъ; въ распоряженіи смотрителя находились два наемныхъ солдата. Обученіемъ грамотѣ и письму занимался также смотритель; всѣ мальчики, поступавшіе въ школу безграмотными, научались читать и писать, нѣкоторые весьма недурно. Закону Божію обучалъ мальчиковъ одинъ изъ симоновскихъ монаховъ. Сверхъ сего мальчики занимались переплетнымъ мастерствомъ и брошюрованіемъ общественныхъ изданій; но переплетное дѣло къ сожалѣнію шло неудовлетворительно: общественныхъ изданій для занятія мальчиковъ было недостаточно; а со стороны доставать работы оказалось труднымъ вслѣдствіе конкурренціи съ частными переплетчиками. Въ заключеніе нужно замѣтить, что считая мальчиковъ прибывавшихъ и выбывавшихъ изъ пріюта, число всѣхъ ихъ, жившихъ въ послѣднемъ, было 17. Содержаніе школы стоило обществу 1777 р. Расходъ этотъ былъ покрытъ преимущественно частными пожертвованіями; сверхъ сего заработано было по переплетному мастерству до 300 руб., да отъ концерта выручено 600 съ небольшимъ, такъ что въ приходъ на школу поступило всего 1840 р. 17 к. Замѣчательно, что въ скромныхъ размѣрахъ начатое предпріятіе общества стало привлекать къ себѣ сочувствіе со стороны *разныхъ* лицъ: кромѣ вышеуказанныхъ пожертвованій заслуживаютъ отдѣльнаго упоминанія пожертвованія московскаго купца Г. И. Иванова; онъ съ сентября даромъ снабжалъ школу мясною провизіей; кромѣ того, пожертвовалъ для школы три превосходныя иконы, евангеліе и крестъ и снабдилъ мальчиковъ теплою одеждою и обувью; посѣщенія же школы г. Ивановымъ доказывали, насколько это учрежденіе стало близко его сердцу. А вотъ и еще

примѣры сторонняго вниманія къ школѣ: вице-президентъ московскаго тюремнаго комитета кн. В. А. Оболенскій, принявъ званіе почетнаго попечителя школы по избранію общества распространенія полезныхъ книгъ, исходатайствовалъ въ январѣ 1865 г. у тюремнаго комитета пособіе школѣ въ 600 руб. съ разсрочкой этой уплаты на три года; наконецъ, письмомъ на имя предсѣдательницы общества, А. Н. Стрекаловой, членъ общества, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ сообщилъ что учрежденная обществомъ исправительная школа для малолѣтныхъ преступниковъ, по важности своего назначенія, *вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ правительства и ожидаемымъ въ непродолжительномъ времени преобразованіямъ въ нашей карательной системѣ; съ осуществленіемъ коихъ потребность въ подобныхъ заведеніяхъ сдѣлается настоятельною*; и потому г. министръ выразилъ свое полное сочувствіе къ мысли о необходимости поддержанія и расширенія дѣятельности школы. Итакъ школа начала при довольно благопріятныхъ условіяхъ выполнять свое великое назначеніе — предохранить малолѣтныхъ преступниковъ отъ дальнѣйшей порчи, дать имъ возможность честнымъ трудомъ обезпечить свое существованіе, научить работать и молиться... Заключимъ о ней словами изъ рѣчи секретаря комитета общества, М. Н. Капустина, при энергическомъ содѣйствіи котораго школа была устроена и первое время поддерживаема: она даетъ даровое обученіе и содержаніе безъ всякаго пособія со стороны правительства или земства. Кромѣ Англіи, ни одна страна не можетъ указать на подобное учрежденіе и наше общество исполнитъ свой долгъ, поддерживая школу, въ надеждѣ, что *примѣръ его не останется безъ слѣда*. Комитетъ дорожитъ тѣмъ сочувствіемъ, которое высказывается начатому имъ дѣлу *изъ далекихъ концевъ Россіи*; мы убѣждены, что пройдетъ немного времени, и это сочувствіе увеличится, и мы съ удовольствіемъ услышимъ *объ учрежденіи исправительныхъ школъ въ разныхъ частяхъ Россіи*... Всякому истинному москвичу дорого то, что Москва первая указала въ благомъ учрежденіи пріюта примѣръ для всей Россіи.

Въ слѣдующемъ, 1865-мъ году благотворенія въ пользу школы дали возможность заключить съ Симоновымъ монастыремъ контрактъ на наемъ дома на 7 лѣтъ, съ уплатою по 125 руб. въ годъ и съ обязательствомъ передѣлать оный на счетъ общества сообразно съ потребностями; домъ и былъ передѣланъ.

Къ началу этого года находилось въ школѣ 9 мальчиковъ; въ продолженіи года прибыло 6, выбыло 5,—изъ нихъ по оставленіи школы: одинъ былъ помѣщенъ въ сиротскій домъ, одинъ былъ опредѣленъ въ ученье къ мастеру—оптику, одинъ отправленъ для водворенія на мѣсто жительства, и двое возвращены въ тюремный замокъ какъ по малой надеждѣ къ ихъ исправленію, такъ и по вредному вліянію ихъ на прочихъ. Изъ находившихся къ концу года, въ школѣ десяти мальчиковъ—двое были уже освобождены и оставались въ школѣ *по собственному желанію*. Кромѣ обученія закону Божію, грамотѣ и переплетному мастерству, они пріучались къ работамъ въ огородѣ, устроенномъ при домѣ пріюта. Что касается нравственнаго состоянія мальчиковъ, то по отзыву смотрителя пріюта, по замѣчаніямъ посѣтителей и по наблюденіямъ завѣдывавшихъ оно было весьма удовлетворительно: если случалось слышать жалобы отъ смотрителя, то это по поводу какой-либо обыкновенной шалости; не оказывалось и слѣдовъ того состоянія, въ которомъ мальчики находились при поступленіи въ школу. Доброму настроенію обжившихся въ школѣ подчинялись въ довольно скоромъ времени и вновь прибывавшіе мальчики; то печальное исключеніе, которое представляли собою два мальчика, возвращенные въ тюремный замокъ по малой надеждѣ въ ихъ исправленіи и по вредному вліянію на другихъ, произошло отъ того, что *они пробыли слишкомъ долгое время въ замкѣ въ сообществѣ со взрослыми*. Всего издержано было на школу 1919 р. 43 к. Приходъ, состоявшій изъ пожертвованій и изъ заработковъ по переплетному мастерству (282 р. 75 к.), простирался на сумму 1942 р. 43 к. Замѣтимъ, что денежныхъ пожертвованій въ болѣе крупныхъ размѣрахъ было болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году; при этомъ необходимо отмѣтить слѣдующіе отрадные факты: Ея Императорское Величество Государыня Императрица изъ собственныхъ суммъ изволила пожаловать школѣ 150 р.; Его Императорское Высочество великій князь Сергѣй Александровичъ изволилъ пожаловать 100 р.; П. Ѳ. Голицынскій, скончавшійся въ августѣ 1865 г., завѣщалъ въ пользу исправительной школы три тысячи рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ остался неприкосновеннымъ капиталомъ школы, которая обращала бы въ свою пользу лишь 150 р. процентовъ съ него (3000 въ пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка); Г. И. Ивановъ по прежнему достав-

лялъ мясо для пищи, а другой московскій купецъ С. Г. Котовъ пожертвовалъ на 50 р. сукна для одежды мальчиковъ.

Въ 1866 году въ исправительномъ пріютѣ къ маю мѣсяцу находилось 8 мальчиковъ, отъ 11-ти до 14-ти лѣтняго возраста изъ нихъ трое поступили изъ тюремнаго замка, одинъ содержался по приговору окружнаго суда, двое присланы были мировыми судьями и двое помѣщены родителями. До тѣхъ поръ мальчики поступали почти исключительно изъ тюремнаго замка, по распоряженію попечителя пріюта, бывшаго московскаго гражданскаго губернатора кн. В. А. Оболенскаго; теперь пріютъ началъ становиться исправительнымъ заведеніемъ для малолѣтнихъ, преимущественно обвиняемыхъ мировыми судьями и окружнымъ судомъ. Такая перемѣна явилась необходимымъ слѣдствіемъ судебной реформы и должна была вызвать особенныя мѣры, согласныя съ поступленіемъ малолѣтнихъ въ пріютъ *на опредѣленный срокъ*. Въ лѣтописи существованія пріюта за слѣдующій годъ будетъ указано, какой порядокъ сложился въ пріютѣ, благодаря введенію необходимыхъ мѣръ. Теперь же замѣтимъ, что приходъ школы за этотъ годъ простирался до 1567 р. 47 к. Сумма – меньшая, чѣмъ была въ прошломъ году; особливо бросается въ глаза меньшее число денежныхъ пожертвованій, если мы вычтемъ изъ этой суммы 738 р. 47 к., заработанныхъ школою и свидѣтельствующихъ, что переплетное дѣло пошло въ ней гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Расходъ же на содержаніе школы состоялъ изъ 1409 р. 86 к. Завѣдывавшіе школою жаловались, что средства не позволяли имъ расширить это учрежденіе, существованіе котораго признано полезнымъ; но они при этомъ замѣчали: надо надѣяться впрочемъ, что придетъ время, когда и наша школа обратитъ на себя вниманіе благотворителей....

Въ февралѣ 1868 года былъ утвержденъ «уставъ исправительнаго пріюта» общества; пріютъ получилъ значеніе юридическаго лица съ опредѣленными правами и обязанностями. Благодаря этому событію, секретарь общества, М. Н. Капустинъ, счелъ необходимымъ составить записку болѣе обстоятельную, о пріютѣ за время его жизни съ 1-го апрѣля 1867 года по 1-е апрѣля 1868 года; пользуясь этою запиской, мы можемъ ознакомить читателей съ подробностями внутренней жизни пріюта, какъ она сложилась по введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ Москвѣ; пока не вошелъ въ силу новый порядокъ

суда, пріютъ принималъ малолѣтнихъ изъ тюремнаго замка и по просьбѣ родителей въ ожиданіи иной дѣятельности, что частію было указано выше въ настоящемъ очеркѣ. Между тѣмъ, 5 декабря 1866 года Высочайше утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта, въ 1-мъ пунктѣ котораго сказано: «независимо отъ учреждаемыхъ правительствомъ пріютовъ для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ туда по судебнымъ приговорамъ, къ учрежденію такихъ богоугодныхъ и общеполезныхъ заведеній призываются также *земство, общества и духовныя установленія, равно какъ и частныя лица*». Пріютъ же московскій былъ учрежденъ въ видѣ опыта, въ маѣ 1864 г., чисто по общественной иниціативѣ. Въ самыхъ общихъ чертахъ вотъ устройство пріюта по проекту, утвержденному министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ февралѣ 1868 года: 1) пріютъ существенно отличается отъ прочихъ подобныхъ учрежденій, возникавшихъ съ той поры, тѣмъ, что не ограничиваетъ своего вліянія на содержащихся въ немъ только временемъ этого содержанія; поступленіе въ заведеніе имѣетъ болѣе общее вліяніе на всю послѣдующую судьбу мальчика: по окончаніи срочнаго заключенія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, *безпріютные* остаются въ стѣнахъ заведенія и потомъ находятся подъ надзоромъ общества въ теченіи трехъ лѣтъ; такимъ образомъ общество, связанное съ пріютомъ нравственно *имѣетъ значеніе тѣхъ покровительственныхъ обществъ, польза которыхъ сознается за границею повсюду, гдѣ вводится система условнаго освобожденія*. Затѣмъ, 2) въ пріютъ поступаютъ приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ только *на срокъ свыше трехъ мѣсяцевъ*: всѣ подвергающіеся аресту на болѣе краткій срокъ помѣщаются въ арестантскомъ домѣ; такимъ продолжительнымъ заключеніемъ объясняется невозможность примѣнить вполнѣ систему одиночнаго содержанія; завѣдывающіе пріютомъ говорятъ, что они обращаются къ ней *только въ крайнихъ случаяхъ*. Наконецъ 3) въ пріютѣ есть еще особый разрядъ воспитанниковъ, куда поступаютъ всѣ безпріютные, непомнящіе родителей и брошенные ими на произволъ судьбы. Растворить двери пріюта, по исполненіи судебнаго приговора, часто бываетъ болѣе жестокимъ, чѣмъ продолжить заключеніе; растворять ихъ *такимъ* мальчикамъ выжившимъ въ пріютѣ законный срокъ, значитъ позволять обратиться имъ къ прежнему образу жизни и коснѣть въ хроническомъ преступленіи; тогда самый пріютъ

превратился бы во временную станцію или мѣсто отдыха въ этой не твердой жизни, которая слагается подъ вліяніемъ дурныхъ наклонностей, нищеты и отсутствія всякой власти надъ ребенкомъ...

За весь вышеуказанный годъ перебывало въ пріютѣ 10 мальчиковъ такихъ, которые обыкновенно подвергаются заключенію на опредѣленный срокъ въ видѣ наказанія; такимъ образомъ, пріютъ для мальчиковъ *заключенныхъ* въ него по приговору суда и несущихъ кару за противозаконные поступки, служилъ *карательнымъ* учрежденіемъ; забота пріюта состояла въ томъ, чтобы возбудить въ малолѣтнихъ сознаніе о заслуженномъ наказаніи и вызвать уваженіе къ закону, и нужно замѣтить, что такое исправительное наказаніе, какъ заключеніе, прилагаемое ко всѣмъ одинаково, мало чѣмъ отличало пріютъ отъ арестантскаго дома; по истеченіи срока, означеннаго въ судебномъ приговорѣ, пріютъ возвращалъ дѣтей благонадежнымъ родителямъ или родственникамъ, передавая этимъ лицамъ заботу о дальнѣйшемъ исправленіи мальчиковъ; изъ числа помянутыхъ 10-ти мальчиковъ—4 отданы родителямъ, 4 еще не окончили срока заключенія, а двое были переведены *во второй разрядъ* воспитанниковъ.

Въ этомъ второмъ разрядѣ находилось, въ указанномъ году, 13 мальчиковъ: двое были переданы изъ тюремнаго замка, двое поступили отъ военнаго слѣдователя, двое отъ родителей, двое отъ мироваго судьи, одинъ по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, одинъ отъ г. московскаго генералъ губернатора, одинъ отъ г. московскаго гражданскаго губернатора и двое, о которыхъ только что было сказано, какъ *о переведенныхъ*. Всѣ эти мальчики находились во второмъ разрядѣ тоже какъ исправляемые, но они состояли изъ находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, далѣе—изъ тѣхъ, которые по окончаніи срока наказанія, безъ пріюта, должны бы остаться безъ надзора и помощи и наконецъ—изъ переданныхъ въ пріютъ административными властями. Судебное мѣсто могло напр. оправдать малолѣтняго, потому что онъ не совершилъ ничего, прямо запрещеннаго закономъ, а между тѣмъ мальчикъ находился на такой степени нравственной порчи, что при невмѣняемости юридической необходимо было принять относительно его мѣры предупрежденія. Сверхъ того, нерѣдко административныя лица находили нужнымъ передать въ распоряженіе пріюта безпріют-

ныхъ мальчиковъ, или судебные слѣдователи—ввѣрять пріюту тѣхъ малолѣтнихъ, надъ которыми производилось слѣдствіе; также родители могли поручать своихъ дѣтей пріюту при недѣйствительности домашнихъ мѣръ исправленія; наконецъ пріютъ, по окончаніи наказанія, не имѣя кому передать дѣтей, оставлялъ ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрялся въ возможности предоставить имъ свободу. Вотъ изъ какихъ мальчиковъ составляемъ былъ второй разрядъ призрѣваемыхъ въ пріютѣ.

Третій разрядъ составляли находящіеся подъ надзоромъ пріюта. Завѣдовавшіе пріютомъ опирались въ установленіи этого разряда, между прочимъ, на справедливое замѣчаніе г. министра внутреннихъ дѣлъ: „нельзя оставить безъ вниманія, что кромѣ сиротъ, нуждающихся въ надзорѣ и руководствѣ въ первые годы по выходѣ ихъ изъ пріюта, въ числѣ выпущенныхъ могутъ быть оставленные родителями на произволъ судьбы и они на свободѣ могутъ вновь подпасть подъ дурное вліяніе, или такіе, родители которыхъ сами впали въ преступленіе отъ дурной нравственности, и подобнымъ личностямъ было-бы опасно ввѣрить судьбу несовершеннолѣтнихъ, надъ исправленіемъ которыхъ управленіемъ пріюта были употреблены благотворительныя усилія.“ Собственно такой надзоръ былъ установленъ пріютомъ за вышедшими воспитанниками въ теченіи трехъ лѣтъ, такъ что въ этотъ періодъ времени пріютъ, въ случаѣ нужды, имѣлъ право и власть подвергнуть вышедшихъ снова исправленію. Въ означенный годъ къ третьему разряду принадлежали два мальчика; надзоръ же поручался кому либо изъ членовъ „Общества распространенія полезныхъ книгъ,“ конечно по свободному согласію этихъ членовъ принять на себя трудъ надзора.

Такимъ образомъ, по своему воспитательно-исправительному значенію пріютъ отличался отъ арестантскаго дома и тюремнаго замка: онъ соединялъ наказаніе съ воспитаніемъ и благотвореніемъ. Нельзя не отмѣтить одного указанія, сдѣланнаго въ „запискѣ,“ изъ которой мы дѣлали и всѣ вышеприведенныя извлеченія: очень затруднительно было помѣщать воспитанниковъ изъ пріюта въ ученье къ мастерамъ; большею частію малолѣтніе, поступившіе въ пріютъ не по приговорамъ судебныхъ мѣстъ (а такихъ было большинство), не имѣли никакихъ документовъ о своемъ званіи, и нужна была долгая переписка, прежде чѣмъ усилія завѣдывавшаго пріютомъ увѣнчивались

успѣхомъ. Что касается денежныхъ средствъ пріюта, они состояли исключительно изъ частныхъ пожертвованій. На первомъ мѣстѣ въ ряду жертвователей стоятъ *присяжные засѣдатели московскаго окружнаго суда*: изъ суммъ, собранныхъ ими, предсѣдатель суда, Е. Е. Люминарскій, нашелъ возможнымъ удѣлить въ распоряженіе пріюта 292 р. с. Но было собрано гг. присяжными засѣдателями денегъ болѣе означенной суммы; въ „запискѣ“ М. Н. Капустина выражено, что, „*по всему вѣроятію, имѣется въ виду на остальную сумму учрежденіе новаго пріюта. Принося глубокую благодарность за оказанное пособіе, я осмѣлился бы замѣтить, что едвали не было бы удобнѣе поддержать заведеніе уже существующее, чѣмъ создавать новое.* Нашъ пріютъ съ признательностію приметъ указаніе отъ всѣхъ интересующихся дѣломъ, тѣмъ болѣе отъ г. предсѣдателя окружнаго суда; мы проснмъ этихъ указаній, имѣя въ виду исключительно пользу дѣла, а по Высочайше утвержденному положенію мѣстныя власти имѣютъ право во всякое время осматривать пріютъ и требовать устраненія замѣченныхъ въ немъ недостатковъ; слѣдовательно, нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы нашъ пріютъ исполнялъ желаніе жертвователей“... Затѣмъ само „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ должно было, *благодаря равнодушію почти всего русскаго общества къ пріюту*, употребить на содержаніе послѣдняго 500 рублей; оно такимъ образомъ обратило всѣ свои выгоды отъ изданія книгъ на доброе дѣло и тѣмъ доказало свой благотворительный характеръ; въ нѣкоторый упрекъ русскимъ людямъ можно замѣтить, что въ числѣ жертвователей на пріютъ за означенный годъ встрѣчаются имена двухъ Англичанъ, которые знакомы съ подобными учрежденіями и со средствами ихъ содержанія. Вообще доходы пріюта, съ 1-го апрѣля 1867 г. по 1 апрѣля, 1868 г. простирались до 1,751 р., а расходы составляли, за этотъ же срокъ, 1,643 р. 60 к. (Заработано воспитанниками всего 316 р.).

До 1867 года школа общества находилась главнымъ образомъ въ завѣдываніи П. М. Хрущова; съ этого времени до половины 1870 года пріютъ получилъ преобразованіе и находился въ вѣдѣніи М. Н. Капустина, такъ что на долю послѣдняго выпало новое устройство заведенія; объ этомъ устройствѣ выше приведены извлеченія изъ „записки“ г. Капустина; съ половины 1870 года пріютъ порученъ Н. В. Рукавишникову, который энергически заботится о его внѣшнемъ и внутреннемъ благосостоя-

ніи до настоящаго времени. Расходы на содержаніе пріюта съ 1-го апрѣля 1868 года по 1-е января 1870 г. равнялись 4,830 р. 40 к., а въ приходѣ, за тотъ же срокъ, было 5,109 руб. 50 коп. Замѣтимъ, что изъ сбора съ гг. московскихъ присяжныхъ засѣдателей поступало въ пользу пріюта 300 р. въ 1868 году и столько же въ 1869 г. Кромѣ того, въ 1869 г. Московской городской думою пожертвовано въ пользу пріюта 500 руб.

За 1870 годъ мы можемъ представить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи пріюта, къ которому, какъ видно уже изъ предыдущаго очерка, судьба оказывалась то нѣсколько милостивою, то не совсѣмъ благосклонною. Во первыхъ Московская городская дума продолжала помогать пріюту, и, благодаря особенному сочувствію г. городскаго головы князя В. А. Черкасскаго, удѣлило въ пользу пріюта 800 слишнимъ рублей, затѣмъ, капиталъ пріютскій увеличился пятипроцентнымъ выигрышнымъ билетомъ 2-го внутренняго государственнаго займа, пожертвованнымъ А. Н. Стрекаловою; наконецъ пріютъ получилъ вознагражденіе за воспитанниковъ отъ воспитательнаго дома и малолѣтняго отдѣленія его и отъ родителей всего до 220 слишнимъ рублей; вообще доходы пріюта съ случайными выгодами отъ лотереи, съ пожертвованіями отъ гг. московскихъ присяжныхъ засѣдателей (242 р.), отъ частныхъ лицъ и т. д., простирались до 4246 р. 10 к., а расходы до 3,340 р. 79 к. Замѣтимъ здѣсь только, что за работы воспитанниковъ выручено всего 40 р. 45 к., хотя въ этомъ году кромѣ переплетнаго мастерства воспитанники еще занимались сапожнымъ; но пока это послѣднее занятіе доставляло обувь, шитую даромъ, воспитанникамъ же. Увеличеніе пріютскихъ расходовъ произошло въ слѣдствіе перемѣны квартиры пріюта, нѣкоторыхъ исправленій и устройствъ въ новомъ помѣщеніи (новое помѣщеніе въ Хамовникахъ было нанято по причинѣ пожара въ прежнемъ монастырскомъ домѣ), а также въ слѣдствіе увеличенія числа воспитанниковъ: пріютъ содержалъ одновременно 25 мальчиковъ, число ихъ доходило и до 27-ми. В. Д. Коншинъ помогъ тому, чтобы вышеозначенные расходы не были еще болѣе: онъ пожертвовалъ двѣ перемѣны бѣлья и платья на 25 мальчиковъ и принялъ на себя плату за обученіе мальчиковъ церковному пѣнію. Послѣднему мальчики обучались по методѣ Шеве два раза въ недѣлю; кромѣ того они обучались закону Божію, грамотѣ и ариѳметикѣ. Представляютъ интересъ слѣдующія данныя о числѣ воспитанниковъ

пріюта, свидѣтельствующія, какъ должно быть необходимо подобное учрежденіе для русскихъ лицъ различнаго положенія: въ 1870 г. содержалось въ пріютѣ 57 воспитанниковъ (конечно не одновременно); изъ нихъ: 41—за кражи, 3—за поджоги, 2—за нищенство, 3—за бродяжничество, 4—по желанію родителей, 1—изъ малолѣтняго отдѣленія воспитательнаго дома, 2 изъ воспитательнаго дома и 1 отъ московскаго генералъ-губернатора. Изъ этихъ 57-ми воспитанниковъ: 6 изъ дворянъ, 1 изъ купцовъ, 9 изъ мѣщанъ, 26 изъ крестьянъ, 9 изъ солдатскихъ дѣтей и 6 неизвѣстнаго званія. Изъ выбывшихъ 2 переданы судебнымъ слѣдователямъ, 2 поступили въ услуженіе, 3 въ частныя мастерскія заведенія, 19 взяты родственниками и 7 бѣжало; нужно замѣтить, что съ октября 1870 года нравственная жизнь въ пріютѣ наконецъ установилась такъ удовлетворительно, что побѣги прекратились, по крайней мѣрѣ до апрѣля слѣдующаго года; въ этомъ же мѣсяцѣ директоръ пріюта Н. В. Рукавишниковъ докладывалъ собранію общества что для возможныхъ успѣховъ исправленія мальчиковъ въ пріютѣ слѣдуетъ избѣгать пріема взрослыхъ мальчиковъ, ибо отдѣльно содержать этихъ взрослыхъ нѣтъ средствъ у пріюта, живя же вмѣстѣ съ дѣйствительно малолѣтними, они дурно вліяютъ разными тайными способами на послѣднихъ; во вторыхъ для прочнаго исправленія юныхъ преступниковъ слѣдуетъ, чтобы они поступали въ пріютъ не на короткій срокъ. Въ заключеніе г. Рукавишниковъ жаловался на плохія матеріальныя средства пріюта: „докладывать собранію, говорилъ онъ, о какомъ либо улучшеніи пріюта считаю неумѣстнымъ, ибо, при скудости средствъ, устройство и обзаведеніе исправительнаго пріюта такъ бѣдно и недостаточно, что *возбуждаетъ одно лишь сожалѣніе* объ этомъ. При этомъ утѣшительно то, что въ обществѣ проявляется сочувствіе къ пріюту и можно предполагать, что со временемъ, при большомъ ознакомленіи съ этимъ полезнымъ заведеніемъ, общественная благотворительность окажетъ ему воспособленіе *къ пріобрѣтенію своего дома и устройству въ немъ всего необходимаго для этого заведенія.*“

Но улучшеніе жизни, матеріальной и нравственной, пріюта постепенно появлялось благодаря прежде всего неутомимой энергіи директора этого заведенія, г. Рукавишникова. Мы видимъ, что со второй половины 1870 года въ пріютѣ появляются уже другія мастерскія кромѣ переплетной, дающія доходъ пріюту.

За 1871 годъ отъ мастерскихъ: переплетной, сапожной, столярной и портняжной—выручено пріютомъ 1,100 р. 36½ к. Изъ числа частныхъ жертвователей нужно помянуть В. Д. Коншина (664 р.), Э. Д. Нарышкина (200 р.) и А. Ф. Симонова (500 р.); всѣхъ болѣе пожертвовалъ самъ г. директоръ (2,010 р); по прежнему помогла пріюту городская дума (388 р. 66½ к.); а пожертвованія изъ московскаго окружнаго суда (отъ присяжныхъ засѣдателей) *не было*... Вообще же въ приходѣ у пріюта было, вмѣстѣ съ остаткомъ прошлаго года (1,205 р. 36½ к.), всего 8, 960 р. 90½ к. Израсходовано было 7,281 р. 15½ к. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы видимъ, что все такп пріютъ существуетъ какъ-то случайно; уменьшились пожертвованія на 1000 р. въ годъ, и это благое учрежденіе должно весьма сильно пострадать въ самыхъ основахъ своего существованія. И къ счастію пріюта, въ прошломъ, 1872 году, обнаружилось вновь усиленное и дѣятельное сочувствіе къ пріюту въ московскихъ жителяхъ; увеличивается *постоянный* доходъ пріюта, увеличивается и *случайный*, такъ что пріютъ могъ развернуть шире свою въ высшей степени благотворную дѣятельность. Постоянный доходъ увеличился на 3000 р. въ годъ, которые московская дума постановила ежегодно жертвовать пріюту, такъ что съ прежними процентами отъ пріютскаго неприкосновеннаго капитала въ 3100 р. у него теперь имѣется 3155 р. постояннаго ежегоднаго дохода. Случайный доходъ увеличился до 7000 рублей: сюда слѣдуетъ отнести пожертвованіе въ пользу пріюта со стороны В. Д. Коншина (500 р.) и К. Т. Солдатенкова (200 р.), обѣщавшихъ ежегодно жертвовать при своей жизни столько пріюту; въ числѣ единовременныхъ пожертвованій заслуживаютъ особеннаго вниманія сдѣланныя—московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ (310 р.), М. Ф. Морозовой (1000 р.), П. І. Губонинымъ (1000 р.), гг. Базилевскими (400 р.), гг. Третьяковыми (500 р.), г-жею Богомазъ (500 р.) и директоромъ пріюта Н. В. Рукавишниковымъ (2000 р.) Наконецъ, и работы въ мастерскихъ увеличиваются: этими работами за прошлый годъ получено воловаго дохода 2800 слишнимъ рублей. Всего же въ приходѣ за 1872 годъ было, съ остаткомъ слишнимъ—полутора тысячь отъ предыдущаго года, 16,807 р. 33 к., а расходъ 10,547 р. 7½ к., такъ что на 1-е января 1873 г. поступило остаткомъ денегъ 6,260 р. 25½ к. Увеличеніе денежныхъ средствъ дало возможность г. директору пріюта помѣстить на текущій счетъ въ ча-

стный банкъ 6500 р., довести постоянный комплектъ мальчиковъ до 35-ти, увеличить помѣщеніе, расширить мастерскія, увеличить число учителей, служащихъ и мастеровъ и возвысить всѣмъ имъ жалованье, что имѣло результатомъ пріобрѣтеніе служащихъ болѣе способныхъ и свѣдущихъ.

Тѣмъ не менѣе, г. Рукавишниковъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ (27 марта, 1873 г.) „Обществу распространенія полезныхъ книгъ“ жалуется, что если настоящее помѣщеніе пріюта и вдвое увеличено, то для 35 мальчиковъ оно все такп тѣсно и неудобно во всѣхъ отношеніяхъ: мастерскія очень малы и всѣ проходныя; классная комната и спальныя съ трудомъ вмѣщаютъ въ себѣ настоящій комплектъ мальчиковъ, которые и по праздникамъ за непмѣніемъ отдѣльной комнаты находятся въ мастерскихъ. Онъ говоритъ далѣе, что пособіе городской думы расходуется на квартиру и отопленіе; мастерскія же не въ состоянiи покрыть всѣхъ расходовъ на содержаніе воспитанниковъ и ихъ обученіе; такимъ образомъ *существованіе заведенія, его развитіе или умаленіе до сихъ поръ еще вполнѣ зависятъ отъ частной благотворительности, и слѣдовательно положеніе заведенія крайне шаткое.*. Между тѣмъ, число мальчиковъ, препровождаемыхъ въ пріютъ по судебнымъ приговорамъ, увеличивается; слѣдовало бы довести постоянный комплектъ ихъ въ пріютѣ до 50-ти; а такъ какъ изъ 49 мальчиковъ, содержавшихся въ пріютѣ въ 1872 г., было 7 мѣщанъ и 14 крестьянъ городовъ и уѣздовъ московской губерніи, то, по справедливому заключенію г. Рукавишникова, слѣдовало бы надѣяться, что земство московской губерніи не останется безучастнымъ къ пріюту, этому несомнѣнно полезному заведенію и не откажется съ своей стороны назначить ему пособіе по примѣру московской думы; тогда будущность заведенія была бы вполнѣ обезпечена и число воспитанниковъ могло бы быть увеличено...

Посмотримъ теперь, какіе именно мальчики были въ пріютѣ въ теченіи двухъ предыдущихъ лѣтъ: въ 1871 г. содержалось 30 за кражи, 1 за побѣги отъ хозяина и кражи, 2 за поджоги, 1 за прошеніе милостыни, 2 за карманное воровство, 1 за растрату чужаго имущества, 2 за побѣги отъ родителей, 3 изъ воспитательнаго дома, 2 изъ малолѣтняго отдѣленія и 3 отъ московскаго генералъ-губернатора. Изъ этихъ 50 воспитанниковъ: 3 изъ дворянъ, 1 изъ купцовъ, 8 изъ мѣщанъ, 25 изъ крестьянъ, 8 солдатскихъ дѣтей и 5 неизвѣстнаго званія; изъ 28

мальчиковъ, выбывшихъ изъ пріюта въ этомъ году, 7 переданы въ воспитательный домъ, 14 родственникамъ, 1 въ малолѣтнее отдѣленіе, 3 отданы въ переплетную мастерскую, 1 въ фельдшерскую прогимназію и 2 бѣжало; оба бѣжавшіе мальчика возвращены въ пріютъ и одинъ изъ нихъ даже воротился по доброй волѣ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что оба эти мальчика были присуждены въ пріютъ за неоднократные побѣги, отъ родителей и хозяевъ. Въ 1872 г. содержалось 37 за кражи, 4 за прошеніе милостыни, 1 за бродяжничество, 1 за утайку и растрату денегъ, 1 за поджогъ, 1 отъ московскаго генералъ-губернатора, 3 изъ воспитательнаго дома и 1 отъ родителей; изъ этихъ 49 воспитанниковъ, 1 дворянинъ, 28 крестьянъ, 7 солдатскихъ дѣтей, 13 мѣщанъ; изъ 14 выбывшихъ—помѣщены: 1 въ частный пансіонъ, 2 въ сапожную мастерскую, 1 въ портняжную мастерскую, 1 отправленъ на родину, 1 возвращенъ въ воспитательный домъ, 6 переданы родственникамъ, 1 оставленъ на жалованьи при пріютѣ подмастерьемъ въ переплетной мастерской, 1 бѣжалъ; на первое января нынѣшнаго года осталось 35 мальчиковъ.

Въ теченіи двухъ предыдущихъ лѣтъ пріютъ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ своего директора, Н. В. Рукавишникова, окончательно сформировался въ *ремесленно-исправительную школу* изъ нѣсколькихъ мастерскихъ. Выборъ мастерства вполнѣ зависитъ отъ самихъ мальчиковъ; замѣчательно, что послѣдніе стремятся въ большинствѣ случаевъ изучить то мастерство, которое по ихъ понятіямъ болѣе ихъ обезпечитъ; самая напр. обширная мастерская—сапожная и самая бѣдная учениками—брошюровочная; но послѣдняя, по признанію директора, необходима для пріюта и весьма полезна для мальчиковъ: работа эта весьма нетрудная и несложная; мальчикъ вновь поступившій, еще не привыкшій къ труду, въ брошюровочной тотчасъ же принимается за дѣло и уже спустя нѣкоторое время выбираетъ то мастерство, которое ему болѣе нравится.

Теперь мы передадимъ нѣсколько свѣдѣній о самыхъ мастерскихъ: 1) *сапожная*: съ мая мѣсяца 1871 года былъ приглашенъ сапожный мастеръ, съ обязательствомъ обучать мальчиковъ за жалованье, кромѣ задѣльной платы за его работу, благодаря этому мастеру, воспитанники пріюта имѣютъ возможность обучаться этому мастерству на столько основательно, что по выходѣ изъ пріюта могутъ поступать мастерами въ какую-либо частную мастерскую; изъ 8 мальчиковъ, обучавшихся этому ма-

стерству въ 1871 году, четверо по выучкѣ исполняли сапожные посторонніе заказы безъ помощи мастера, остальные же четверо, еще учившіеся, заготовляли работу въ помощь имъ и мастеру; и къ концу же 1871 года, заказы въ мастерской стали увеличиваться, такъ что мастерская работала, кромѣ обуви на воспитанниковъ и по частнымъ заказамъ, еще на магазинъ Дубиновскаго; работаются въ ней всякіе сапоги, башмаки и калоши. За прошлый годъ она дала доходу болѣе 150 руб. 2) *переплетная и брошюровочная:* въ 1867 году въ брошюровочной мастерской было такъ много работы, что былъ приглашенъ мастеръ для руководства мальчиковъ; также была куплена бумагорѣзальная машина для сокращенія времени и силы на обрѣзку громаднаго количества книгъ, выходящихъ изъ брошюровочной. Въ 1871 году переплетная имѣла также своего мастера и весь годъ получала постоянную работу чрезъ переплетчика Бѣляева, съ которымъ пріютъ заключилъ условіе и на 1872-й годъ. Кромѣ переплета книгъ, мальчики обучались дѣлать коробки и портфели (сафьяновые) и наклеивать картины на картонъ. Что переплетная мастерская, подъ руководствомъ Бѣляева, обучала мальчиковъ съ успѣхомъ, видно изъ того, что въ 1871 г. Бѣляевъ принялъ изъ пріюта трехъ воспитанниковъ въ свою мастерскую въ качествѣ подмастерьевъ на жалованье; они поступили въ пріютъ безъ всякихъ познаній въ этомъ мастерствѣ; но выучились въ пріютѣ, и затѣмъ двое изъ нихъ оказались у Бѣляева очень хорошими работниками и съ прекраснымъ поведеніемъ. Въ прошломъ году переплетная и брошюровочная мастерская дала прихода 778 р. слишкомъ. 3) *портняжная:* эта мастерская была устроена въ 1871 г. въ виду пріема нѣсколькихъ мальчиковъ, уже обучавшихся этому мастерству; они просили начальство пріюта ввести для нихъ это ремесло, къ которому они выказывали особенную наклонность. Въ сентябрѣ 1871 г. былъ приглашенъ мастеръ, куплена швейная машина, и все необходимое для этой мастерской. Мастеръ обязанъ обучать мальчиковъ и отыскивать заказы, получая за это половину чистой прибыли, не считая расходовъ на обзаведеніе. Весь этотъ годъ работа продолжалась безъ перерыва и получались на нее заказы изъ магазиновъ и отъ частныхъ лицъ. Нужно замѣтить что эта мастерская работала платье и самимъ воспитанникамъ пріюта за весьма пониженную плату; кромѣ того, оно хорошо работаетъ сюртучныя и фрачныя пары, пальто и т. д. Всего при-

ходу по этой мастерской въ прошломъ году было 1016 р. слишкомъ. 4) *столярная:* эта мастерская была введена въ ноябрѣ 1871 года; она находилась подъ руководствомъ столярнаго мастера, обязаннаго производить всѣ расходы, слѣдить за работой, поставлять мастеровъ и доставлять работу изъ половины чистой прибыли; но въ прошедшемъ году пріютъ вынужденъ былъ отказать столярному мастеру, завѣдывавшему этою мастерской и обязавшемуся было производить на свой счетъ всѣ расходы; потому пріютъ еще долженъ былъ единовременно затратить большую сумму на покупку матеріала и обзаведеніе мастерской; необходимо было купить лѣсъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы имѣть возможность дѣлать вещи изъ сухаго матеріала; нѣкоторая часть его осталась на 1873 годъ неизрасходованною. Большинство вещей не продано и до настоящаго времени, за нѣкоторыя получено лишь въ настоящемъ году, и были сдѣланы вещи для пріюта (три большихъ гардеробныхъ шкафа, 4 стола и 5 ящиковъ для столярныхъ инструментовъ). Нужно замѣтить, что въ настоящемъ году въ отчетѣ по столярной мастерской записываются всѣ работы, не исключая и пріютскихъ, за которыя мастерская получаетъ съ пріюта такъ же, какъ и съ посторонныхъ заказчиковъ. Пока столярная мастерская понесла въ прошломъ году убытокъ въ 192 р., но куплено въ этомъ же году инструментовъ и осталось матеріалу—всего, по крайней мѣрѣ, на 300 руб. Можно быть увѣреннымъ, что въ годъ, много два, столярная будетъ давать доходъ и этотъ доходъ станетъ все болѣе увеличиваться, какъ это теперь видно въ другихъ мастерскихъ пріюта.—Вообще же, три первыя мастерскія, за исключеніемъ столярной, дали чистаго дохода за прошлый годъ 750 рублей. Замѣтимъ здѣсь, что изъ суммы прибыли дается инымъ воспитанникамъ пособіе. Въ особую тетрадку каждому мальчику вписывается его заработная плата; деньги эти не выдаются на руки мальчикамъ, но по ихъ желанію, покупается имъ чай и сахаръ; остальныя же деньги выдаются имъ уже по выходѣ ихъ изъ пріюта. Въ настоящемъ году въ пріютѣ находятся три воспитанника, оставленные подмастерьями въ столярной и сапожной. Они всѣ трое пользуются полною свободой наравнѣ съ мастерами, ведутъ себя до сихъ поръ безукоризненно, и усердно работаютъ, что конечно очень отрадно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несомнѣнно полезно для заведенія, ибо эти подмастерья служатъ прекраснымъ примѣромъ для воспитанни-

ковъ, которые въ свою очередь могутъ надѣяться со временемъ остаться также въ пріютѣ; кромѣ того, будучи всѣмъ обязаны пріюту, они изъ любви къ нему, изъ желанія чѣмъ нибудь оказать ему пользу, будутъ нравственно вліять на воспитанниковъ, съ коими находятся во всякомъ случаѣ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, нежели мастера.

Переходимъ теперь къ передачѣ свѣдѣній о *книжномъ ученьи* мальчиковъ. Съ 1871 года обращено особое вниманіе на классныя занятія воспитанниковъ. Такъ какъ поступали въ пріютъ мальчики не старше 14 лѣтъ и на продолжительные сроки, въ большинствѣ случаевъ не менѣе какъ на три года, то и курсъ преподаванія принятъ трехлѣтній. Въ приготовительномъ отдѣленіи и въ первомъ классѣ преподавали, въ 1871 году, директоръ и его помощникъ, и во второмъ—учитель хамовническаго городскаго училища. Послѣдній съ прошлаго года и въ нынѣшнемъ съ большимъ успѣхомъ ведетъ преподаваніе и въ третьемъ, т. е. старшемъ классѣ; для обученія же въ двухъ меньшихъ классахъ приглашенъ въ 1872 году еще учитель. Во всѣхъ трехъ классахъ законоучителемъ уже нѣсколько лѣтъ дьяконъ церкви Успенія на Крутицахъ. Кромѣ того, въ виду важности для заведенія послѣдняго предмета приглашенъ дьяконъ церкви Неопалимой Купины вести праздничныя бесѣды съ дѣтьми; въ этихъ бесѣдахъ онъ въ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ объясняетъ Евангеліе, символъ вѣры, молитвы, богослуженіе и проч. Вообще, при пріютѣ 6 постоянныхъ учителей. Мальчики учатся нотному пѣнію, которое по методѣ Шеве, преподается ежедневно по часу и воспитанники уже порядочно поютъ въ церкви странноприимнаго дома, находящагося возлѣ пріюта, нотную литургію и т. д. Съ цѣлью познакомить мальчиковъ съ техническимъ рисованіемъ, необходимымъ для всѣхъ ремеслъ, за неимѣніемъ средствъ у пріюта нанимать своего учителя, мальчики съ 1871 года посылаются по воскресеньямъ, съ 10—12 часовъ, въ классы техническаго рисованія при хамовническомъ городскомъ училищѣ. Во всѣхъ трехъ классахъ мальчики должны выучиваться Закону Божію (Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, Краткій Катихизисъ), чтенію и правильному письму по русски и всей ариѳметикѣ (съ прибавленіемъ начальной бухгалтеріи); въ старшемъ классѣ съ прошлаго года введено поверхностное преподаваніе географіи—предмета, которымъ мальчики занимаются съ любовью.—Для расцѣнки познаній и

прилежанія учениковъ введены классные журналы для всѣхъ трехъ классовъ и высшій балъ принятъ—пять; кромѣ того, журналы эти введены еще и съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность слѣдить за преподаваніемъ, такъ какъ учителя вписываютъ въ нихъ подробно предметъ занятій въ классѣ. Вообще, мальчики очень усердно учатся; большинство получаютъ хорошіе балы, и хотя имъ днемъ удѣляется время на приготовленіе уроковъ, они не разъ высказывали желаніе учиться по ночамъ на кроватяхъ, что разумѣется имъ не позволено; учатся же мальчики усердно потому, что для нихъ, кромѣ интереса изученія наукъ, ученье служитъ отдыхомъ отъ работъ, нѣкоторымъ разнообразіемъ въ занятіяхъ и нимало не утомляетъ ихъ, такъ какъ учатся они не болѣе двухъ часовъ въ день.

День для занятій воспитанниковъ распредѣленъ въ пріютѣ такимъ образомъ: по буднямъ воспитанники встаютъ въ 6 часовъ утра, поютъ молитвы, читаютъ по очереди одну главу изъ евангелія; дежурные, изъ воспитанниковъ же, убираютъ комнаты; затѣмъ воспитанники пьютъ чай и завтракаютъ; съ 7 до 12 работаютъ въ мастерскихъ; въ 12 обѣдаютъ; послѣ обѣда часъ гуляютъ, играютъ и бѣгаютъ на дворѣ; затѣмъ съ половины втораго до двухъ съ половиною урокъ приготовительному отдѣленію; съ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ первому классу; съ $3^1/_2$—4 полдникъ и отдыхъ; съ 4—$5^1/_2$ урокъ старшему классу. Воспитанники, находящіеся въ классахъ все это время работаютъ въ мастерскихъ; работа оканчивается въ 8 часовъ. Съ 8 до 9 потное пѣніе, въ 9 ужинъ и послѣ пѣнія молитвъ и чтенія евангелія, воспитанники ложатся спать. Въ праздники воспитанники отправляются по утрамъ въ церковь гдѣ поютъ на правомъ клиросѣ, затѣмъ послѣ чая спѣвка, послѣ спѣвки классъ рисованія до обѣда, послѣ обѣда часъ отдыха—воскресная бесѣда, продолжающаяся не менѣе часа, затѣмъ прогулка, въ три часа чай и вечеромъ чтеніе. Здѣсь кстати замѣтить: мы лично видѣли въ классной комнатѣ пріюта большой шкафъ съ разнообразными дѣтскими и народными книгами; это библіотека воспитанниковъ. Теперь вотъ свѣдѣнія о домашней обстановкѣ воспитанниковъ: каждый изъ нихъ имѣетъ отдѣльную кровать съ набитымъ мочалой матрасомъ, простыней, подушкой и шерстянымъ одѣяломъ. Конечно, спальня ихъ составляетъ совершенно отдѣльную комнату, поддерживаемую во всевозможной чистотѣ. Одежда воспитанниковъ состоитъ: лѣтомъ изъ блузы и панталонъ изъ крашена-

го синею краскою холста, а на зиму, сверхъ того, даются имъ суконные кафтаны и панталоны. Пища воспитанникамъ дается здоровая, изъ свѣжихъ припасовъ: въ дни скоромные щи съ говядиной и свининой (говядины на каждаго не менѣе полуфунта), и каша гречневая и пшеничная, съ саломъ, а въ праздникъ съ масломъ: въ постные дни щи со спѣтками и каша съ постнымъ масломъ; въ тѣ и другіе—квасъ въ достаточномъ количествѣ; въ нѣкоторые праздники постомъ рыба и бѣлый хлѣбъ. Покупка провизіи и еженедѣльный отпускъ ея производится подъ личнымъ наблюденіемъ директора и его помощника.

Наконецъ остается сказать объ исправленіи воспитанниковъ: пріютъ имѣетъ цѣлію исправлять малолѣтнихъ преступниковъ отъ порока и преступленія, въ которые они впали, быть можетъ по винѣ безнравственныхъ родителей, по подстрекательству или вслѣдствіе крайней бѣдности; исправленіе же состоитъ въ томъ, чтобы пріучить ихъ въ пріютѣ сознавать полезнымъ честный трудъ, утвердить въ вѣрѣ и благочестіи и сдѣлать хорошими гражданами, для чего, со стороны пріютскаго управленія, требуется не строгость или наказаніе, а мѣра исправленія воспитанниковъ мягкимъ съ ними обращеніемъ, состраданіе къ нимъ и поощреніе ихъ на доброе дѣло.—Съ 1870 года лучшимъ воспитанникамъ, за хорошее поведеніе, усердную работу и прилежаніе къ ученію, въ отличіе и примѣръ другимъ, даются бляхи, для нашивки на рукавѣ блузы; слишкомъ двухлѣтній опытъ показалъ, что бляхи эти весьма поощряютъ къ соревнованію отличиться поведеніемъ и трудомъ, что мальчики удостоенные носить бляху, дорожатъ этимъ отличіемъ. И въ настоящее время большинство мальчиковъ ведутъ себя прекрасно; изъ 35 наличныхъ мальчиковъ въ мартѣ нынѣшняго года 30 награждены бляхами за отличное поведеніе. Награжденные бляхами пьютъ чай ежедневно два раза, тогда какъ остальные получаютъ чай только по праздникамъ.

Мы представили очеркъ девятилѣтняго существованія и современнаго положенія пріюта на основаніи *точныхъ* данныхъ; наши указанія по мѣстамъ дословно заимствованы изъ отчетовъ, которые ведены были о пріютѣ за каждый годъ, въ теченіи 9 лѣтъ. Всякій москвичъ и немосквичъ, желающій непосредственно ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, желающій лично провѣрить наше доброе мнѣніе о пріютѣ, которое само собою вытекаетъ изъ предыдущаго разсказа о немъ,—всякій можетъ от-

правиться самъ на Дѣвичье поле, гдѣ пріютъ находится: директоръ пріюта, который остается тамъ съ утра до вечера, обязательно и радушно покажетъ посѣтителю все стоющее вниманія въ пріютѣ, дастъ отвѣты на вопросы, существенно касающіеся пріюта. Лично на насъ пріютъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе; живо вспоминаются намъ здоровыя и довольныя лица мальчиковъ, съ искреннимъ вниманіемъ и усердіемъ занятыхъ своими работами въ разныхъ мастерскихъ; вспоминается мастерство ихъ работы, и ихъ благовоспитанность, чистота и опрятность, въ которой они живутъ. Мы никакъ не могли освоиться съ тою мыслію, что эти мальчики-преступники, живущіе на исправленіи; пріютъ представляетъ узъ себя образцовое ремесленное заведеніе хорошаго хозяина съ молодыми работниками на жалованьи, и этотъ хозяинъ печется нетолько о выгодахъ отъ мастерства, но еще о благосостояніи, матеріальномъ и нравственномъ, своихъ рабочихъ. Самъ г. директоръ говоритъ о воспитанникахъ: «*рвеніе изучитъ мастерство*" я объясняю тѣмъ, что большинство изъ нихъ (т. е. мальчиковъ пріюта) очень умные и способные мальчики; они хорошо понимаютъ, что мастерство дастъ имъ вѣрный кусокъ хлѣба, *избавитъ ихъ отъ испытанныхъ уже ими невзгодъ*»... Итакъ, въ возростающемъ интересѣ къ полезному и живому труду отчасти заключается сила нравственнаго перевоспитанія мальчиковъ поступающихъ въ пріютъ; но помянутое «рвеніе» много зависитъ и отъ благопріятной обстановки пріюта; завѣдующіе послѣднимъ совершенно отечески относятся къ своимъ воспитанникамъ; не одинъ разъ мы видали этихъ завѣдующихъ во время прогулокъ съ воспитанниками по Москвѣ и за Москвою, мы видѣли ихъ въ отношеніяхъ къ воспитанникамъ и въ самомъ пріютѣ; всюду это одни и тѣ же отношенія—искреннія, умныя, въ высшей степени добрыя, какъ-бы родственныя; мальчики, благодаря такимъ отношеніямъ, очень дружны между собою; а въ концѣ концовъ у нихъ образуется живая связь съ пріютомъ; и по выходѣ изъ него, они продолжаютъ съ нимъ сношенія; словомъ, пріютъ есть образцовая воспитательно-ремесленная школа, не имѣющая и тѣни сходства съ какимъ-либо русскимъ арестантскимъ домомъ или съ какою-либо исправительной тюрьмой.

Въ заключеніе этого очерка представимъ слѣдующіе выводы:

1) Не прибѣгая къ примѣрамъ иностранной, т. е. западно-

европейской жизни въ устройствѣ новаго исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, всякое русское частное общество или отдѣльное лицо, наконецъ и правительственное вѣдомство могутъ руководиться въ помянутомъ устройствѣ драгоцѣннымъ опытомъ московскаго пріюта, такъ хорошо съ нравственной стороны поддерживаемаго г. Рукавишниковымъ. Собственно для Москвы было бы совершенно излишнимъ учрежденіе новаго подобнаго пріюта; слѣдуетъ озаботиться упроченіемъ и расширеніемъ уже существующаго: пусть онъ, если возможно, будетъ принимать до ста и болѣе мальчиковъ; а для того пусть у него появятся наконецъ свой домъ и своя земля. Онъ современемъ долженъ обратиться въ образцовое ремесленно-техническое учебное заведеніе, живущее собственными заработками отъ заказовъ на разныя работы и имѣющее всѣ права и условія промышленнаго заведенія. Весьма желательно, чтобы со временемъ при домѣ пріюта устроено было и женское подобнаго же рода исправительное отдѣленіе для малолѣтнихъ преступницъ.

2) Но полное обезпеченіе пріюта возможно при образованіи у него постояннаго капитала, именно прежде всего хотя бы въ видѣ недвижимой собственности. Если являются крупные жертвователи на устройство, въ Москвѣ, дѣтской больницы, то почему же бы имъ не явиться на обезпеченіе московскаго пріюта, куда поступаютъ дѣти нравственно больные, чтобы выступить отсюда въ жизнь *нравственно здоровыми гражданами*.

3) Московскій окружной судъ и московское земство должны по благому примѣру московской городской думы, быть ежегодными жертвователями въ пользу пріюта. Послѣдній обязанъ о себѣ чаще заявлять и всему русскому обществу, котораго долгъ выказывать дѣятельное, энергическое вниманіе и сочувствіе пріюту: если нравственная порча нашихъ дѣтей зависитъ отъ насъ же, то изъ среды насъ, т. е. всего русскаго общества, должны появляться и священныя заботы объ уврачеваніи такого тяжкаго соціальнаго зла.

И. Ю. Некрасовъ.

Москва 11 іюля 1873 года.

КРИТИКА

Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ. Изслѣдованіе М. В. Духовскаго. Ярославль. 1873. Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Лицея, скрѣпленному подписью Г. директора М. Капустина.

«Неясность понятія чести, разнообразіе взглядовъ на нее, трудность опредѣлить границы между клеветою и обидою, заставили автора, какъ онъ говоритъ, заняться изслѣдованіемъ преступленій противъ чести», и на первый разъ «задаться узкимъ вопросомъ» о клеветѣ. Тѣмъ болѣе, что по автору, общая часть науки уголовнаго права имѣетъ въ нашей литературѣ полныя и капитальныя изслѣдованія, равно какъ нѣкоторые отдѣлы особенной части, напр. ученія о преступленіяхъ противъ жизни, или противъ собственности, въ трудахъ гг. Таганцева и Фойницкаго. Незатронутымъ остается особенно отдѣлъ о преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ».—Каждый человѣкъ, какъ человѣкъ, владѣетъ не только правами на жизнь и здоровье, но онъ требуетъ уваженія и своихъ внутреннихъ правъ, къ которымъ принадлежатъ честь беретъ свое основаніе въ природѣ человѣка, но создается государствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ на самомъ дѣлѣ существуетъ». «Честь развивается изъ потребностей общества и созидается цѣлою исторіею». «Честь нарушается преступнымъ воздѣйствіемъ на нее со стороны другаго субъекта, тѣми средствами, которыя въ извѣстное время и въ извѣстномъ классѣ лицъ считаются за способнѣе оскорбить честь, это «обида»—«сообщеніе же фактовъ лживыхъ, когда это дѣлается съ цѣлью повредить невинному, есть «клевета» обида и клевета, которыя и составляютъ, по автору, всѣ явленія преступленій противъ чести частныхъ лицъ.

«Честь развивалась всегда въ связи съ развитіемъ человѣка; изучить исторію чести значитъ изучить ходъ развитія человѣчества. «Здѣсь, продолжаетъ авторъ, задаемся цѣлью болѣе ограниченной, выясненіемъ понятія чести по русскому праву, начиная съ римскаго, гдѣ впервые является научное объясненіе юридическихъ институтовъ, гдѣ честь понималась совершенно не такъ, какъ въ настоящую эпоху,—гдѣ лежатъ основы для пониманія какъ западно-европейскаго, такъ частью русскаго права». Затѣмъ слѣдуютъ у автора обзоры древне-германскаго права, о чести и клеветѣ, далѣе положенія правъ Англійскаго, Французскаго, Итальянскаго, и наконецъ полное изложеніе русской исторіи и современной науки и практики, относительно чести и клеветы.

Вотъ поводы къ изслѣдованію г. Духовскаго, вотъ установленіе его задачи, способъ разрѣшенія вопроса и указаніе на искомый результатъ. Прочитавши сочиненіе «о клеветѣ», нельзя воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя позволяемъ себѣ здѣсь высказать, въ видѣ сомнѣній.

Говоритъ теорія и общая часть уголовнаго права о двухъ элементахъ преступленія, о субъективномъ и объективномъ, но не уполномочиваетъ изслѣдователей, на ряду съ преступленіями, толковать о предметѣ, или объектѣ преступленія, иначе, говоря о преступленіяхъ противъ жизни человѣка, придется излагать ученія о жизни, или говоря о преступленіяхъ противъ здоровья, поучать о томъ, что такое здоровье, или говоря о преступленіяхъ противъ имуществъ, излагать ученіе о собственности, о разныхъ родахъ имуществъ и т. д. По этому вопросъ г. Духовскаго объ исторіи чести въ человѣчествѣ ли, или въ разныя эпохи, или у разныхъ народовъ, кажется, едва ли умѣстнымъ въ диссертаціи о клеветѣ, развлекая вниманіе читателя, и отнимая у автора возможность пристальнѣе изучить и точнѣе изложить свой спеціальный предметъ—клевету, какъ преступленіе. Приводя клевету въ зависимость отъ ея объекта чести, авторъ долженъ былъ отыскать въ ней что нибудь постоянное и твердое, и доказывать напр., что ее создаетъ государство въ томъ значеніи, въ какомъ она дѣйствительно существуетъ, съ чѣмъ конечно, едва ли кто согласится. Честь, что личность и ея достоинство, существуетъ у людей на всякой ступени и во всякой формѣ общежитія, но, разумѣется, возрастаетъ съ раз-

витіемъ общежитія, и въ государствѣ, достигаетъ болѣе полной формы и болѣе твердой защиты.

Честь имѣетъ свое развитіе и внутреннее, субъективное, по развитію воспріимчивости субъекта, и внѣшнее, объективное, по связи личности съ разными существами и предметами внѣшняго міра, совершенно такъ, какъ личность. И было бы весьма поучительно указать на постепенное расширеніе чести лица, въ объективномъ отношеніи, по которому обида и клевета считаются нарушеніемъ чести не токмо въ случаѣ прямаго нападенія на личную честьА но и въ нападеніи на честь его жены, дѣтей, отца и матери, а наконецъ на честь его домашнихъ, сосѣдства, отечества и даже на его имущество. Не даромъ нашъ положительный законъ говоритъ о клеветѣ, какъ о распространеніи разныхъ слуховъ не только относительно даннаго лица, но и его родныхъ, и не даромъ понятіе о диффамаціи, на западѣ, касается иногда кредита. Думать можно, что въ этомъ расширеніи понятія о чести на всю сферу нашей частной жизни, съ законнымъ подтвержденіемъ ея неприкосновенности особенно высказывается развитіе чести и личности въ цивилизованномъ мірѣ. И тутъ даже немыслимо доказательство истины, или exceptio veritatis, во имя болѣе полнаго развитія понятія о чести, равно какъ во имя болѣе строгаго преслѣдованія обиды и клеветы.

Понятно далѣе, что серьозно желая содѣйствовать охранѣ чести, въ ея полномъ развитіи, нельзя съуживать понятіе объ оскорбленіи чести двумя словами: обида и клевета. Развиваясь внутренно, или субъективно, честь подвергается нападеніямъ все болѣе съ разныхъ своихъ сторонъ, дастъ поводъ все къ болѣе къ различнымъ видамъ оскорбленій. Нечего ссылаться на законъ положительный, говорящій только объ обидѣ и клеветѣ. Авторъ разсужденія о клеветѣ самъ часто указываетъ на случаи, гдѣ положительный законъ дѣйствовалъ противъ явленій жизни и исторіи. Такъ разбирая манифестъ Екатерины II о поединкахъ, авторъ приводитъ слова манифеста, явно клонящіяся къ тому, чтобы подчинить воззрѣнія, убѣжденія и понятія страны законодательному распоряженію, конечно, съ благою цѣлію установить разумныя начала относительно понятія о чести, но не безъ произвола и насилія. И нельзя не видѣть, что поединки, или самосудъ и самоуправство въ вопросахъ о чести и обидахъ, въ той же мѣрѣ укрѣпляются въ жизни, въ какой законъ

и судъ по этимъ вопросамъ стѣсняютъ свободу нашихъ воззрѣній на честь и на ея оскорбленіе.

Наконецъ, задавшись вопросомъ о развитіи чести у разныхъ иноземныхъ народовъ и въ разные періоды жизни нашего народа, авторъ опустилъ изъ виду всеобщеисторическое явленіе, по которому въ древности преступленія имѣли форму преимущественно прямаго нападенія, тогда какъ въ позднѣйшую онѣ являются болѣе въ скрытномъ, тайномъ образѣ, такъ что въ древности господствуетъ напр. грабежъ, отнятіе чужаго, а въ позднѣйшія времена обманъ мошенничество въ послѣдствіи господствуютъ ложные доносы, да клевета и т. д. Есть развитіе въ формахъ жизни, есть оно и въ способахъ совершенія преступленія.—И, допуская даже двойственное различіе въ понятіи объ оскорбленіи чести, именно: обиду и клевету, должно было основать это различіе на томъ, что въ обидѣ прямо, непосредственно дѣлается нападеніе на лицо, а въ клеветѣ не прямо на лицо, а на его честь, заочно, за спиною, тайно, такъ сказать, мошеннически, предательски.

Допустивши подобное воззрѣніе на клевету, нужно было войдти въ подробное изложеніе всѣхъ видовъ заочнаго нападенія на честь, и отдѣлить и отличить клевету а) отъ доноса и поклепа,—равно какъ б) отъ сплетни в) отъ пасквиля г) отъ печатнаго заявленія тѣхъ— другихъ позорныхъ обстоятельствъ. Думаю, что такимъ образомъ можно придти къ болѣе точному положительному разультату въ вопросѣ о клеветѣ, какъ преступленіи противъ чести частныхъ лицъ. И, кажется можно бы такъ проектировать понятіе, или опредѣленіе клеветы: это злонамѣренное тайное, словесное распространеніе въ обществѣ слуховъ о поступкахъ лица, несовмѣстныхъ съ честію,— злонамѣренное, потому что клевета—преступленіе,—тайное, въ отличіе отъ прямаго оскорбленія лица, или отъ брани,— словесное, въ отличіе отъ пасквиля и печатной брани распространеніе, т. е. дѣятельное усиліе сообщать всѣмъ свѣдѣнія и слухи, въ отличіе отъ сплетни, гдѣ разъ пущенное извѣстіе распространяется само собою, о поступкахъ, не совмѣстныхъ съ честію, а не о преступленіяхъ, предметѣ доносовъ, въ обществѣ, а не передъ начальствомъ, гдѣ могутъ быть и доносы и навѣты, и наушничанья, но не клевета,—общественное, хотя прискорбное явленіе.

Что до внѣшнихъ недостатковъ разсужденія господина Ду-

ховскаго, ихъ можно, кажется, отнести къ недосмотрамъ. Такъ въ трехъ мѣстахъ сряду на стр. 12, 14 и 17 постоянно повторяется опечатка: dignitad illaesae status, вмѣсто: dignitalis illaesae status, по выраженію римскаго юриста Каллистрата, именуемаго у автора Callistratus'омъ. Далѣе на 20 стр. авторъ производитъ латинское слово: contumelia отъ какого-то «contem nendo», а латинское же infamo infamare, какъ бы замѣняетъ несуществующимъ словомъ: infamio, стр. 29. Наконецъ на стр. 26, авторъ останавливается на вопросѣ о происхожденіи лат. слова: convicium, по нашему ругань и брань, и хочетъ усвоить ему значеніе брани, произнесенной въ большомъ собраніи и съ крикомъ, соглашаясь съ Ульпіаномъ юристомъ, но, конечно, не филологомъ. Еще отмѣтимъ, что раздѣливши русскую исторію на четыре періода, стр. 153, а именно: на періодъ родоваго быта, на періодъ общиннаго строя, и т. д., авторъ о первомъ періодѣ говоритъ, что «отъ этой эпохи почти не сохранилось никакихъ памятниковъ, или узаконеній лѣтописныхъ», слѣдовательно тутъ почти ничего не было, и такого быта не существовало. Зачѣмъ же понадобилось начинать съ ничего, и дѣлать изъ ничего періодъ народной жизни? Все это ошибки, которыя непремѣнно должно было исправить, до выхода книги въ свѣтъ».

Достоинства сочиненія высказаны въ мнѣніи г. профессора угол. права равно какъ въ томъ приговорѣ юридическаго факультета, московскаго университета, по которому г. Духовской удостоенъ степени магистра по уголовному праву.

В. Лешковъ.

6 мая 1873 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Дѣло о крестьянкѣ Агафьѣ Трифоновой сужденной за кражу со взломомъ.

(Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей отъ 26 іюня 1873 года).

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«28 декабря 1872 года, проживающая въ г. Тулѣ бывшая дворовая женщина Настасья Иванова Гормышева заявила полиціи, что 26-го того же мѣсяца у нея произведено похищеніе разнаго имущества крестьянкою Агафьею Степановою Трифоновою, которая прійдя къ ней въ гости, воспользовалась тѣмъ, что она, Гормышева, легла уснуть и отперевъ запертый сундукъ какимъ-то орудіемъ, украла изъ него два куска ситца, два платья, рубашку, четыре полотенца и 5 рублей денегъ, а затѣмъ взявъ висѣвшее на стѣнѣ женское ватное пальто, скрылась.»

«Розысканная 4 января полиціей, Трифонова, несмотря на то, что при ней оказалось пальто Гормышевой, въ кражѣ ей приписываемой, не созналась и объяснила, что въ день происшествія, когда она была въ гостяхъ у потерпѣвшей, мужъ сей послѣдней Евстигней Гормышевъ послалъ ее обвиняемую въ питейное заведеніе за виномъ, для чего и далъ ей 10 копѣекъ; надѣвъ пальто Гормышевой она пошла было въ питейное заведеніе, но на дорогѣ встрѣтилась съ знакомыми, хотя и неизвѣстными ей по имени женщинами и присоединилась къ нимъ,

а послѣ того пошла къ себѣ домой на квартиру, нанятую у мѣщанки Уткиной и къ Гормышевымъ уже не возвращалась».

«Приведенное объясненіе, недостовѣрное само по себѣ, опровергается показаніями упомянутой Уткиной и бывшаго дворовaго человѣка Евстигнея Гормышева, изъ которыхъ первая удостовѣрила, что Трифонова наняла у нея квартиру только 31 декабря, второй же объяснилъ, что 26 декабря обвиняемую за виномъ непосылалъ».

«По собраннымъ свѣдѣніямъ о прежней судимости Трифоновой оказывается, что она лишь 22 декабря 1872 года была освобождена изъ Тульскаго тюремнаго замка, гдѣ содержалась въ теченіи трехъ мѣсяцевъ за присвоеніе чужаго имущества».

«Вслѣдствіе всего изложеннаго признавая, что заявленіе потерпѣвшей Гормышевой, подкрѣпляемое данными, обнаруженными при слѣдствіи, составляетъ достаточное основаніе для привлеченія крестьянки Агафьи Степановой Трифоновой къ отвѣтственности по обвиненію въ преступленіи, приписываемомъ ей потерпѣвшею, Трифонова, за совершеніе ею преступнаго дѣянія, наказуемаго по 1648 ст. улож. о нак., предается согласно 201 ст. уст. гр. суд. суду Тульскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей».

На судѣ Трифонова виновною себя не признала.

Затѣмъ было приступлено къ допросу *свидѣтелей.*

Настасья Гормышева (лице потерпѣвшее). На второй день праздника является ко мнѣ Агафья Трифонова; во время моего сна она украла изъ сундука 2 платья, ситецъ, полотенце, да сняла пальто висѣвшее на стѣнкѣ. Въ моей комнатѣ она оставила свою кофту. Мужъ вернувшись говоритъ мнѣ: «гдѣ пальто»; мы посмотрѣли замокъ лежитъ на полу, сундукъ отпертъ. Въ это время кромѣ Трифоновой къ намъ никто не входилъ. Сундукъ мой былъ подъ кроватью, на которой я спала. Замокъ отъ сундука не былъ хорошъ, его можно было отпирать гвоздемъ. Я сейчасъ подала объявленіе на Трифонову. (Отвѣчая на вопросы защитника). Какъ вынимали мои вещи изъ сундука, и кто это сдѣлалъ, я этого не видѣла, я только предполагаю на Трифонову, больше ея нѣкому.

Читается показаніе умершаго *Евстигнея Гормышева* изъ коего видно, что всего украдено вещей изъ сундука его жены на 18 руб. сер.; Агафью Трифонову онъ за водкой не посылалъ; когда онъ ушелъ, Агафья Трифонова была у него на

квартирѣ, а когда онъ вернулся, то Агафьи уже не было, ея кофточка лежала на полу. Пальто висѣло на стѣнѣ и оно было похищено Агафьею.

Свидѣтельница *Уткина*. Трифонова пришла ко мнѣ ночевать въ ночь на новый годъ; она ночевала у меня на квартирѣ три ночи. Она жила рядомъ со мной

Изъ справки о судимости оказалось, что Трифонова за взятіе ситцеваго платья мировымъ судьею была приговорена къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

Товарищъ прокурора въ обвинительной рѣчи объяснилъ, что Трифонова обвиняется въ кражѣ со взломомъ изъ сундука разнаго имущества. У Трифоновой найдено и поличное: пальто, принадлежащее Гормышевой. Всѣ объясненія Трифоновой оказались вымышленными: Гормышевъ не посылалъ ее за водкой, и Уткина объяснила, что Трифонова не была у ней въ ночь на 26 декабря. Посему относительно Трифоновой долженъ быть постановленъ обвинительный приговоръ.

Защитникъ подсудимой (А. Д. Любавскій) произнесъ, въ главныхъ основаніяхъ слѣдующее: Агафья Трифонова обвиняется въ кражѣ со взломомъ разнаго имущества. Обвиненіе это возникло вслѣдствіе заявленія Настасьи Гормышевой, что Трифонова, находясь у ней, похитила изъ запертаго сундука, съ открытіемъ замка два платья, два куска ситца, рубашку, 4 полотенца и пр., и сверхъ того взяла ея пальто, висѣвшее на стѣнѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что обвиненіе распадается на двѣ части, различествующія одна отъ другой: кражу со взломомъ изъ сундука и унесеніе пальто, висѣвшаго на стѣнѣ.

Относительно кражи изъ запертаго сундука разныхъ вещей слѣдуетъ придти къ заключенію, что противъ Агафьи Трифоновой нѣтъ рѣшительно никакихъ доказательствъ. Отвѣчая на мой вопросъ, Настасья Гормышева, (лицо потерпѣвшее) объяснила, что она не видѣла, кто похитилъ вещи изъ сундука, и кто ихъ вынулъ оттуда; этихъ вещей у Трифоновой не найдено, слѣдовательно эта часть обвиненія, а тѣмъ самымъ и обвиненіе во взломѣ—сами собой упадаютъ. Сверхъ того взлома не было и потому, что какъ объяснила Гормышева замокъ отъ сундука легко отпирался гвоздемъ, а потому могъ быть отпертъ и прежде. (Защитникъ указываетъ на законы о взломѣ).

Обращаясь затѣмъ къ обвиненію Трифоновой въ унесеніи пальто Гормышевой, должно обратиться къ показанію сей по-

слѣдней: на судѣ Гормышева объяснила, что въ ея комнатѣ Трифонова оставила свою кофту, а на себя надѣла ея пальто. Такимъ образомъ въ семъ поступкѣ Трифоновой нельзя усмотрѣть признаковъ кражи; уходя отъ своей знакомой Гормышевой она оставила свою кофту, и надѣла ея пальто.

По сему защитникъ просилъ постановить относительно Агафьи Трифоновой оправдательный приговоръ.

Присяжнымъ засѣдателямъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновна-ли Агафья Трифонова въ томъ, что 26 декабря 1872 г. въ квартирѣ Настасьи Гормышевой похитила разное имущество, причемъ ею былъ отпертъ замокъ сундука?»

На этотъ вопросъ присяжные засѣдатели отвѣчали: «нѣтъ не виновна.»

На основаніи сего приговора присяжныхъ засѣдателей Тульскій Окружный Судъ рѣшеніемъ отъ 26 іюня 1873 г. опредѣлилъ: крестьянку Агафью Трифонову считать оправданною по суду.

II.

Дѣло о крестьянинѣ Максимѣ Андреевѣ Жереховѣ, крестьянкѣ Варварѣ Никитиной и рядовомъ Карпѣ Никитинѣ Жереховыхъ, обвиняемыхъ первый въ убійствѣ, а послѣдніе въ укрывательствѣ этого преступленія.

Дѣло это разсматривалось 9-го февраля въ Ярославскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Акулова, въ составѣ членовъ суда Шлыкова и суд. слѣдов. Хабарова, при товарищѣ прокурора Власенко и секретарѣ Орловѣ.

Надворный совѣтникъ Пужбольскій защищалъ Максима Жерехова, губернскій секретарь Вульфъ—остальныхъ, засѣданіе открылось въ 11 часовъ 50 минутъ.

Подсудимый Максимъ Жереховъ 21 года грамотный, учился дома, занимался торговлей.

Варвара Жерехова. Дряхлая старуха 77 лѣтъ.

Карпъ Жереховъ. 66 лѣтъ имѣетъ медаль и крестъ за походъ въ Польшу.

Къ судебному слѣдствію неявился между прочимъ свидѣтель Берсеневъ, въ слѣдствіе котораго г. товарищъ прокурора просилъ судъ отложить засѣданіе такъ какъ свидѣтель этотъ представляетъ одну изъ существенныхъ уликъ противъ обвиняемыхъ.

Защитникъ Пужбольскій просилъ засѣданіе продолжать во первыхъ потому что онъ не существенно важенъ и во вторыхъ потому что обвиняемый находится уже 1½ года въ тюрьмѣ.

Судъ удалился для совѣщанія по этому вопросу и по выходѣ объявилъ слѣдующую резолюцію: судъ имѣя въ виду что показаніе свидѣтеля Берсенева можетъ быть удостовѣрено на судѣ,

большею частію, показаніями другихъ вызванныхъ свидѣтелей и признавая за симъ показаніе его неимѣющимъ важнаго значенія постановилъ засѣданіе продолжать.

Стороны отвели по 5 присяжныхъ засѣдателей и въ составъ присутствія вошли 2 титулярныхъ совѣтника, 1 отставной рядовой, 3 купца, 1 коллежскій секретарь, 2 учителя, 2 крестьянина, 1 губернскій секретарь и 2 мѣщанина.

Послѣ рѣчи предсѣдателя къ присяжнымъ о ихъ правахъ прочтенъ былъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

1870 года 20 марта, Данилоскій Судебный Слѣдователь, находясь въ торговомъ селѣ Средѣ, при производствѣ слѣдствія, былъ извѣщенъ о скоропостижной съ признаками насилія смерти, крестьянки деревни Самсоновой Ульяны Агафоновой, почему тотчасъ же и приступилъ къ изслѣдованію, по которому обнаружилось слѣдующее:

Крестьянинъ Средской волости дер. Юрилы Андріанъ Трофимовъ показалъ, что родная его тетка Ульяна Агафонова, принадлежащая къ сектѣ перекрещенцевъ и проживавшая въ деревнѣ Самсоновѣ, Бухаловской волости, въ собственномъ домѣ съ отставнымъ рядовымъ Никитинымъ и его сестрой Варварой Никитиной Жереховыми, скоропостижно умерла ночью 27 января 1870 года, о чемъ онъ узналъ на другой день утромъ уже отъ лицъ постороннихъ, а не отъ проживающихъ съ ней. Отправляясь такимъ образомъ въ деревню Самсонову, Трофимовъ нашелъ Агафонову мертвою, лежавшею въ саванѣ на лавкѣ, повязанною платкомъ такъ, что платокъ прикрывалъ почти все ея лицо. Подойдя къ тѣлу, Трофимовъ замѣтилъ, что на *обоихъ щекахъ около губъ и на подбородкѣ были синія пятна*, показавшіяся ему очень подозрительными, почему онъ спросилъ, какъ о происхожденіи пятенъ, такъ и о томъ, какимъ образомъ умерла тетка. На это рядовой Карпъ Никитинъ и сестра его Варвара Никитина объяснили ему, что тетка была больна и умерла естественною смертію, такъ какъ страдала удушьемъ, поносомъ и насморкомъ и отъ послѣдняго явились отпрыски у ней на щекахъ; умерла она ночью, въ отсутствіе Варвары Никитиной, когда она уходила въ деревню Фоминское къ родному своему брату Андрею Никитину Жерехову, и что онъ Карпъ *спалъ на печи и когда проснулся, то кто-то стукнулъ сперва дверью, потомъ въ сѣняхъ, за тѣмъ вновь при входѣ въ избу кто-то хлопнулъ и что-то стукнуло* на полу; услыхавъ это, Карпъ Жереховъ нѣсколько разъ вскричалъ: „Бабушка Ульяна“, но отвѣта не было; тогда онъ всталъ съ печи засвѣтилъ огонь и увидѣлъ Ульяну Агафонову мертвою, лежавшею на полу головою къ дверямъ, а ногами къ иконамъ; въ такомъ положеніи пробыла Агафонова, до прихода Варвары Никитиной, которая тотчасъ распорядилась обмыть тетку и одѣть. Не вполнѣ успокоенный полученными свѣденіями и не имѣя еще болѣе какихъ либо другихъ, опъ Трофимовъ хотя и имѣлъ поводъ подозрѣвать въ насильственномъ лишеніи жизни Агафоновой, однако не рѣшился заявить тотчасъ же объ этомъ произшествіи. Такимъ образомъ трупъ Агафоновой былъ зарытъ на кладбищѣ при селѣ Новомъ. Чрезъ нѣсколько дней по смерти Агафоновой, стала распространяться молва въ народѣ, что Ульяна Агафонова убита племянникомъ ея по мужѣ крестьяни-

номъ деревни Фоминской Максимомъ Андреевымъ Жереховымъ, съ цѣлію грабежа, такъ какъ покойная имѣла значительныя деньги, хранившіяся въ подпольѣ, которыхъ по смерти ея оказалось небольшое количество. Варвара Никитина говорила Трофимову, что денегъ осталось послѣ покойной всего 29 руб. 75 коп., но онъ не повѣрилъ ей потому, что слышалъ отъ многихъ лицъ и между прочимъ отъ Анны Михайловой, приходившей обмывать покойную, что Варвара Никитина тотчасъ по смерти тетки его ходила въ подполье и *вынувъ изъ него деньги, бывшіе въ небольшомъ сундучкѣ, выносила его за чѣмъ-то* на дворъ и затѣмъ, когда сундучекъ былъ снова принесенъ въ избу, то стала считать деньги и насчитала ихъ гораздо болѣе, чѣмъ сказала ему, Трофимову, при чемъ за процессъ обмыванія, дала ей, Михайловой, золотой; кромѣ того когда на 4-й день по просьбѣ Варвары Никитиной, исправляя трубу на чердакѣ, Трофимовъ ходилъ въ подполье за глиной, то на полу нашелъ золотой и серебряный цѣлковый.

Вслѣдствіе всего этого 22 Марта трупъ Агафоновой былъ отрытъ для произведенія судебно-медицинскаго осмотра, по которому оказалось, что трупъ предался небольшой гнилости и лицо покрыто плесенью; по очищеніи оной замѣчено темно-краснаго цвѣта пятно, простирающееся отъ праваго уха до подбородка шириною въ поперечникъ пальца и длиною около вершка; при разрѣзѣ его оказался кровяной подтекъ. При взрѣзѣ головы твердая мозговая оболочка приросла къ черепу и ея пазухи переполнены кровью, равно какъ и сосуды мозга, мозжечекъ и продолговатый мозгъ были переполнены темною кровью. При отдѣленіи кожи и мускуловъ на грудной клѣткѣ на 4 и 5 ребрѣ оказался кровяной подтекъ длиною около вершка; при осмотрѣ легкихъ замѣченъ былъ въ грудной полости съ внутренней ея стороны близъ спины, переломъ реберъ 4, 5, 6 и 7. При разрѣзѣ же наружныхъ покововъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ перелому реберъ почти на всемъ этомъ пространствѣ найденъ кровяной подтекъ; легкія наполнены воздухомъ, при разрѣзѣ ихъ истекла темная пѣнящаяся кровь, особенно много было ея въ правомъ легкомъ. Болѣе чего либо не нормальнаго въ трупѣ не обнаружено. По этимъ даннымъ врачъ заключилъ, что смерть Агафоновой произошла отъ задушенія, переломъ же костей, сдѣланный одновременно съ задушеніемъ, произошелъ отъ давленія на грудь какимъ либо твердымъ тупымъ тѣломъ, что доказывается кровяными подтеками, находящимися на мѣстѣ перелома реберъ.

Между тѣмъ все это время послѣ смерти Агафоновой, Андріанъ Трофимовъ *собиралъ разныя свѣденія, по которымъ пришелъ къ полному убѣжденію*, что убійство Агафоновой совершено Максимомъ Андреевымъ Жереховымъ, при чемъ Варвара Никитина скрыла отъ него деньги и вмѣстѣ съ Карпомъ умалчивала объ убійствѣ. *Такъ онъ слышалъ отъ разныхъ лицъ*, что Максимъ Андреевъ послѣ 27 января, говорилъ о большихъ деньгахъ, пріобретенныхъ имъ отъ тетки; что въ ночь убійства Агафоновой онъ былъ въ селѣ Самсоновѣ и его везъ крестьянинъ Александръ Кучумовъ, отъ котораго онъ слѣзъ съ саней у околицы, и что его видѣлъ шедшимъ отъ проулка дома Агафоновой крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда деревни Крутца Дмитрій Григорьевъ Берсеньевъ съ которымъ онъ заходилъ курить табакъ къ крестьянину деревни Самсонова Андрею Степанову *Касаткину;* что Агафонова вовсе не была такъ сильно больна какъ показываютъ Варвара и Карпъ Ни-

китины, такъ какъ по словамъ крестьянина деревни Самсоновой *Ивана Колегина* она 26 января была у него въ домѣ совершенно здоровая. Кромѣ того, когда Андріанъ Трофимовъ пришелъ въ домъ Агафоновой 24 марта, то на вопросъ его сказать правду кто убилъ тетку, Карпъ Никитинъ отвѣчалъ, что „въ тюрьмѣ тепло и хлѣбомъ кормятъ". Эти же слова повторила и Варвара Никитина, сказавъ „будемъ съ братомъ сидѣть въ тюрьмѣ, а Максимушку не выдадимъ.

Спрошенные Судебнымъ Слѣдователемъ свидѣтели Анна Михайлова, Дмитрій Григорьевъ Берсеневъ, Потапъ Самойловъ, Александръ Якимовъ Кучумовъ и *Иванъ Кузьминъ Коленинъ* обстоятельство ссылки на нихъ Трофимова вполнѣ подтвердили, изъ коихъ послѣдній дополнилъ, что вечеромъ въ день смерти Агафоновой онъ часовъ около 12 видѣлъ въ домѣ ея огонь; за тѣмъ утромъ 28 января приходилъ къ нему въ мастерскую крестьянинъ Иванъ Антоновъ и говорилъ ему, что Ульяну Агафонову убилъ изъ деревни Фоминской Максимъ Жереховъ, не объясняя впрочемъ къ тому основанія, что въ тотъ же день 28-го числа приходила къ нему Варвара Никитина и просила сходить къ священнику попросить дозволенія похоронить Ульяну на кладбищѣ, при чемъ дала ему два 3-хъ рублевыхъ билета и одинъ въ 5, говоря, что если священникъ будетъ просить болѣе 3-хъ рублей, или же 6 р., *то дай ему безъ спора.*

Сергѣй Ивановъ Чировъ—содержатель трактирнаго заведенія въ селѣ Средѣ показалъ, что 28 числа января утромъ, былъ у него въ заведеніи крестьянинъ села Фоминскаго Максимъ Андреевъ Жереховъ и подходя къ буфету предлагалъ ему вымѣнять 10 золотыхъ на кредитные билеты, что золотые находились у него Жерехова въ бѣломъ платкѣ въ количествѣ 30 штукъ. Жереховъ при обмѣнѣ просилъ за нихъ по 6 рублей за каждый, но Чировъ болѣе 5 р. 50 коп. не давалъ, на что впрочемъ Максимъ Андреевъ согласился. 23 марта, Максимъ Андреевъ пріѣзжалъ къ нему и, вызвавъ въ сѣни просилъ Чирова, что бы онъ не говорилъ слѣдователю о размѣнѣ золотыхъ, но на это свидѣтель не согласился, говоря, что онъ скажетъ правду. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Чировъ заявилъ бывшимъ въ то время у него въ трактирномъ заведеніи фельдшерамъ Якову Михайлову и Константину Авторову, которые и подтвердили его ссылку.

Купеческій сынъ Иванъ Михайловъ Коссовскій объяснилъ, что съ таковымъ же предложеніемъ о размѣнѣ золотыхъ въ Февралѣ мѣсяцѣ являлся къ нему крестьянинъ Максимъ Андреевъ Жереховъ, обѣщаясь ихъ привесть въ заговѣнье. Бывши въ означенный день и не заставши дома, Максимъ Жереховъ болѣе уже не обращался.

Обвиняемый Максимъ Андреевъ Жереховъ не сознаваясь въ убійствѣ съ цѣлію ограбленія тетки своей Ульяны Агафоновой, объяснилъ, что онъ у ней почти никогда не бывалъ. 27 числа вечеромъ изъ своей дер. Фоминской онъ ѣздилъ въ гости къ своей невѣстѣ въ д. Поташево чрезъ Самсонову потому, что тетка его Варвара Никитина въ этотъ же вечеръ должна была принести сестрѣ его Прасковьѣ тулупъ, который былъ ей необходимъ на слѣдующій день для того, чтобы ѣхать въ с. Среду торговать масломъ, сказалъ онъ объ этомъ теткѣ Варварѣ Никитиной не входя въ избу черезъ окно, на что та изъявила согласіе отпести. Возвратился изъ гостей въ 11 часовъ вмѣстѣ съ дядей Кучумовымъ, гдѣ еще засталъ Варвару Никитину,

которая не желая оставаться ночевать у нихъ, просила его проводить до Самсоновой, такъ какъ разстояніе весьма не значительное всего одна верста, вслѣдствіе чего онъ переодѣвшись и проводилъ ее до деревни не входя въ домъ тетки; за тѣмъ, возвращаясь домой встрѣтилъ портнаго Дмитрія Берсенева, съ которымъ заходилъ къ крестьянину Касаткину курить, послѣ чего пришелъ домой и легъ спать. Утромъ 28 января дѣйствительно былъ въ селѣ Средѣ и мѣнялъ золотые, которые ему для того далъ отецъ. Золотыхъ у него было всѣхъ 11 а не 30, изъ нихъ онъ содержателю трактирнаго заведенія Чирову вымѣнялъ 10, оставивъ одинъ у себя.

Родственники Максима Андреева Жерехова объ обстоятельствахъ поѣздки обвиняемаго въ Поташево къ невѣстѣ показали согласно съ нимъ, при чемъ отецъ отвергъ объясненіе сына относительно золотыхъ, объяснивъ, что таковыхъ денегъ онъ сыну для размѣна у Чирова не давалъ и у него ихъ вовсе не было.

Варвара Никитина въ укрывательствѣ убійства Ульяны Агафоновой также не созналась. Карпъ Никитинъ, не сознаваясь на первыхъ допросахъ, наконецъ признался крестьянину д. Самсоновой Дмитрію Терентьеву Костромину, а за тѣмъ 26 марта слѣдователю уже показалъ: въ 7 часовъ вечера 27 января племянникъ его Максимъ Андреевъ Жереховъ, постучавъ въ окно, вскричалъ Варварѣ Никитиной, чтобы она сходила въ Фоминское, отнесла тулупъ къ сестрѣ его Прасковьѣ и что онъ ѣдетъ въ гости съ дядей Александромъ Якимовымъ въ Поташево къ невѣстѣ. Послѣ этого вскорѣ Варвара Никитина отправилась съ тулупомъ въ Фоминское, а онъ Карпъ Никитинъ остался дома съ Ульяной Агафоновой, которая сидѣла на лавкѣ въ шубѣ и пряла. Карпъ Никитинъ страдая удушьемъ, лежалъ на печи. Въ 11 часовъ вечера снова постучался племянникъ и спросилъ бабку свою Ульяну: пришлали Варвара? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Максимъ Андреевъ вошелъ въ избу и сѣлъ на лавку дрожа всѣмъ тѣломъ и жалуясь на ознобъ. Агафонова предложила ему выпить теплой воды, для чего взяла изъ печки чугунъ и наливъ изъ него въ глиняную кружку воды подала Максиму; Максимъ выпивъ воды пришелъ къ нему Карпу Никитину на печку, гдѣ пролежавъ съ четверть часа всталъ снова и облокотился на голбецъ руками; дрожь съ нимъ все еще не проходила, по чему Агафонова снова дала ему теплой воды, Максимъ выпилъ немного воды и когда Агафонова приняла отъ него кружку, то горѣвшая въ избѣ лучина погасла. Въ этотъ самый моментъ тетка его Агафонова упала на полъ, при чемъ вскричала однажды „ахъ“,— *Карпъ Никитинъ испугался, сошелъ съ печи и когда засвѣтилъ огня, то увидѣлъ, что у головы Агафоновой стоялъ* на колѣняхъ Максимъ; пораженный такимъ случаемъ, онъ Никитинъ закричалъ: „Максимъ, что ты дѣлаешь, я закричу. На это Жереховъ отвѣчалъ;“ „молчи, не бойся ни чего не будетъ“ и вслѣдъ за этимъ спустился въ подполье не извѣстно за чѣмъ и оттуда скрылся. Вскорѣ черезъ часъ пришла Варвара изъ Фоминскаго, къ которой онъ вышелъ въ сѣни и заплакалъ. Послѣ разсказа объ этомъ несчастіи Варварѣ Никитиной она побѣжала къ Аннѣ Михайловой; когда пришла эта женщина, то ей объ этомъ происшествіи ничего сказано не было и онѣ стали обмывать тѣло покойной. Максимъ Андреевъ задушилъ тетку надо полагать руками и орудій съ собой онъ никакихъ не приносилъ. Къ Ульянѣ Агафоновой онъ ходилъ не рѣдко и зналъ, гдѣ хранятся у нея деньги. Не рѣшался

же до сего времени объявить объ убійствѣ изъ боязни, а также вслѣдствіе просьбы о томъ Максима Жерехова.

На основаніи сего вышеизложеннаго обвиняются: 1) крестьянинъ деревни Фоминской, Даниловскаго уѣзда Максимъ Андреевъ Жереховъ, 20 лѣтъ въ убійствѣ съ цѣлію грабежа—преступленіи предусмотрѣнномъ 1453 ст. Улож. 2) крестьянка деревни Самсоновой Варвара Никитина 64 лѣтъ, и рядовой Карпъ Никитинъ Жереховъ 52 лѣтъ, въ укрывательствѣ сего убійства—преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 14 и 1453 ст. Улож. о Нак., а потому всѣ они подлежатъ суду Ярославскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Предсѣд. Подсудимый Карпъ Жереховъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что будучи свидѣтелемъ умышленнаго убійства крестьянки Агафоновой не только не дали о томъ свѣдѣнія начальству, но употребили всѣ средства, чтобы виновникъ этого преступленія остался бы неизвѣстнымъ для правосудія. Признаете ли себя виновнымъ?

Подсуд. Я не виноватъ, ваше превосходительство, ничего не видалъ и ничего не знаю.

(Вводятъ Максима Жерехова).

Предсѣд. Максимъ Жереховъ! Вы обвиняетесь въ томъ что въ ночь съ 27 на 28 января 1870 года, умышленно задушили крестьянку, имѣя цѣль воспользоваться имуществомъ каковую цѣль вы привели въ исполненіе; похитили деньги принадлежащія ей, признаете ли себя виновнымъ?

Подсудимый Максимъ. Никакъ нѣтъ.

(Вводятъ Варвару).

Предсѣд. Вы обвиняетесь въ томъ, что узнавъ о насильственной смерти жившей съ вами Агафоновой не только не дали знать о виновномъ, но употребили всѣ средства чтобы онъ остался неизвѣстнымъ. Признаете ли вы себя виновною?

Варвара. Батюшки, я не виновата, меня не было.

Судъ привелъ свидѣтелей къ присягѣ, при чемъ мать, жена, сестра Максима отказались отъ дачи показанія по этому дѣлу.

По предложенію предсѣдателя, секретаремъ прочтенъ актъ, осмотра дома Ульяны Агафоновой, (слѣдуетъ осмотръ), затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей.

Свидѣтель Андріянъ Трофимовъ. (родственникъ убитой) на предложеніе предсѣдателя разсказать все что извѣстно ему по этому дѣлу. Я пріѣхалъ на базаръ, мнѣ говорятъ твоя тетка померла, поѣхалъ я къ нимъ, смотрю она лежитъ на лавкѣ и накрыта, я такъ посмотрѣлъ, вижу небольшія язвы, я спраши-

ваю старуху, что это такое ровно какъ рукою? она мнѣ тутъ говоритъ, что она кашляла да еще отъ насморка; я такъ, что ничего не подумалъ, потомъ послѣ услышалъ что говорятъ, что она убита. Предсѣдатель. Дальше? Свидѣтель. Только это убійство и было. Предсѣдатель. Вы спрашивали кого нибудь? Свидѣтель. Да вотъ Платоновъ сказывалъ, что ему признавался Максимъ, что онъ убилъ. Мы еще спрашивали дѣдушку какъ было дѣло, онъ говоритъ, лежалъ я на печи, потомъ дверью стукнули, потомъ говоритъ опять стукнули, я ее спрашиваю, отвѣта нѣтъ зажегъ огонь, гляжу мертвая, потомъ спрашивалъ бабушку Варвару, она говоритъ меня не было, я носила тулупъ; потомъ старухи которыя обмывали старуху сказывали, что лишняго ничего не запримѣтили.

Предсѣд. Что Калинина получила деньги за обмыванье?

Свид. Анна Михайловна сказывала, что Варвара дала золотой.

Предсѣд. Откуда она его взяла?

Свид. Будто бы тутъ нашлось, потомъ только на 9-й день пришелъ я къ нимъ и говорю не худо бы помянуть Агафонову, хотѣли затопить печку и понадобилось глины, я взялъ огонь и пошелъ въ подполье, гляжу монета лежитъ, беру въ руки, смотрю золотой, потомъ рубль серебряный, прихожу на верхъ и говорю Варварѣ: какже ты говорила что денегъ нѣтъ? и тутъ обыскали сундукъ и нашли около 42 р. сер. все старинными монетами.

Тов. прок. Кто вамъ говорилъ, что за обмыванье старуха дала золотой?

Свид. Анна Михайловна.

Тов. прок. Что Варвара говорила вамъ, что она ходила въ подполье?

Свид. Сперва говорила, что не ходила, потомъ что ходила.

Тов. прок. Вы спрашивали Варвару, гдѣ она была?

Свид. Сказывали, что тулупъ носила.

Тов. прок. Не говорили они вамъ, былъ ли у нихъ въ этотъ вечеръ Максимъ?

Свид. Ничего не говорили.

Защ. Пужбольскій. Скоро вы услышали о томъ, что она убита?

Свид. Не помню.

Пужбольскій. За долго какъ явились до слѣдователя?

Свид. Не помню.

Пужб. И отъ многихъ слышали?

Свид. Да, отъ многихъ.

Пужб. Сколько разъ вы давали показаніе слѣдователю?

Свид. Не могу помнить.

Пужб. Вы сами явились, или онъ васъ вызвалъ.

Свид. Онъ присылалъ за мною на квартиру.

Пужб. Вы объяснили ему, когда въ первый разъ давали показаніе, отъ кого именно слышали?

Свид. Не помню.

Пужб. Не черезъ день-ли?

Свид. Не могу помнить.

Пужб. Вы сами слышали отъ Кузьмы Платонова будто бы онъ ему сознавался?

Свид. Нѣтъ отъ другаго мужика ихней деревни.

Пужб. Вамъ давали очную ставку съ Кузьмой Платоновымъ.

Свид. Не помню.

Пужб. Вы не хотѣли увезти хлѣбъ по распоряженію волости, вы были пріостановлены?

Свид. За чѣмъ везти? я даже просилъ чтобы отпечатать.

Пужб. А Андрей Жереховъ просилъ чтобы не везти?

Свид. Онъ сталъ везти.

Пужб. По этому поводу была мирская сходка?

Свид. Былъ староста и человѣкъ шесть.

Пужб. Вы не слыхали, чтобы Агафонова дала Андрею Жерехову золотые?

Свид. Да, она мнѣ говорила, что дала ему обмѣнить золотые на 500 руб. сер.

Пужб. Чтожъ онъ ей отдалъ?

Свид. Не могу знать.

Пужб. Значитъ Вы думаете, что не отдалъ?

Свид. Не могу знать.

Пужб. Она не говорила сколько у нее денегъ?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Вы у нее просили денегъ взаймы?

Свид. Да 600 руб. на квитанцію.

Пужб. Сколько ей лѣтъ было?

Свид. Лѣтъ 70 съ лишнимъ.

Пужб. Когда Вы пришли въ первый разъ къ слѣдователю, Вы не обѣщали ему придти вскорѣ и разсказать ему все?

Свид. Нѣтъ.

Защ. Вульфъ. Когда Вы пришли на другой день послѣ, не было-ли тамъ Вашей сестры?

Свид. Приходила.

Вульфъ. Кто Вамъ сказалъ, что Анна Михайловна получила золотой?

Свид. Бабушка Варвара улпчила ее.

Защ. Пужб. Гг. присяжные! обращаю Ваше вниманіе на то, что Варвара Жерехова улпчила Михайлову, что она дала ей золотой.

Тов. Прок. Вы часто бывали у покойной?

Свид. Какъ придется недѣли черезъ двѣ, три.

Тов. Прок. Какъ калитка растворялась.

Свид. Нужно ударить... и отскочить.

Пужб. У Андрея Жерехова Вы бывали?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Максимъ занимался торговлею?

Свид. Да.

Пужб. Какъ родственникъ Вы не были приглашены на свадьбу?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Что Жереховъ давалъ деньги невѣстѣ?

Свид. Не знаю.

Пужб. Не слыхали чтобы особенно нарядно одѣли?

Свид. Не слыхалъ.

Пужб. А онъ Максимъ кутилъ?

Свид. Попивалъ до пьяна.

Пужб. Что же онъ пьяница?

Свид. Есть деньги и пьетъ.

Защ. Вульфъ. Вы послѣ въ домѣ Карпа не были съ Костомаровымъ?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Что Костомаровъ являлся потомъ къ судебному слѣдователю?

Свид. Неизвѣстно мнѣ.

Пужб. Такъ что при Васъ онъ не давалъ показанія?

Свид. Нѣтъ.

Предсѣд. Что у Андрея Жерехова былъ пожаръ?

Свид. Да лѣтъ 10 тому назадъ.

Предсѣд. Что немного добра сгорѣло на этомъ пожарѣ?

Свид. Не слыхалъ.

Предсѣд. Жаловался онъ?

Свид. Не слыхалъ.

Предсѣд. Что много золотыхъ ходило по рукамъ въ Вашей деревни?

Свид. Не могу знать.

Предсѣд. Они рѣдко у Васъ попадаются?

Свид. Рѣдко.

Предсѣд. Мужъ Агафоновой давно умеръ до ея смерти?

Свид. Она послѣ него прожила полтора года.

Предсѣд. Вотъ Варвара и Карпъ жили у нихъ въ домѣ, кто ихъ кормилъ?

Свид. Не могу знать.

Предсѣд. Что свадьба Максима скоро состроилась?

Свид. Скоро.

Предсѣд. Какъ невѣста была одѣта, хорошо?

Свид. Даже сестра ѣздила покупать салопъ атласный.

Предсѣд. На лисьемъ мѣху?

Свид. Внутренность не видѣлъ.

Предсѣд. А другія вещи?

Свид. Нѣтъ.

Предсѣд. Отецъ Максима охотно соглашался на эту свадьбу?

Свид. Не знаю.

Предсѣд. Не случалось чтобы Агафонова денегъ давала?

Свид. Какже руб. 50 и даже сто давала, она никого не оставляла и мнѣ дала 90 руб.

Пужб. Вѣдь Вы говорили, что она Вамъ не дала денегъ на явитанцію?

Свид. Это въ тотъ разъ не дала.

Тов. Прок. Когда она Вамъ давала денегъ, откуда она ихъ доставала?

Свид. Въ подполье ходила.

Пужб. Что она свѣчку съ собой брала?

Свид. Когда лучину возьметъ.

Предсѣд. Подсудимый Максимъ, желаете возразить?

Подсудимый. Нѣтъ не желаю.

Варвара. Все неправда.

Предсѣд. Что неправда?

Варвара. Ничего я незнаю.

Предсѣд. Карпъ Жереховъ! Вы слышали показаніе свидѣтеля, что можете сказать?

Карпъ. Могу сказать, что не виновенъ и еще онъ неправду сказываетъ.

Предсѣд. Что же неправду?

Карпъ. Не знаю что сказать Ваше благородіе.

(На 10 минутъ антрактъ).

Свидѣтельница Анна Михайловна Калинина.

Предсѣд. Разскажите что Вамъ извѣстно по дѣлу?

Свид. Я спала и все мое семейство спало, вдругъ приходитъ Варвара и 3 раза стукнула; кто тамъ? спрашиваетъ моя невѣстка? «Я Варвара», скажите, говоритъ, пускай Анна Михайловна скорѣе къ намъ приходитъ» меня невѣстка разбудила, я встала одѣлась, умылась и пошла къ нимъ и увидѣла что бабушка лежитъ мертвая.

Предсѣд. Въ которомъ часу пришли къ Вамъ будить Васъ?

Свид. Въ третьемъ.

Предсѣд. Почему знаете?

Свид. У насъ есть часы, такъ они пробили два.

Предсѣд. Разскажите все по порядку какъ было.

Свид. Значитъ какъ я пришла къ нимъ, мнѣ говоритъ бабушка Агафоновна: померла; какъ померла? да молилась Богу, а потомъ упала и скончалась; извѣстно дѣло старческое, живетъ живетъ да помираетъ, потомъ бабушка Варвара говоритъ: пойди призови кого нибудь для обмыванія, я пошла, погода была стужеская, морозъ, вѣтеръ страшный, а я все хожу да хожу никого не могла достать, такъ и вернулась, а Варвара говоритъ посиди, сама пошла за Натальею, потомъ они пришли, мы съ нею стали обмывать, я платокъ стаскивала, мы ничего не немышляли и не думали, я держала, а она обмывала ее.

Предсѣд. Что за это вамъ заплатили?

Свид. Наталья дала рубашку.

Предсѣд. Больше ничего?

Свид. Чего же еще.

Предсѣд. А деньгами?

Свид Нѣтъ, она принесла мнѣ и дала золотой чтобы раздѣлить Христа ради.

Предсѣд. Откуда она его взяла?

Свид. Почемъ я знаю.

Предсѣд. Варвара при васъ не считала деньги?

Свид. Насчитала 40 пятачковъ.

Предсѣд. Значитъ два цѣлковыхъ?

Свид. Незнаю.

Тов. Прок. Въ какой день это было?

Свид. Не знаю.

Тов. Прок. У васъ старуха была передъ смертью?

Свид. Въ воскресенье и въ понедѣльникъ была.

Тов. Прок. она была здорова?

Свид. Она хотя человѣкъ не молодой старенькій, но все-таки не больна.

Тов. Прок. Такъ она дала вамъ золотой чтобы Христа-ради раздѣлили?

Свид. Не знаю чего ради, я брать не хотѣла, она говоритъ помянешь покойную.

Тов. Прок. А обыкновенно у васъ что раздаютъ?

Свид. Случается.

Тов. Прок. Вы сами въ подполье ходили?

Свид. Зачѣмъ намъ въ подполье ходить, вѣдь насъ призвали не въ подполье ходить.

Тов. Прок. Въ гореньку ходили?

Свид. Ходила.

Тов. Прок. Тамъ сундучекъ былъ?

Свид. Двѣ коробочки.

Тов. Прок. Откуда она брала золотой?

Свид. Изъ кармана.

Тов. Прок. Вы сказали судебному слѣдователю что вамъ не дала золотой?

Свид. Нѣтъ дала.

Тов. Прок. Но ему вы говорили что не дала.

Свид. Простите Христа ради.

Предсѣд. Не Варвара ли вамъ напомнила что золотой дала Вамъ?

Свид. Да, да, Варвара.

Защ. Пужб. По вашему обычаю раздаютъ въ это время деньги бѣднымъ?

Свид. Когда есть такъ даютъ.

Вульфъ. Вы одѣвали Агафонову.

Свид. Одѣвала.

Вульфъ. А платокъ кто завязывалъ.

Свид. Наталья.

Вульфъ. У Васъ можетъ быть въ обычаѣ закрывать больше лицо?

Свид. Обыкновенно завязываютъ.

Предсѣд. Какъ завязываютъ?

Свид. Извѣстное дѣло вѣдь на страшный судъ идти.

Тов. Прок. Вы видѣли какъ Максимъ проѣзжалъ.

Свид. Видѣла.

Тов. Прок. Что онъ останавливался около дома Агафоновой?

Свид. Останавливался.

Тов. Прок. Сами видѣли?

Свид. Сама.

Тов. Прок. Откуда видѣли?

Свид. Съ окна.

Тов. Прок Онъ входилъ въ комнату?

Свид. Не знаю, только видѣла какъ онъ остановился.

Свидѣтель Иванъ Кузьминъ Калининъ.

Предсѣд. Разскажите, свидѣтель, что вамъ извѣстно по дѣлу.

Свид. Сначала начинать?

Предсѣд. Какъ хотите.

Свид. Меня Варвара просила пойдти къ священнику и дала мнѣ 2 трехъ-рублевые и одинъ 5 р. билетъ. Я спрашиваю, сколько же дать священнику, она говоритъ сколько возьметъ три или пятъ. Я пошелъ къ священнику спрашиваю его, сколько? если дадите, говоритъ, три руб. такъ я буду доволенъ, я такъ и сдѣлалъ, далъ ему три руб.

Предсѣд. Что вы золотой видѣли?

Свид. Видѣлъ, мать моя принесла и говоритъ, Варвара просила раздать ради Христа.

Прок. Когда у васъ была Агафонова?

Свид. Въ понедѣльникъ.

Прок. Что она дѣлала?

Свид. Пряла.

Прок. Она у васъ была въ шубкѣ?

Свид. Не знаю.

Прок. Въ которомъ часу Варвара къ вамъ стучалась.

Свид. Въ два часа.

Прок. Вашъ домъ напротивъ, не видѣли ли вы огонь въ домѣ Агафоновой?

Свид. Дѣйствительно часовъ въ 12 видѣла.

Прок. Что Агафонова имѣла деньги?

Свид. Не могу знать, но у мужа покойной должно быть было.

Прок. На кого подозрѣніе пало?

Свид. Да поговаривали на счетъ Максима вотъ и Трофимовъ.

Прок. А вы видѣли какъ Максимъ проѣхалъ?

Свид. Нѣтъ, я былъ въ мастерской.

Прок. Варвара въ тотъ вечеръ была дома?

Свид. Это опять не знаю.

Пужб. Она куда носила тулупъ,

Свид. Не могу знать.

Пужб. За что священнику дали 3 руб.

Свид. За мѣсто.

Пужб. Такъ о подозрѣніи на Максима заявлялъ Тоофимовъ?

Свид. Да.

Пужб. Что жь это показалось вамъ страннымъ?

Свид. Какже.

Предсѣд. Всѣхъ на другой день несутъ на кладбище?

Свид. Это не наше дѣло.

Пред. Но Варвара вамъ говорила, чтобы просить священника скорѣе похоронить?

Свид. Ничего не говорила.

Предсѣд. И не показалось Вамъ страннымъ что такъ скоро ее похоронили?

Свид. Нѣтъ, да и не скоро, она подъ среду померла, а на ночь въ четвергъ похоронили.

Подсудимые не возражали.

Свидѣтельница Наталья Федоровна Аникановa.

Предсѣд. Разскажите свидѣтельница, что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Свид. Варвара приходитъ къ намъ и говоритъ приди ко мнѣ, я умылась и пошла, Агафонова лежитъ мертвая. Я ее обмыла и ушла домой.

Предсѣд. Что вамъ дали за обмыванье?

Свид. Какже дали рубашечьку.

Предсѣд. А денегъ?

Свид. Нѣтъ, ничего.

Прок. Агафонова была?
Свид. Да.
Пужб. Что пятенъ не замѣтили на лицѣ Агафьи?
Свид. Не видала.
Предсѣд. Лицо было открыто?
Свид. Да.
Подсудимые не возражали.
Затѣмъ былъ прочитанъ:

Актъ судебно-врачебнаго осмотра, произведенный по отношенію г. Данилovскаго судебнаго слѣдователя отъ 22 марта 1870 г. за № 271 надъ трупомъ крестьянки деревни Самсоновой Ульяны Агафоновой въ присутствіи его же г. судебнаго слѣдователя и при сторонних понятыхъ лицахъ.

1) Наружный осмотръ: лицо покрыто плесенью по очищеніи которой оказалось темно-красное пятно, простирающеся отъ праваго уха до подбородка шириною въ поперечный палецъ и длиною около вершка; при разрѣзѣ его замѣтенъ былъ кровяной подтекъ.

На шеѣ съ лѣвой стороны подъ угломъ нижней челюсти было нѣсколько красныхъ пятенъ неправильнаго очертанія, но при разрѣзѣ этого мѣста кровянаго подтеку не оказалось.

2) Внутренній осмотръ: твердая мозговая оболочка приросла къ черепу, она равно какъ и ея пазухи переполнены кровью, сосуды мозга переполнены темною кровью существо его довольно плотное, мозгъ также переполненъ кровію; гортань и дыхательное горло, глотка и начало пищепріемника были нормальными.

3) Полость грудная: при осмотрѣ легкихъ замѣченъ былъ въ грудной лѣвой ея полости переломъ 4 реберъ, именно 4, 5, 6 и 7 близъ спины, при разрѣзѣ же, наружныхъ покрововъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ перелому реберъ почти на всемъ этомъ пространствѣ найденъ кровяной подтекъ; легкія наполнены воздухомъ; при разрѣзѣ ихъ истекала темная пѣнящаяся кровь, особенно много было крови въ правомъ легкомъ, подъ ребромъ плева на мѣстѣ перелома реберъ была не разорвана, въ правомъ его желудкѣ было небольшое количество темной крови.

4) Полость брюшная, ничего особеннаго не представляетъ.

Заключеніе. Принимая въ соображеніе вышесказанное я полагаю, что смерть крестьянки Агафоновой, произошла отъ за-

душенія, переломъ же реберъ по всей вѣроятности произошелъ отъ давленія на грудь какимъ-либо твердымъ тупымъ тѣломъ, а что переломъ реберъ произошелъ при жизни, это доказывается кровянымъ подтекомъ находящемся на мѣстѣ перелома реберъ. Данилovскій земскій врачъ В.

Подсудимые не возражали.

Свидѣтель Андрей Жереховъ *(отецъ подсудимаго)*.

Предсѣд. Хотя Вы отецъ подсудимаго а потому спрашиваетесь безъ присяги, но тѣмъ не менѣе обязаны показать одну только истину.

Свидѣт. Меня слѣдователь спрашивалъ сколько я далъ денегъ невѣстѣ, я сказалъ до 25 руб. билетами и золотыми 12 штукъ.

Предсѣд. За долго до свадьбы дали сыну золотые?

Свидѣт. Дня за четыре до сговоровъ чтобы размѣнять.

Предсѣд. Откуда взяли золото?

Свидѣт. Я 35 лѣтъ занимался торговлею и нажилъ.

Прокуроръ. Когда сынъ Вашъ возвратился изъ Петербурга?

Свидѣт. На Рождество.

Прок. Въ тотъ вечеръ у Васъ тетенька долго сидѣла?

Свидѣт. Порядочно.

Прок. Она Максима дожидалась?

Свид. Дожидалась.

Прок. Максимъ когда пришелъ?

Свид. Не помню.

Прок. Какъ ушла Варвара Никитина скоро пришелъ сынъ.

Свид. Не могу знать.

Прок. Откуда онъ взялъ денегъ?

Свид. Онъ мнѣ не объяснилъ.

Прок. Вы не спрашивали его?

Свид. Нѣтъ.

Прок. Не полюбопытствовали спросить?

Свид. Нѣтъ.

Прок. Часто видались съ Агафоновной?

Свид. Какже.

Прок. Она вамъ дала золотыхъ?

Свид. Никогда.

Прок. На другой день послѣ убійства Вы зачѣмъ были въ деревнѣ?

Свид. Сговоры были,

Прок. Заходили въ трактиръ?

Свид. Не помню.

Прок. Васъ вызывали, что васъ спрашивали и какъ вы отвѣчали?

Свид. Не упомню, спрашивали сколько лѣтъ сыну, я сказалъ 20.

Прок. Относительно золотыхъ спрашивали?

Свид. Спрашивали откуда ихъ взялъ.

Прок. Почему же вы не сказали?

Свид. Заробѣлъ ужь очень.

Прок. У Васъ золото прежде было?

Свид. Было.

Прок. Вы тогда спорили что не давали золотыхъ сыну?

Свид. Заробѣлъ.

Прок. Сколько дали сыну?

Свид. 11 или 12 штукъ.

Прок. У Васъ ихъ много осталось?

Свид. Ничего не осталось.

Прок. Не спрашивалъ ли васъ слѣдователь о томъ, зачѣмъ жена Ваша ѣздила къ трактирщику?

Свид. Не могу знать, не помню.

Прокуроръ: Когда давали показаніе слѣдователю, были трезвы?

Свидѣтель: Трезвъ-съ.

Прок. Совершенно?

Свид. Точно такъ.

Предсѣд. Что стоилъ золотой?

Свид. По 5 руб.

Предсѣд. Вы ихъ дали сыну на расходы?

Свид. Да.

Предсѣд. Почему Вы слѣдователю сказали что не дали сыну золотыхъ?

Свид. Потому самому что боялся, чтобы не заарестовали, потому Трофимовъ говорилъ все золото сыщемъ, я и оробѣлъ.

Предсѣд. Зачѣмъ послали жену къ трактирщику Чирову спрашивать мѣнялъ ли Максимъ золото?

Свид. Да точно чтобы онъ не говорилъ.

Предсѣд. Что у Васъ былъ пожаръ, много сгорѣло?

Свид. Весь домъ, но имущество успѣли вытащить.

Предсѣд. А золотые были Вами зарыты въ землѣ, они остались цѣлы?

Свид. Да.

Предсѣд. Они въ чемъ были?

Свид. Завязаны въ тряпочкѣ.

Предсѣд. Они не почернѣли?

Свид. Нѣтъ.

Стар. Присяжн. Что онъ купилъ на 11 золотыхъ?

Свид. Матери салопъ атласный.

Прок. Зачѣмъ Варвара проспла тулупъ?

Свид. Я сказалъ пущай придетъ

Прок. Она часто ходила къ Вамъ?

Свид. Ходила.

Прок. Чѣмъ она кормилась?

Свид. Хлѣбомъ.

Прок. Чьимъ хлѣбомъ.

Свид. У нихъ свой хлѣбъ есть.

Прок. Какъ Максимъ пріѣхалъ изъ Петербурга, онъ бывалъ у бабушки?

Свид. Бывалъ.

Прок. Вы не знаете какое показаніе далъ карпъ слѣдователю?

Свид. Не знаю.

Прок. Вы не являлись къ Прокурору съ прошеніемъ, подать ко мнѣ?

Свид. Да.

Прок. Кто его Вамъ писалъ?

Свид. Незнаю проходящій человѣкъ.

Прок. Какое то прошеніе было?

Свид. Это нужно его спросить.

Прок. Вѣдь Вы подавали?

Свид. Нѣтъ онъ, я подавалъ тогда, какъ хотѣлъ сына на поруки взять.

Прок. Въ чемъ Варвара ушла?

Свид. Въ шубѣ.

Прокуроръ *(къ Суду:)* Въ виду противорѣчія, прошу прочитать его показаніе данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Предсѣд. Суда. Находя существенныя противорѣчія Судъ постановилъ показаніе его прочитать.

Секретарь читаетъ:

Я крестьянинъ деревни Фоминой Андрей Никитинъ Жерховъ 54-хъ лѣтъ, грамотный, Православной вѣры, ни за что не судил-

ся, подсудимому Максиму я отецъ. 27 января въ 7 ч. вечера, сынъ мой заложилъ лошадь и съ роднымъ дядею Кучумовымъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ въ дер. Поташево, когда сынъ поѣхалъ я ему приказалъ, чтобы онъ проѣзжая черезъ Самсоново сказалъ сестрѣ, моей Варварѣ Никитиной о томъ, чтобы прислала свой тулупъ для дочери моей Парасковьи, которая въ этомъ тулупѣ должна была на слѣдующій день ѣхать въ Торговое село Середу, гдѣ она торговала мыломъ. Сестра Варвара час. въ 8 вечера, принесла мнѣ тулупъ и я оставилъ ее у себя ночевать. Часу въ 11 пріѣхалъ изъ Поташева одинъ на моей лошади въ Фомпнское Александръ Екимовъ Кучумовъ и сказалъ, что сынъ мой Максимъ при выѣздѣ изъ Самсонова всталъ изъ саней и пошелъ назадъ по направленію къ деревнѣ Самсоновой, лошадь Кучумовъ отложилъ и поставилъ на дворѣ. Спустя часа два послѣ того, какъ пріѣхалъ въ Фомпнское Кучумовъ, пришелъ домой и сынъ мой Максимъ, гдѣ онъ провелъ время, разставшись съ Кучумовымъ въ Самсоновѣ, я его не спрашивалъ; сестра моя Варвара по возвращеніи сына домой, просила его проводить до Самсонова, сынъ на это согласился, снявъ съ себя тулупъ, синюю суконною поддевку и надѣвъ нагольный тулупъ, пошелъ провожать сестру, Варвару, какъ далеко провожалъ онъ тетку незнаю, но только скоро воротился домой и легъ спать. На слѣдующій день 28 января еще до разсвѣта, пришла ко мнѣ изъ Самсонова крестьянка Афимья Алексѣева объявивъ, что тетка моя Ульяна Агафонова умерла; я тотчасъ же отправился въ Самсоново и нашелъ тетку Агафонову совершенно одѣтую и лежавшую на лавкѣ подъ иконами, отчего именно она умерла и страдала ли какою-либо болѣзнею не знаю, такъ какъ я при жизни къ ней въ домъ рѣдко ходилъ; въ этотъ же день я отправился съ женою своею Прасковьею Фомѣевою и съ сыномъ Максимомъ въ торговое село Середу, здѣсь въ трактирѣ Кузьмы Чирова у насъ были сговоры, женихъ угощалъ родственниковъ невѣсты. У сына моего золотыхъ я въ день сговоровъ въ селѣ Середѣ и дома не видалъ, были ли у него золотые и сколько именно не знаю, золотыхъ я сыну какъ дома такъ и въ селѣ не давалъ, мѣнялъ ли онъ золотые у Сергѣя Чирова и если мѣнялъ, то откуда онъ пріобрѣлъ ихъ и сколько, не знаю. У меня хоть и были золотые, но я ихъ за долго еще до свадьбы сына употребилъ въ расходъ. Золотые у меня были дѣйствительно зарыты въ землѣ подъ домомъ и во время пожара

уцѣлѣли, бывшаго въ нашей деренѣ 4 года тому назадъ. О томъ что золотые до пожара были зарыты подъ домомъ въ землѣ, сынъ мой зналъ. Сыну я не говорилъ, что если его будутъ спрашивать о золотыхъ, которые онъ мѣнялъ у Чирова, сослался бы на меня, что золотые во время сговора, я далъ ему размѣнять. Сынъ мой въ убійствѣ Ульяны Агафоновой и пріобрѣтеніи путемъ этого убійства, хранившихся у него денегъ, мнѣ не признавался, виновенъ ли онъ въ этомъ преступленіи, не знаю.

Прокуроръ. Слѣдовательно Вы два раза спрашивали?

Свидѣтель. Точно такъ.

Пужбольскій. У Васъ одинъ сынъ.

Свидѣтель. Два.

Свидѣтель Александръ Якимовъ Кучумовъ.

Предсѣдатель. Разскажите свидѣтель, что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Свидѣтель. Всего не упомнишъ.

Предсѣд. Что помните?

Свид. Ѣздилъ я съ Максимомъ Жереховымъ въ д. Поташево, ѣздили мы черезъ Самсонову.

Предсѣд. Вы никуда не заѣзжали?

Свид. Не помню.

Предсѣд. Васъ спрашивалъ кто нибудь?

Свид. Не помню.

Предсѣд. Что тамъ дѣлали?

Свид. Чай пили, потомъ и уѣхали домой.

Пресѣд. Вмѣстѣ?

Свид. Нѣтъ онъ слѣзъ.

Предсѣд. Онъ сказалъ что нибудь?

Свид. Поѣзжай, а я слѣзу.

Предсѣд. Когда онъ назадъ возвратился?

Свид. Не знаю.

Предсѣд. Когда Вы ѣздили въ Поташево Максимъ слѣзалъ въ дер. Самсоновой?

Свид. Не помню.

Прокуроръ. Въ виду того, что свидѣтель не помнитъ, слѣзалъ ли въ д. Самсоновой Максимъ Жереховъ, прошу показаніе его прочесть.

Предсѣд. Вы повертывали къ дому Агафоновой.

Свид. Не помню.

Предсѣд. Судъ не встрѣчая существеннаго разнорѣчія, постановилъ, показаніе его не читать.

(На 1½ часа перерывъ).

Свидѣтельница Людмила Трофимова *(на вопросъ предсѣд.)*. Слѣдователь спрашивалъ меня: ѣздилъ ли мой мужъ съ подсудимымъ къ невѣстѣ.

Предсѣд. Когда онъ пріѣхалъ?

Свид. Еще спать не легли.

Предсѣд. На своей лошади?

Свид. На отцовской Максима.

Предсѣд. Вы не слышали отъ мужа, заѣзжалъ онъ куда-нибудь?

Свид. Я полагаю, что не заѣзжалъ, впрочемъ не знаю.

Предсѣд. Что вамъ говорилъ, что-нибудь мужъ?

Свид. Я его спросила, что съѣздили? съѣздилъ говоритъ.

Предсѣд. Они пріѣхали вмѣстѣ?

Свид. Нѣтъ Максимъ слѣзъ въ д. Самсоновой.

Свидѣтельница Авдотья Никитина Марасонова.

Предсѣд. Съ кѣмъ пріѣхалъ къ вамъ Максимъ?

Свид. Съ

Предсѣд. Что далъ отецъ Максима.

Свид. 100 руб.

Предсѣд. А вы?

Свид. Платьемъ.

Предсѣд. А денегъ?

Свид. Нѣтъ.

Прокуроръ. Въ которомъ часу они уѣхали отъ васъ?

Свид. Не знаю, кажется около 10 час.

Прок. Пьяный былъ Максимъ?

Свид. Чаемъ угощали.

Пужбольскій. Максимъ пилъ у васъ водку?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Кто далъ вамъ денегъ?

Свид. Родитель Максима.

Старш. Присяжн. Какими деньгами давали?

Свид. Не знаю, моему хозяину давали.

Свидѣтель Афонасій Даниловъ Марасоновъ.

Предсѣд. Разскажите что знаете по этому дѣлу?

Свид. Я?

Предсѣд. Да.

Свид. Я ничего не знаю.

Пужб. Вы знали Максима за гуляку?

Свид. Нѣтъ пьянства не было.

Свидѣтель Потапъ Самойловъ.

Мы слышали что она померла не своей смертью.

Предсѣд. Что мужикъ былъ человѣкъ богатый.

Свид. Ничего жилъ исправно.

Прок. Вы слышали о томъ, что Платонъ встрѣтилъ Максима?

Свид. Дѣйствительно слышалъ отъ людей.

Прок. Не отъ жены ли?

Свид. Да, да.

Прок. Въ который день вы ходили къ Становому послѣ смерти Агафоновой?

Свид. Это не помню.

Прок. Вы нарочно ходили или онъ за вами послалъ?

Свид. Нарочно ходилъ.

Прок. Далеко онъ живетъ отъ вашей деревни.

Свид. Въ 12 верстахъ.

Прок. Что васъ заставило ходить къ нему?

Свид. А моя обязанность, вѣдь я Сотскій, я принималъ присягу значитъ долженъ служить.

Пужб. Чтожъ Вы прямо высказали подозрѣнія на Максима?

Свид. Нѣтъ я только сказалъ что слышалъ отъ людей: онъ говоритъ спроси старуху и точно я спросилъ она сказала, что видѣла кровь.

Предсѣд. *(подзываетъ Наталью.)* Что вы говорили?

Свид. Дѣйствительно крошечно крови видѣла.

Свидѣтель Андрей Касаткинъ.

Предсѣд. Какъ у васъ были гости ночью?

Свид. Слѣдователь спрашивалъ меня: былъ у васъ ночью Платонъ и Максимъ? Былъ ваше превосходительство. Куда они пошли, не знаю ваше превосходительство.

Предсѣд. Не помните когда это было?

Свид. Не упомню, ваше превосходительство.

Пужб. Въ чемъ былъ одѣтъ Максимъ?

Свид. Въ тулупѣ.

Пужб. Какого поведенія былъ Максимъ?

Свид. Ничего не замѣтно было за нимъ.

Свидѣтель Максимъ Чировъ.

Ко мнѣ приходилъ Максимъ размѣнивать золото.

Предсѣд. Это было въ январѣ 1870 года?

Свид. Должно быть такъ.

Предсѣд. Много мѣнялъ?

Свид. 10 золотыхъ, я говорилъ дай и остальные размѣняю, онъ говоритъ не нужно.

Предсѣд. Осталось сколько штукъ?

Свид. Штукъ 5.

Предсѣд. Почемъ мѣнялъ?

Свид. По 5 р. 50 коп.

Предсѣд. Потомъ у васъ былъ Максимъ?

Свид. Былъ.

Предсѣд. Съ матерью?

Свид. Не помню.

Прок. По чемъ продавали золотые?

Свид. По 6 руб.

Прок. Не приходилъ къ вамъ Максимъ съ матерью?

Свид. Приходилъ.

Прок. Зачѣмъ?

Свид. Чтобъ не проговорился, что мѣнялъ имъ золото

Прок. Это было до показанія Слѣдователю?

Свид. Да.

Пужб. Въ это время тѣло Агафоновой было вырыто?

Свид. Да.

Предсѣд. Косовскому Максимъ предлагалъ золото?

Свид. Незнаю.

Предсѣд. Судъ считаетъ нужнымъ прочитать ту часть показаній свидѣтеля, гдѣ говорится предложено Косовскому Максимомъ золото.

Секретарь читаетъ.

Предсѣд. Что?

Свид. Можетъ быть разсказывалъ, только не помню.

Свидѣтель Яковъ Михайловъ. Я никакихъ обстоятельствъ по этому дѣлу не знаю.

Свидѣтель Константинъ Авторовъ. Содержатель трактирнаго заведенія говорилъ мнѣ, что мѣнялъ Максиму деньги.

Свидѣтель купеческій сынъ Косовскій. Могу сказать что Максимъ обѣщалъ мнѣ привезти 50 штукъ золотыхъ.

Пред. Вы назначили ему свиданіе?

Свид. Въ с. Середѣ.

Предсѣд. Чтожь онъ пріѣхалъ?

Свид. Нѣтъ не пріѣзжалъ.

Прок. Когда онъ обѣщалъ привезти?

Свид. Не помню.

Прок. Спрашивали цѣну?

Свид. Нѣтъ.

Пужб. Въ какомъ это мѣсяцѣ было?

Свид. Не помню.

Предсѣд. У васъ живетъ мальчикъ Чировъ?

Свид. Нѣтъ.

Прок. Вамъ Чировъ не разсказывалъ, что къ вамъ пріѣзжалъ Максимъ Жереховъ?

Свид. Непомню.

Свидѣтель Ефимъ Ивановъ.

Пужб. Максимъ у васъ не мѣнялъ денегъ?

Прочтено показаніе Платона Казимова № 28.

(Слѣдуетъ показаніе Картова).

Свидѣтель Трудневъ. Прежде у отца Максима видѣлъ золотые, Максимъ не мѣнялъ и не закладывалъ.

Свидѣтель Максимовъ.

Пужб. Жереховъ или жена его показывала вамъ когда-нибудь золотые?

Свид. Показывала, чтобы ихъ на время принялъ.

Пужб. Давно это было?

Свид. Лѣтъ 7.

Пужб. Въ какомъ количествѣ?

Свид. Руб. на 60.

Пужб. До пожара.

Свид. Да.

Свидѣтель Шаверковъ. Я знаю родителя Максима.

Пужб. По какому случаю?

Свид. Они торговали мукой.

Пужб. Непришлось ли вамъ видѣть когда-нибудь золотые?

Свид. Видѣлъ.

Свидѣтель Захаръ Кузьминъ.

Пужб. Васъ вызвали затѣмъ, чтобы спросить, видѣли ли золотые у Жереховыхъ?

Свид. Въ 68 году бралъ у моихъ родителей и ему отдавалъ золотомъ.

Свидѣтель Потаповъ.

Пужб. Видѣли у Жереховыхъ золотые?

Свид. Лѣтъ 5 тому назадъ получилъ съ него золотыми.

Предсѣд. Много?

Свид. Не помню 10 или 20 штукъ.

Затѣмъ было прочитано показаніе кр. *Павлова*, который удостовѣряетъ, что Максимъ въ Петербургѣ при разсчетѣ у своего хозяина получилъ всего 10 руб. за 5 недѣль.

Затѣмъ приступлено было къ преніямъ.

Обвинительная рѣчь Тов. Прокурора.

Гг. присяжные засѣдатели! Въ ночь съ 27 на 28 января, скончалась старуха преклонныхъ лѣтъ Ульяна Агафонова, за полтора года, потерявшая своего мужа. Мужъ ея былъ человѣкъ состоятельный, велъ торговлю, ссужалъ не разъ своихъ сосѣдей деньгами и вообще имѣлъ значительное состояніе.

Ульяна Агафонова оставшись одна, взяла къ себѣ своихъ родственниковъ именно Карпа и Варвару Никитиныхъ, которые теперь находятся передъ вами на судѣ.

Изъ показаній свидѣтелей именно *Калингиной*, вы знаете, что старуха передъ смертью ничѣмъ не страдала и была здорова на столько, что за день передъ смертью была у нея и пряла ленъ. Въ виду такого положенія дѣла, что старуха скончалась не будучи больной, смерть ея была крайне подозрительна и народная молва указывала, что смерть Агафоновой послѣдовала отъ насильственной руки. Первый заявившій такое подозрѣніе былъ племянникъ покойной *Андріанъ Трофимовъ*, для подозрѣнія своего онъ имѣлъ достаточно данныхъ. Здѣсь на судѣ онъ Вамъ показалъ, что когда явился на другой день послѣ смерти Агафоновой въ ея домъ, то она лежала и лѣвая часть лица ея была закрыта платкомъ, около рта замѣтилъ синее пятно; когда онъ спросилъ о происхожденіи его, то Варвара сказала, что старуха страдала насморкомъ; затѣмъ женщина, которая обмывала покойную также сообщила ему данныя, которыя еще болѣе

подтверждали его подозрѣнія, это именно о тѣхъ дѣйствіяхъ Варвары Никитиной, которыя указывали, что тутъ дѣло не чисто. Женщина эта показала, что Варвара отправилась въ горенку и оттуда вернулась съ сундукомъ и насчитала денегъ около 74 р. между тѣмъ какъ онъ Трофимовъ спросилъ Варвару остались-ли деньги, она сказала что нѣтъ. Впослѣдствіи уже созналась и сказала, что дѣйствительно деньги остались, но только 26 руб. Затѣмъ на 9-й день, когда были поминки по усопшей, то свидѣтель этотъ отправляясь въ подполье (вдобавокъ вспомните, что Варвара этому противилась) за глиной, которая понадобилась для поправки печи, нашелъ тамъ золотые что конечно указываетъ на то, что у Агафоновой были золотые. Къ этому вспомните то, что свидѣтель этотъ показываетъ намъ, что когда Агафонова ссужала кого-либо деньгами, то отправлялась предварительно въ подполье слѣдовательно это, было такое мѣсто, гдѣ именно Агафонова хранила свои деньги.

Вотъ этотъ фактъ съ одной стороны и скоропостижная смерть съ другой стороны и послужили поводомъ къ начатію предварительнаго слѣдствія и дѣйствительно гг. присяжные засѣдатели произведенное слѣдствіе вполнѣ оправдало подозрѣніе Андріана Трофимова. Слѣдователь идя шагъ за шагомъ довелъ до сознанія одного изъ подсудимыхъ Карпа Никитина.

Прежде всего было вырыто тѣло Агафоновой и произведенъ медицинскій осмотръ, который обнаружилъ что отъ праваго уха до рта замѣчается темнокрасное пятно шириною въ поперечный палецъ и длиною около вершка, при разрѣзѣ его замѣтенъ былъ кровяной подтекъ, далѣе на шеѣ съ лѣвой стороны подъ угломъ нижней челюсти было нѣсколько красныхъ пятенъ неправильнаго очертанія, но при разрѣзѣ этого мѣста, кровянаго подтека неоказалось, все это гг. явные знаки насилія, затѣмъ по вскрытіи самаго трупа оказалось, что 4 ребра переломлены, взявъ все это во вниманіе, вы придете къ несомнѣнному убѣжденію, что смерть ея произошла отъ руки разбойника. Это фактъ несомнѣнный. Прослѣдимъ теперъ гг. кѣмъ именно произведены насильственныя дѣйствія Агафоновой? Согласившись съ первымъ вопросомъ, что смерть была насильственная, нельзя не прійдти къ несомнѣнно твердому убѣжденію, что она произведена съ вѣдома жившихъ вмѣстѣ съ нею. Въ самомъ дѣлѣ какимъ образомъ можетъ не знать Карпъ Никитинъ, бывшій все время дома, кѣмъ причинена смерть? ! И такъ несомнѣнно,

что онъ это зналъ. Теперь какимъ образомъ онъ этого могъ не передать Варварѣ Никитиной?! Если они дѣйствительно ничего не знали, то почему же они не объявили объ этомъ своимъ сосѣдямъ, зачѣмъ скрывали они смерть Агафоновой? Если же Вы опять таки согласитесь съ тѣмъ, что смерть произошла съ вѣдома ихъ, то Вы поймете почему они и скрывали ее. Все это еще болѣе подтверждается тѣми ложными показаніями, которыя давали Варвара и Карпъ Никитины на предварительномъ слѣдствіи. Когда спросили Карпа о происшедшемъ, то онъ показалъ, что лежалъ онъ на печи, вдругъ услышалъ что стукнуло дверью, затѣмъ опять стукнуло, тогда онъ сошелъ съ печи и увидѣлъ, что она, Агафонова, лежитъ на полу, затѣмъ пришла Варвара и онъ ей передалъ о случившемся. Затѣмъ тотъ же самый Карпъ даетъ совершенно другое показаніе, онъ сознался и показалъ слѣдователю, что когда Максимъ пріѣхалъ въ тотъ вечеръ, сказалъ Варварѣ, чтобы отнесла тулупъ, потомъ снова пришелъ и сталъ стучаться въ окно. Карпъ спросилъ кто тамъ? «Максимъ» сказала Агафонова и дѣйствительно вскорѣ вошелъ Максимъ, котораго Агафонова спросила что онъ такъ дрожитъ? онъ отвѣтилъ что на дворѣ свѣжо; въ это время гаснетъ лучина и онъ слышитъ крикъ: ахъ! онъ соскакиваетъ съ печи и застаетъ Максима стоящимъ на колѣнахъ, онъ спрашиваетъ его что ты сдѣлалъ? Максимъ отвѣчаетъ: не бойся, ничего не будетъ и спускается въ подполье и оттуда уходитъ въ особую комнату. Вотъ это показаніе Карпа, которое онъ далъ на предварительномъ слѣдствіи. Вы видите, что онъ сначала признавалъ себя виновнымъ въ укрывательствѣ указывая вмѣстѣ съ тѣмъ когда и кѣмъ совершено было это убійство.

Варвара также давала разныя ложныя объясненія; такъ она показала, что Максимъ въ тотъ самый вечеръ былъ у нихъ и велѣлъ ей отнести тулупъ къ нимъ, гдѣ она дожидалась его возвращенія отъ невѣстки. Во второй разъ она показала, что не дожидалась его возвращенія и отправилась домой и застала уже Агафонову мертвою, причемъ Карпъ ей не говорилъ о томъ, что у нихъ былъ Максимъ. Все это происходило въ ночь съ 27 на 28 января именно въ тотъ самый день, когда по показанію Чирова, къ нему приходилъ Максимъ и мѣнялъ 10 золотыхъ, при чемъ у него осталось еще около 5 штукъ, а можетъ быть и болѣе. Затѣмъ другой свидѣтель Косовской показалъ намъ, что Максимъ предлагалъ ему размѣнять 50 золотыхъ, при чемъ

было даже назначено мѣсто свиданія. Когда спросили Максима мѣнялъ ли онъ золотые, то сказалъ «да», но что взялъ ихъ у своего отца. Спрашиваютъ отца: давалъ ли сыну золотые, нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, да и не могъ дать, потому, что всѣ у него ушли на постройку дома, послѣ пожара. Затѣмъ уже онъ показываетъ, что далъ сыну 10 или 11 золотыхъ. Такимъ образомъ вы видите что въ началѣ слѣдствія когда еще не было собрано уликъ противъ Максима, то отецъ его показалъ, что никакихъ ему золотыхъ не давалъ, потомъ уже онъ даетъ другое показаніе, по мнѣнію его, въ пользу сына; но оно очевидно представляется ложнымъ, такъ какъ онъ размѣнялъ 10 и что еще сверхъ этого у него осталось 5 золотыхъ—фактъ несомнѣнный. Такимъ образомъ нельзя не признать что показаніе первое отца Максима правдоподобнѣе послѣдняго. Такимъ образомъ Максимъ Жереховъ не можетъ или почему то не желаетъ намъ сказать откуда онъ пріобрѣлъ золотые, правда онъ показывалъ, что привезъ изъ Петербурга 60 штукъ, но вспомните показаніе свидѣтеля Ивана Павлова, что онъ тамъ жилъ въ работникахъ около 5 недѣль и при окончаніи разсчета, получилъ 10 р. с. Гдѣ онъ могъ получить такую сумму? опять значитъ подсудимый даетъ совершенно ложное показаніе. Эта улика подтверждается еще другими данными: когда отецъ показалъ, что вовсе не давалъ золотые сыну, то Максимъ вмѣстѣ съ матерью отправляются къ свидѣтелю Чулкову и упрашиваютъ его не показывать, что Максимъ у него мѣнялъ золотые; такимъ образомъ вы видите, что мать всячески склонна выгородить своего сына изъ этого дѣла, уничтожить улику, которая добыта на предварительномъ слѣдствіи противъ Максима. Въ самомъ дѣлѣ гг. присяжные засѣдатели показаніе Чулкова является вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ оно подтверждается другими свидѣтельскими показаніями: что въ трактирѣ Чулкова въ тотъ самый день была такая-то женщина съ молодымъ парнемъ; слѣдовательно объясненія матери подсудимаго, что они ѣздили въ городъ за покупками чрезъ Село Среда не правдоподобно. Такимъ образомъ всѣ эти обстоятельства являются вполнѣ уликою противъ Максима. Обратите вниманіе на показаніе Максима, которое онъ далъ на предварительномъ слѣдствіи, по поводу провожденія имъ вечера 27 января, показаніе это прописано въ обвинительномъ актѣ (здѣсь почему-то онъ счелъ нужнымъ о всемъ умалчивать), изъ котораго мы видимъ,

что въ вечеръ 27 января онъ отправился къ своей невѣстѣ и проѣзжая чрезъ Самсоново постучался въ окно къ Варварѣ и велѣлъ ей чтобы она отнесла тулупъ къ нимъ и затѣмъ уѣхалъ; между тѣмъ, какъ свидѣтель Кучумовъ, который ѣздилъ съ Максимомъ, свидѣтельствуетъ, что Максимъ сошелъ въ деревнѣ Самсоновой и бытность его въ этой деревнѣ подтверждается другимъ показаніемъ свидѣтеля Платонова. Такимъ образомъ бытность Максима въ дер. Самсоновой не подлежитъ сомнѣнію. Спрашиваютъ Максима зачѣмъ онъ слѣзалъ въ дер. Самсоновой? онъ говоритъ что не слѣзалъ, только постучался въ окно и сказалъ теткѣ чтобы отнесла тулупъ; но это его показаніе, какъ я уже сказалъ, опровергается показаніемъ свидѣтеля Кучумова. Такимъ образомъ я увѣренъ, что это ложное объясне ніе его вы также признаете уликою противъ него.

Послѣ всего этого, я полагаю гг. присяжные, что виновность Максима вполнѣ доказывается обстоятельствами дѣла. Обстоятельства эти *поличное*—золотые въ рукахъ подсудимаго, на пріобрѣтеніе которыхъ онъ давалъ ложныя объясненія, *его пребываніе* въ деревни Самсоновой, въ ночь на 28 января, наконецъ *показаніе* другаго подсудимаго *Карпа*, который сознался и разсказалъ подробно, какъ и кѣмъ совершено было убійство. То обстоятельство, что Карпъ измѣнилъ это свое показаніе, нисколько не служитъ въ пользу невиновности Максима. Я вамъ уже изложилъ подробно показаніе Карпа, какимъ образомъ убійца наносилъ удары Агафоновой и это его показаніе было не вымышленное. Напротивъ того его объясненіе, данное на судѣ: ничего не видѣлъ и ничего не знаетъ, слѣдуетъ „считать" ложнымъ. Какимъ образомъ, повторяю, онъ могъ не знать когда находился въ томъ домѣ, гдѣ совершилось преступленіе? затѣмъ тѣ объясненія Карпа, что Агафонова подала какъ бы намеки на то, что въ это время она могла переломить оба ребра, представляется вполнѣ ложнымъ, и опровергается медицинскимъ осмотромъ трупа Агафоновой. Это ложное его объясненіе, представляется уликою противъ его самаго, что онъ старается скрыть виновника этого убійства. Вотъ все что я могъ представить вамъ къ обвиненію привлеченныхъ сюда лицъ и полагаю, что по такому важному дѣлу, вашъ отвѣтъ будетъ по совѣсти соотвѣтствующимъ одной только правдѣ и только правдѣ.

Я обвиняю подсудимаго Максима Жерехова в убійствѣ своей

тетки Ульяны Агафоновой, съ корыстною цѣлью, Варвару Никитину и Карпа Жерехова въ укрывательствѣ его.

Защитникъ Пужбольскій. Гг. присяжные засѣдатели! Я начну свою защиту съ того, съ чего началъ товарищъ прокурора свое обвиненіе съ Агафоновой. Мы знаемъ, что жила она въ деревнѣ Самсоновой, жизнь она вела скромную, тихую уединенную; послѣ смерти своего мужа изъ состраданія ли—или другихъ побужденій—мы не знаемъ—она взяла къ себѣ Варвару и Карпа Жерехова; затѣмъ, дожившн до 77 лѣтъ, она въ ночь съ 27 января отдала душу Богу и унесла съ собою въ могилу тайну своей смерти. Никому не приходило въ голову считать эту смерть насильственной, всѣмъ казалось весьма естественно, что покойная умерла скоропостижно, отъ старости. Но не такъ думалъ *Андріанъ Трофимовъ*, который, будтобы, съ перваго появленія въ домѣ умершей, замѣтилъ на покойной синія пятна, о чемъ и донесъ судебному слѣдователю; что и послужило основаніемъ къ настоящему процессу. Къ этому дѣлу привлечены 3 лица, изъ нихъ молодой преступникъ Максимъ, который обвиняется въ убійствѣ своей тетки съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и корыстною цѣлью. Прежде всего я ставлю существенный вопросъ: доказало ли обвиненіе, что дѣйствительно Ульяна Агафонова умерла неестественною смертью? затѣмъ доказало ли оно, что у Агафоновой остались деньги, если да, то сколько именно и наконецъ 3-й вопросъ: достаточно ли собрано данныхъ для того, чтобы, положа руку на сердце, негрѣша противъ совѣсти, сказать, что Максимъ убійца? Изслѣдованіе этихъ вопросовъ и составитъ необходимое содержаніе моей защиты. И такъ, высказавъ программу, начну съ перваго вопроса, доказано ли обвиненіе, что Агафонова умерла насильственной смертью. Обвиненіе вамъ говоритъ, доказано и ссылается на врачебно медицинской осмотръ, сдѣланный Данпловскимъ врачемъ. Конечно обвиненіе даетъ заключенію врача положительную вѣру. Я же не совсѣмъ вѣрю въ непогрѣшимость врача и слѣдовательно въ этомъ отношеніи, не могу согласиться съ обвиненіемъ. Свое сомнѣніе основываю на данныхъ, которыя выработаны наукою и позволю себѣ привести вамъ выдержки извѣстнаго ученаго Шауиштейна о судебно-медицинскихъ дознаніяхъ, сопоставивъ ихъ, съ соображеніями, которыя высказаны Данпловскимъ врачемъ и затѣмъ сдѣлаю свои выводы. Угодно ли вамъ будетъ согласиться со мною, я незнаю; но я считаю

нужнымъ высказать ихъ, отнесясь къ дѣлу безпристрастно. И такъ да позволитъ мнѣ судъ, а васъ, гг. присяжные прошу обратить вниманіе на слѣдующее: (защитникъ прочиталъ довольно подробныя выдержки изъ книги Шаунштейна и сопоставивъ ихъ съ данными обнаруженными на тѣлѣ Агафоновой сказалъ, что обвиненіе не совсѣмъ доказано, что она умерла насильственной смертью, затѣмъ перешелъ къ другому вопросу). Затѣмъ является другой вопросъ кто убилъ и затѣмъ обвиненіе говоритъ, что она убита изъ корыстныхъ побужденій, изъ желанія воспользоваться ея золотомъ. Мнѣ кажется я не погрѣшу противъ правды если скажу, что не было золота, именно того самаго которое Варвара отдала Аннѣ Михайловнѣ для раздачи Христа ради, другой золотой УльянѣТрофимовой. Мнѣ кажется, что золото тогда бы могло служить уликою противъ подсудимаго Максима, когда было бы дѣйствительно доказано, сколько и какое золото было у Агафоновой и что именно это самое золото оказалось въ рукахъ Максима, такимъ образомъ самый мотивъ преступленія по моему мнѣнію не доказанъ. Теперь перехожу къ третьему вопросу, что это за улики, которыя добыты противъ Максима? Первой уликою является размѣнъ золота у трактирщика Чулкова. Заговоривъ о золотѣ, обвиненіе задается вопросомъ откуда у поденщика является золото? При этомъ оно забываетъ, что поденщикъ этотъ сынъ весьма состоятельнаго крестьянина, крестьянина въ рукахъ котораго бывало золото, какъ вы сами изволили слышать отъ нѣсколькихъ свидѣтелей; слѣдовательно присутствіе золота въ семействѣ Жереховыхъ не представляется страннымъ. Наконецъ обвиненіе говоритъ, что золото это добыто непремѣнно преступнымъ образомъ и въ доказательство этого ссылается на сбивчивыя показанія отца Максима. Правда, этотъ послѣдній говоритъ въ началѣ предварительнаго слѣдствія, что не давалъ сыну золотыхъ; но вспомните его показанія данныя здѣсь о томъ что онъ, какъ отецъ, испугался очень и это совершенно естественно. Вспомните что Андрей Жереховъ взялъ у Агафоновой на 500 р. золотыхъ, я допускаю что Максимъ могъ тайно взять золотые у отца, а послѣдній въ свою очередь скрывалъ это отъ Андрея Трофимова, которому жаловалась Агафонова, вотъ Вамъ и разгадка въ отношеніи золота. Если Вы согласитесь съ этимъ то и поймете зачѣмъ Максимъ упрашивалъ трактирщика Трофимова не говорить о томъ, что мѣнялъ ему золотые.

Затѣмъ обвиненіе задается другимъ вопросомъ: указываетъ на лживость показанія Максима и въ томъ что пріѣхалъ одинъ... вспомните что Максимъ 20 лѣтъ женихъ, представьте что у него есть зазнобушка, его спрашиваютъ гдѣ провелъ время, а вѣдь съ этимъ связано его дорогое имя и онъ уклоняется отъ отвѣта. Третья улика, которая выставляется противъ Максима это, будто бы, сознаніе Карпа котораго здѣсь Вы не слышали, что это за показаніе вамъ мой товарищъ по защитѣ объяснитъ, я только укажу вамъ на то, что мы его здѣсь не слыхали.

Наконецъ гг. всѣмъ намъ извѣстно, что преступники совершаютъ преступленіе съ какою нибудь цѣлью, позволительно васъ спросить, что за причина могла заставить зажиточнаго крестьянина пролить кровь? Побудительныхъ причинъ для Максима нѣтъ! Наконецъ въ преступникѣ предполагается извѣстнаго рода испорченность, но вы слышали отъ свидѣтелей что за личность подсудимый Максимъ: деревенскій парень, любилъ иногда выпить, вотъ и все гг. что я хотѣлъ сказать. Я нахожу себя вправѣ сказать вамъ, что обвиненіе не представило достаточно доказательствъ, что совершено преступленіе и что совершилъ его Максимъ, затѣмъ что обвиненіе насъ привело къ вопросу: можетъ быть Агафонова убита, можетъ быть нѣтъ, можетъ быть и убилъ Максимъ, можетъ быть не онъ, поэтому я убѣжденъ, что вы вынесете для Максима Жерехова, оправдательный приговоръ.

Защитникъ Карпа Жерехова и Варвары Никитиной.

Гг. Присяжные! я являюсь защитникомъ предъ судомъ подсудимыхъ Карпа Жерехова и Варвары Никитиной, которыхъ обвиняютъ въ укрывательствѣ убійства которое приписывается подсудимому Максиму Жерехову.

Изъ обвинительнаго акта и рѣчи товарища прокурора вы слышали, что въ ночь съ 27 января въ деревнѣ Самсоновой произошло весьма обыкновенное событіе; старуха 80 лѣтъ скончалась, такъ прошло два мѣсяца и никто не подозрѣвалъ, чтобы смерть произошла насильственнымъ образомъ. Наконецъ 20 марта пріѣхалъ въ эту деревню слѣдователь, къ нему приходитъ Андріянъ Трофимовъ и говоритъ ему, что вотъ де носятся слухи, что Агафонова умерла насильственнымъ образомъ. Затѣмъ говоритъ ему что теперь онъ положительно сказать ему не можетъ, но что онъ постарается доставить ему нужныя свѣдѣнія и затѣмъ приходитъ къ нему на другой день и прямо объявляетъ

ему что убійство совершенно Максимомъ Жереховымъ и что Карпъ Жереховъ и Варвара Никитина суть участники этаго преступленія. Далѣе онъ заявляетъ ему что свидѣтельница Анна Михайлова показала ему, что когда она пришла къ Варварѣ, то послѣдняя отправилась въ подполье и считала деньги, между тѣмъ какъ другая свидѣтельница Наталья Федорова показала намъ, что Варвара въ подполье не ходила и что золотой она вынула изъ кармана. Затѣмъ другая показала, что всѣхъ денегъ насчитано было 40 пятачковъ т.-е. 2 руб. И въ самомъ дѣлѣ, изъ свидѣтельскихъ показаній Вы не слышали чтобы умершая обладала большими деньгами, въ особенности такой суммою, которая могла бы служить побужденіемъ къ совершенію убійства. Въ этомъ и всѣ улики противъ Варвары Никитиной. Перехожу къ защитѣ Карпа Жерехова. Я прежде не могу не высказать недоумѣнія какимъ образомъ могло сложится обвиненіе противъ такого лица, какимъ представляется Карпъ. Достаточно посмотрѣть на личность его, чтобы отвергнуть всякую возможность участія его въ такомъ ужасномъ преступленіи.

Вспомните что обвинитель обращалъ Ваше особенное вниманіе на собственное сознаніе Карпа Жерехова, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, но вспомните какимъ образомъ оно добыто, отъ него, свидѣтель Костомаровъ...

(Предсѣдатель прервалъ защитника прося его не касатся этаго показанія).

Въ такомъ случаѣ я принужденъ обратить Ваше вниманіе на то, что Вы этого сознанія здѣсь не слышали и г. Предсѣдательствующій объяснитъ Вамъ въ своей заключительной рѣчи, что Вы обязаны постановлять свои приговоры на основаніи видѣннаго и слышаннаго здѣсь на Судѣ. Я полагаю что выясненныя здѣсь, со стороны обвиненія, данныя слишкомъ слабы для того, чтобы обвинить подсудимыхъ въ такомъ ужасномъ преступленіи и потому я увѣренъ что Вы ихъ оправдаете.

Стороны еще разъ обмѣнялись рѣчами, при чемъ г. Товарищъ Прокурора произнесъ весьма подробную рѣчь въ которой старался доказать на основаніи произведеннаго медицинскаго осмотра, что смерть Агафоновой насильственная и что виновенъ въ этомъ Максимъ Жереховъ.

Затѣмъ предсѣдатель произнесъ свою заключительную рѣчь и вручилъ Старшинѣ присяжныхъ слѣдующій вопросный листъ, который приводимъ вмѣстѣ съ отвѣтами присяжныхъ засѣдателей.

1) Доказано ли что въ ночь съ 27 на 28-е января 1870 года, умышленно была лишена жизни посредствомъ задушенія, или другимъ насильственнымъ способомъ, крестьянка Ульяна Агафонова?

Доказано.

2) Если доказано, то виновенъ ли въ этомъ преступленіи двоюродный внукъ ея крестьянинъ Даниловскаго уѣзда, деревни Фоминой *Максимъ Андреевъ Жереховъ*, 20 лѣтъ, который имѣлъ намѣреніе воспользоваться имуществомъ убитой Агафоновой и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе?

Нѣтъ не виновенъ.

3) Виновенъ ли подсудимый Карпъ Никитинъ Жереховъ 52-хъ лѣтъ въ томъ, что зная объ убійствѣ крестьянки Ульяны Агафоновой употребилъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы убійство Агафоновой и похищеніе послѣ того ея имущества, остались безъизвѣстными, скрывая тѣмъ отъ правосудія самое преступленіе или виновника убійства Агафоновой.

Нѣтъ не виновенъ.

4) Виновна ли подсудимая крестьянка деревни Самсоновой Варвара Никитина, 69 лѣтъ, въ томъ, что узнавъ о насильственной смерти Агафоновой и о похищеніи ея имущества каковую цѣль имѣло убійство, употребила всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы насильственная смерть Ульяны Агафоновой, осталась неизвѣстною, воспользовавшись, по согласію съ виновными въ преступленіи, частью имущества оставшагося послѣ покойной?

Не виновна.

На основаніи этого вердикта присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель объявилъ подсудимыхъ свободными отъ суда.

(Засѣданіе кончилось около 12 ч.).

III.

Московской судебной палаты.

„Споры о правахъ и обязанностяхъ супруговъ подлежатъ разрѣшенію судебныхъ установленій.“ (Ст. I. уст. гражд. суд.).

1873 года, февраля 15-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская судебная палата, по 1-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ С. М. Гулькевича, въ составѣ членовъ: М. П. Березникова и Н. А. Гладкова, при участіи товарища прокурора И. М. Остроглазова, разсматривала дѣло по апелляціонной жалобѣ купца Василія Пяткина, на рѣшеніе Московскаго окружнаго суда, объ отказѣ ему въ ходатайствѣ о понужденіи жены его Анастасіи Афонасьевой къ совмѣстному съ нимъ жительству. Обстоятельства дѣла: купецъ Василій Пяткинъ, въ поданномъ въ Московскій окружный судъ исковомъ прошеніи объяснилъ, что 3 января 1872 года, жена его Анастасія Пяткина съ отцомъ своимъ и матерью мѣщанкою Ольгою Серебряковыми, во время бытности ихъ у него въ домѣ самовольно, безъ согласія его вмѣстѣ съ ними ушла къ нимъ, Серебряковымъ, гдѣ и проживаетъ до настоящаго времени, не смотря на неоднократныя его требованія и на сдѣланное имъ заявленіе чрезъ контору нотаріуса Кирьякова, придти въ домъ его для совмѣстнаго съ нимъ жительства. Въ слѣдствіе сего, Пяткинъ, въ силу 103 ст. т. X. ч. I, обязывающей супруговъ жить вмѣстѣ, просилъ водворить жену его къ совмѣстному съ нимъ жительству. Въ отвѣтъ, на это исковое прошеніе, Анастасія Пяткина объяснила, что, перенося отъ

мужа своего частые побои, имѣвшіе дурное вліяніе на состояніе ея здоровья, она дѣйствительно, 3 января 1872 года, вынуждена была оставить домъ мужа своего и искать пріюта у отца и матери. Не смотря однако же на такое безвыходное положеніе, она не уходила самовольно, какъ заявляетъ мужъ ея, а съ его же согласія. Подтвердить это обстоятельство можетъ надзиратѣль 5 квартала Лефортовской части Ширинкинъ. Въ настоящее же время она не можетъ жить съ мужемъ вмѣстѣ потому, что, будучи беременна, можетъ опасаться еще болѣе прежняго подвергнуться побоямъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ настоящее время у мироваго судьи Мясницкаго участка производится дѣло о буйствѣ и дракѣ мужа ея, произведенныхъ въ квартирѣ ея отца. Въ судебное засѣданіе прибылъ одинъ истецъ и просилъ постановить рѣшеніе на основаніи 103 ст. X т. ч. I. Разсмотрѣвъ это дѣло, окружный судъ нашелъ: 1) что требованіе Пяткина о понужденіи жены его къ совмѣстному съ нимъ жительству основано на 103 ст. т. X. ч. I, опредѣляющей личныя права, вытекающія изъ супружества; 2) что такія права и обязанности, какъ напримѣръ обязанность мужа любить свою жену, жить съ ней въ согласіи, уважать, защищать ее, извинять ея недостатки, облегчать ея немощи, и обязанности жены повиноваться мужу, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и неограниченномъ послушаніи хотя и опредѣлены въ 106 и 107 ст. т. X. ч. I. зак. гражд., но по свойству своему относятся къ правамъ и обязанностямъ нравственнымъ, наблюденіе за исполненіемъ которыхъ не относится къ вѣдомству судебныхъ учрежденій, ибо на послѣднія по закону возложено разрѣшеніе споровъ о правахъ гражданскихъ и постановленіе въ разрѣшеніе опыхъ опредѣленій о возстановленіи нарушенныхъ гражданскихъ правъ; 3) что способы исполненія рѣшенія, а слѣдовательно и возстановленія нарушенныхъ гражданскихъ правъ, опредѣлены въ законахъ (ст. 933 и 934 уст. гр. суд.) и состоятъ въ передачѣ имѣнія натурою въ обращеніи взысканія на движимое или недвижимое имѣніе и въ исполненіи и на счетъ отвѣтчика тѣхъ дѣйствій или работъ, которыя не будутъ совершены въ назначенный судомъ срокъ, и 4) что судебныя установленія, не имѣя по закону власти возстановлять нарушенныя гражданскія права иными способами и въ виду того, что ихъ рѣшенія по 924 ст. уст. при требованіи сторонъ должны быть приведены въ исполненіе, не вправѣ входить въ обсужденіе

такихъ спорныхъ правъ, которыя судебною властію не могутъ быть возстановлены, а, слѣдовательно и личныхъ правъ, возникающихъ изъ супружества, въ томъ числѣ и правъ супруговъ на совмѣстное жительство. Руководствуясь сими соображеніями, окружный судъ, заочнымъ рѣшеніемъ, опредѣлилъ: ходатайство купца Василія Пяткина о понужденіи Анастасіи Пяткиной къ совмѣстному съ нимъ жительству, какъ не заключающее въ себѣ исковаго требованія, признать не подлежащимъ разрѣшенію гражданскаго суда. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ Пяткинъ объясняя, что оно не согласно съ постановленіемъ 103 ст. X. т. ч. I, въ силу коего жена его не вправѣ уклоняться отъ совмѣстнаго съ нимъ жительства, проситъ рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить и обязать жену его жить съ нимъ вмѣстѣ. По выслушаніи заключенія товарища прокурора, разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства настоящаго дѣла, судебная палата находитъ, что по коренному постановленію нашего законодательства, изложенному въ 103 ст. X т. ч. I, супруги обязаны жить вмѣстѣ и хотя по силѣ 106 ст. того же тома и части мужъ обязанъ жить съ женою въ согласіи и доставлять ей пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности, но сіе послѣднее правило не постановлено во все такимъ условіемъ, несоблюденіе котораго имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе обязанности совмѣстнаго сожительства супруговъ. Напротивъ того, доколѣ самый бракъ, по предусмотрѣннымъ въ законѣ причинамъ, подлежащею властью не расторгнутъ, жена слѣдуетъ за каждымъ состояніемъ своего мужа, не лишаясь конечно права въ случаѣ неисполненія мужемъ своей обязанности относительно добраго съ нею обращенія и доставленія ей средствъ содержанія, обратиться по сему предмету съ особымъ требованіемъ. Что же касается заключенія окружнаго суда о томъ, что право супруговъ на совмѣстное жительство по свойству своему, относится къ правамъ нравственнымъ и что споръ о таковомъ правѣ не подлежитъ вѣденію судебныхъ установленій, такъ какъ оно не можетъ быть возстановлено силою судебнаго рѣшенія, то заключеніе это не имѣетъ правильнаго основанія, ибо обязанность супруговъ жить вмѣстѣ опредѣляется сводомъ законовъ гражданскихъ въ отдѣлѣ о личныхъ правахъ и обязанностяхъ, возникающихъ отъ супружества (ст. 103. т. X. ч. I), почему право супруговъ на совмѣстное жительство есть право гражданское, а всякій споръ о

правѣ гражданскомъ, по силѣ I ст. уст. гражд. суд. подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій, независимо отъ способа исполненія судебнаго рѣшенія. По симъ соображеніямъ, признавая истца Пяткина о понужденіи жены его, отвѣтчицы Пяткиной къ совмѣстному съ нимъ жительству, какъ основанное на точной силѣ 103 ст. X т. ч. I, вполнѣ заслуживающимъ уваженія, судебная палата опредѣляетъ: признать отвѣтчицу Пяткину обязанною къ совмѣстному жительству съ мужемъ своимъ, истцомъ Пяткинымъ, и рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить; отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ по дѣлу издержекъ, согласно 868 ст. уст. гражд. судопр., возложить на Пяткину.

Обозрѣніе замѣчательныхъ рѣшеній общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій по дѣлу кн. Ѳедора Голицына, о значеніи договоровъ между супругами.

Во 2 и 3 №№ «Судебнаго Вѣстника» за 1869 годъ, былъ напечатанъ отчетъ о засѣданіи Тверскаго окружнаго суда по исковымъ прошеніямъ князя Ѳедора Голицына и его жены княгини Аделаиды Голицыной. Въ № 11, за тотъ же годъ, помѣщено и самое рѣшеніе Тверскаго окружнаго суда, состоявшееся 13 декабря 1869 года, изъ котораго было видно, что судъ разсматривалъ два иска: во 1-хъ князя Голицина — объ уничтоженіи договора, заключеннаго имъ съ женою своею 27 ноября 1862 года, въ Тверской гражданской палатѣ, крѣпостнымъ порядкомъ, и во 2-хъ о взысканіи съ мужа ея 30 т. руб. потому же договору. Разсматривая первый искъ и сообразивъ оный, какъ съ представленными къ дѣлу документами, такъ и законами, судъ призналъ необходимымъ приступить къ подробному обсужденію смысла самаго договора, изъ котораго возникло ходатайство объ его уничтоженіи. «Первымъ пунктомъ того договора,—сказано въ рѣшеніи,—князь Голицынъ говоритъ о желаніи своемъ выдѣлить, при жизни своей, 7 часть, имѣнія женѣ, а вторымъ пунктомъ жена, хотя и изъявляла, въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года, готовность принять таковое имѣніе, но, съ согласія своего мужа, отказывается отъ онаго на добровольныхъ между ними условіяхъ; а посему сдѣлку эту между супругами должно считать, по мнѣнію суда, не состоявшеюся и въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о томъ, имѣлъ ли право съ одной стороны—Голицынъ уступать, а съ другой стороны—Голицына отказываться отъ той части, о которой обѣ договаривающіяся сторо-

ны не пришли къ обоюдному добровольному соглашенію. Третьимъ пунктомъ того же договора Голицынъ, взамѣнъ остающейся у него седьмой части, не принимаемой его женою, обязался заявить свое бѣжецкое имѣніе на выкупъ въ распоряженіе правительства и изъ слѣдуемой ему за это суммы отъ правительства выдать, или выслать его женѣ, въ теченіи двухнедѣльнаго срока отъ дня полученія, 30,000 р. сер.; княгиня же Голицына пунктомъ 5 договора, принимая съ благодарностію даримую ей сумму, обязалась навсегда болѣе у него ничего не просить и оставаться довольною, а за тѣмъ и всякія взысканія, ею съ мужа производимыя, навсегда прекратить. Эти два пункта договора представляются существенными: въ нихъ усматривается обязательство, касающееся до движимаго имущества супруговъ,— съ одной стороны выдать, а съ другой принять, подъ извѣстными условіями, по добровольному соглашенію договаривающихся сторонъ, къ опредѣленному сроку, 30 т. р., а именно, по полученіи выкупной ссуды въ теченіи двухъ недѣль. Подобный договоръ по имуществу супруговъ не воспрещенъ 117 ст. 1 ч. X. т. св. зак. граж. Переходя засимъ къ обсужденію представленныхъ доказательствъ какъ самимъ княземъ Голицынымъ въ псковомъ прошеніи, такъ и его повѣреннымъ, Свѣшниковымъ, въ засѣданіи суда, о недѣйствительности сего договора, нельзя не придти къ заключенію, что совершеніе онаго крѣпостнымъ порядкомъ, не можетъ лишать его юридической силы, потому, что акты сего рода имѣютъ большую силу доказательства противъ тѣхъ, кои совершены домашнимъ порядкомъ (457, 458, 459 и 460 ст. уст. граж. суд.). Хотя договоръ сей не можетъ быть названъ отдѣльнымъ актомъ, потому что въ немъ нѣтъ ни факта отдѣла, ни факта перехода правъ на недвижимое имущество, но онъ долженъ быть признанъ простымъ договоромъ, въ силу котораго князь Голицынъ, по свободному произволу, какъ того требуютъ 967 и 1528 ст. 1 ч. X. т. зак. граж., выраженному въ 3 пунктѣ, обязался выдать женѣ своей 30 т. руб. которая принимаетъ ихъ какъ даръ движимаго имущества, для пріобрѣтенія котораго закономъ не требуется ввода во владѣніе. Затѣмъ, вникая подробно въ смыслъ сего же договора, нельзя предположить въ немъ той цѣли законопротивной которую придаютъ ему какъ истецъ, такъ и его повѣренный, а именно самовольнаго расторженія брака; ни въ одномъ изъ пунктовъ договора не говорится даже и объ отдѣльной жизни супруговъ и нѣтъ ни

какого основанія предполагать чтобы онъ былъ совершенъ взамѣнъ прежнихъ условій о выдачѣ содержанія мужемъ женѣ. Признавая, такимъ образомъ, за симъ договоромъ, какъ ничѣмъ ненарушеннымъ отвѣтчицею, полную юридическую силу, судъ нашелъ ходатайство истца объ уничтоженіи онаго не подлежащимъ удовлетворенію. Приступая за симъ къ рѣшенію предъявленнаго въ день засѣданія встрѣчнаго иска повѣреннымъ княгини Голицыной Сухоручкинымъ, окружной судъ, нашелъ, что изъ представленной имъ же при исковой справки, выданной изъ Тверскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, видно, что ссуда, слѣдуемая за выкупъ бѣжецкаго имѣнія князю Голицыну, хотя и разрѣшена съ 1 ноября сего 1868 г., но распоряженія о семъ присутствіемъ еще не сдѣлано, за невысылкою главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, а посему и на точномъ основаніи п. 3 договора, 27 ноября 1862 г. ходатайство истицы Голицыной о взысканіи съ мужа ея 30,000 р. съ процентами представляется преждевременнымъ. По симъ основаніямъ и руководствуясь 1536, 1538, 1539 ст. I. ч. X т. и равно 366, 456 и 457 ст. уст. граж. суд., окружный судъ опредѣлилъ: «въ искѣ князя Голицына, равно и во встрѣчномъ искѣ княгинѣ Голицыной отказать, обративъ судебныя издержки на обѣ стороны поровну.»

«Судебный Вѣстникъ» помѣстивъ это рѣшеніе, въ передовой статьѣ того же года № 11, признавалъ его не согласнымъ съ нашими законами о бракѣ и полагалъ, что искъ князя Голицына подлежалъ удовлетворенію. Самый же договоръ, совершенный крѣпостнымъ порядкомъ и названный гражданскою палатою отдѣльнымъ актомъ, авторъ, г. Думашевскій, признавалъ противузаконнымъ и недѣйствительнымъ потому, что онъ заключаетъ въ себѣ: 1) опредѣленіе слѣдующаго княгинѣ Голицыной отъ мужа содержанія и пропитанія извѣстнымъ размѣромъ и 2) отказъ ея отъ права требовать сего въ будущемъ. Авторъ утверждалъ, что право жены на постоянное полученіе содержанія и пропитанія *«не подлежитъ произволу имущественно-правовой личности;»* что отказъ отъ такого права, а равно и назначеніе содержанія опредѣленной суммой должны быть признаваемы ничтожными, и что, слѣдовательно, ничтоженъ и договоръ о выдачѣ княземъ Голицынымъ своей женѣ, при этихъ условіяхъ, 30,000 р. Въ тоже время г. Думашевскимъ заявлено было о переносѣ дѣла сего въ Московскую судебную палату,

рѣшенія которой онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Въ № 27-мъ «Судебнаго Вѣстника» за 1869 годъ г. Думашевскому возражалъ А. Боровиковскій, признавая какъ самый договоръ такъ и рѣшеніе суда соотвѣтствующимъ всѣмъ условіямъ и требованіямъ дѣйствующаго законодательства; но въ 34 № г. Думашевскій оспаривалъ его доводы, не считая ихъ убѣдительными и доказательными; почему и остался при своемъ мнѣніи. За симъ въ томъ же году ему возражалъ, и весьма основательно въ № 42, А. Гордонъ, въ заключеніе своихъ соображеній, которымъ было сказано, что 106 ст. X т. ч. I предоставляетъ женѣ право получать отъ мужа содержаніе по его состоянію. «*На ея сторонѣ нѣтъ никакой обязанности. Отъ этого права, какъ отъ всякаго другаго имущественнаго права, жена можетъ отказаться въ части или въ цѣломъ.* Договоры, имѣющіе предметомъ содержаніе обязанное мужемъ женѣ,—по его мнѣнію—должны имѣть полную юридическую силу; по этому рѣшеніе тверскаго Окружнаго суда по дѣлу князя Ѳедора Голицына съ женой его Аделаидою Голицыною онъ признавалъ вполнѣ правильнымъ. Между тѣмъ, до разрѣшенія этого дѣла Тверскимъ окружнымъ судомъ, кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената, разсматривая жалобу г-на Вагнеръ на рѣшеніе С.-Пб. судебной палаты (сбор. рѣш. за 1868 г. № 461, по вопросу о правѣ жены требовать отъ мужа содержанія, высказалъ слѣдующія положенія:» т. X, ч. I зак. граж. въ главѣ четвертой опредѣляются права и обязанности, возникающія отъ супружества; эта глава раздѣляется на два существенныя отдѣленія, первое изъ нихъ говоритъ о личныхъ правахъ, а второе о правахъ на имущество. Въ 103 ст. перваго отдѣленія возлагается на супруговъ безусловная обязанность жить вмѣстѣ, вслѣдствіе чего строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ. Далѣе въ 106 ст. на мужа возложена обязанность любить свою жену, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки, облегчать ея немощи и доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей; а на жену въ 107 ст. возложена обязанность повиноваться мужу своему, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и неограниченномъ послушаніи. Очевидно, что всѣ обязанности, безусловно возложенныя на мужа и жену, неразрывно связаны съ такою же безусловною обязанностію супруговъ жить вмѣстѣ. За тѣмъ какія лежатъ обязанности на му-

жѣ, относительно содержанія жены своей, въ случаѣ раздѣльнаго ихъ жительства, по причинѣ супружескихъ несогласій, законъ того не опредѣляетъ, и опредѣлить не могъ потому, что обязывая супруговъ жить вмѣстѣ и воспрещая все, что можетъ клониться къ самовольному ихъ разлученію,—законъ не могъ въ противорѣчіе себѣ установить правило на такой случай, который имъ строго воспрещается,» *пришел къ тому заключенію, что жена, живущая несовмѣстно съ мужемъ, не имѣетъ права требовать отъ него пропитанія.* Въ другомъ дѣлѣ Правительствующій Сенатъ (кассац. рѣш. за 1870 г. № 799) пошелъ еще далѣе, признавъ, что присужденіе мужа, отказывающагося отъ совмѣстнаго сожительства съ своею женою, къ содержанію ея до изъявленія имъ согласія на такое сожительство, составляетъ нарушеніе ст. 103 и 106 т. X, ч. I-й и поводъ къ кассаціи. Въ виду столь различныхъ мнѣній нашихъ юристовъ и нашей судебной практики, въ вопросѣ, имѣющемъ весьма важный бытовой интересъ, обнимающемъ самыя существенныя основы общественнаго быта и которыя не удовлетворительно нормированы нашимъ законодательствомъ, Московская судебная палата, при разрѣшеніи спора князей Голицыныхъ *о значеніи и силѣ крѣпостнаго договора*, постановила, 5 ноября 1871 года, слѣдующее рѣшеніе: «Признавъ актъ, совершенный между княземъ Голицынымъ и княгинею Аделаидою Голицыною, 27 ноября 1862 года, недѣйствительнымъ, во встрѣчномъ искѣ княгинѣ Голицыной, какъ основанномъ на означенномъ актѣ, отказать, отмѣнивъ рѣшеніе окружнаго суда; отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ возложить на княгиню Аделаиду Голицыну.» Княгиня Голицына, не признавая этого рѣшенія въ силѣ судебнаго, какъ не соотвѣтствующаго, — по ея соображеніямъ,—ни матеріальной, ни формальной правдѣ, подала отъ себя, лично (въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года) кассаціонную жалобу, указывая въ ней на нарушеніе судебною палатою буквальнаго смысла законовъ, статей: 109, 114, 116, 117, 569, 570, 571, 693, 699, съ примѣчаніемъ 710, 711, 728 по прод. 1864 г., 993 по продолж. 1863 г., 825, 826, 1528, 1530, 1531, 1536 и 1538 т. X, ч. I зак. граж. изд. 1857 г., 9, 438, 457, 459 суд. уст. граж. суд. и 52 и 65 основ. зак. т. I; признавая существенное нарушеніе ихъ въ слѣдующемъ: а) Палата, опредѣляя юридическій характеръ крѣпостнаго двухъсторонняго акта, допустила положенія въ своихъ мотивахъ, основанныя *на побочныхъ*

обстоятельствахъ, подкрѣпивъ свое сужденіе о значеніи договора не буквальнымъ смысломъ, заключающихся въ немъ выраженій и волею сторонъ, а надписью крѣпостной экспедиціи, свидѣтельствовавшей актъ, смѣшавъ понятіе о правахъ на личныя дѣйствія, съ правами имущественными, какъ напримѣръ: пун. 1 и 2 договора, въ моментъ его совершенія, устанавлялось право двухъ лицъ совершить опредѣленныя дѣйствія въ Тверскомъ совѣстномъ судѣ, по поводу возбужденныхъ предположеній о выдѣлѣ 7 части изъ недвижимаго имѣнія; т.-е. *прекратить такія намѣренія супруговъ, кои не представлялось возможности осуществить ни фактическимъ, ни юридическимъ способами;* а это-то *самыя личныя права на дѣйствія,* палата произвольно признала за права на недвижимое имущество, сочтя таковыя выдѣломъ, недопускаемымъ закономъ между супругами при жизни одного изъ нихъ: тогда какъ ни въ моментъ совершенія, ни въ послѣдствіи факта выдѣла не предполагалось и не было допущено; а напротивъ того 5 п. договора положительно и ясно опредѣлено, что всякія взысканія и требованія, производимыя до того, прекращаются; изъ чего и слѣдовало заключить, что цѣль была и нравственна и законна, еслибы судебная палата руководствовалась буквою и духомъ законовъ и строго научнымъ воззрѣніемъ. б) Въ пунктахъ 3, 4, 5 и 6 опредѣлены были обязанности и правовыя отношенія обѣихъ сторонъ, которыя они вмѣсто не осуществимыхъ предложеній, сдѣланныхъ въ совѣстномъ судѣ, должны были совершить, а именно: п. 3 князь Голицынъ обязывался заявить свое бѣженское имѣніе навыкупъ, при содѣйствіи правительства, и изъ слѣдующей ему ссуды выдать или выслать, въ теченіи двухнедѣльнаго срока отъ дня полученія 30 т. р. кредитными билетами, а въ подтвержденіе своей воли въ 4 п. дополнилъ, что не взачетъ 30 т. выдаетъ 1000 р. и требуетъ въ полученіи росписку на подлинномъ условіи. Въ 5 п. изъявляется согласіе другаго лица, вмѣстѣ съ благодарностію и далѣе подкрѣпляется обязанностію о прекращеніи прежнихъ исковъ по обязательствамъ и отказомъ отъ намѣренія по выдѣлѣ недвижимаго имѣнія. Слѣдовательно установленіе въ договорѣ такихъ правъ и обязанностей, каковыми являются согласіе сторонъ на отказъ отъ дѣйствій, представленіе на выкупъ недвижимаго имѣнія, укрѣпленіе права собственности на выкупную ссуду, съ гарантіей оной въ нарицательной стоимости, наличными деньгами по случаю колебанія

курсовъ на биржѣ, согласіе съ другой стороны, въ назначенный срокъ воспользоваться объектомъ, на который принадлежало владѣльцу право собственности, со дня обнародованія положеній 19 февраля 1861 г., съ условіемъ прекращенія исковъ и не осуществимыхъ требованій, заявленныхъ совѣстному суду,—не представляло ничего такого, чтобы воспрещалось положительными законами; тѣмъ болѣе, что статьями 728 по пр. 1864 и 993 по пр. 1863 г. установлена была форма укрѣпленія правъ на долговыя государственныя обязательства — выкупную ссуду и ренту — письменная и притомъ крѣпостнымъ, или нотаріальномъ порядкомъ. По этому, при столь очевидной нравственной цѣли двухъ супруговъ, прекратившихъ всѣ споры и неудовольствія между собою и при отсутствіи намѣренія къ нарушенію брачнаго союза, гражданской палатѣ, непредставлялось никакихъ данныхъ къ непринятію для засвидѣтельствованія договора порядкомъ, установленнымъ ст. 742—827, 834—911, 1530, 1531, 1532, 1533 и 1534 т. X. ч. I. зак. гражд. Такимъ образомъ если договоръ продолжаетъ княгиня Голицина, въ своей кассац. жалобѣ—въ моментъ совершенія онаго представлялся судебному мѣсту согласнымъ съ законными условіями и воспріялъ свою силу, то требованіе объ уничтоженіи котораго либо изъ сторонъ могло бы имѣть мѣсто и значеніе только при доказанности аналогіи и при соблюденіи буквальнаго смысла статей 701, 702, 704, 705 и 706 т. X. ч. I. и при томъ пепиаче какъ въ порядкѣ, установленномъ статьями 763 и 769 т. X. ч. I. зак. гражд. и 1066, 1071, 1072, 1073, 1077, 1078, 1085, 1098 и 1103 суд. устава. 2) что, при опредѣленіи характера сдѣлки судебная палата поступила не согласно ни съ наукою права, ни съ духомъ законодательства, ни съ разъясненіями правительствующаго сената, княгиня Голицина сослалась на энциклопедію Аренса, русское гражданское право Мейера и Савиньи (System de heut ron B. Bd. III. § 309 77) и на подлинныя слова въ одномъ изъ рѣшеній кассац. деп. правит. сената № 788, при печатаніи въ сборникѣ за 1868 годъ, въ которомъ между прочимъ сказано, что если въ законѣ указаны признаки, которыми опредѣляется характеръ извѣстнаго юридическаго отношенія, основаннаго на заключенномъ сторонами условіи, то обязанность суда относительно толкованія дѣйствительнаго значенія акта удостовѣряющаго о существованіи проистекающихъ отъ него обязательствъ, должна состоять въ томъ, чтобы свѣрить его съ

тѣми признаками, которые указаны въ законѣ; изъ сего слѣдуетъ, что произвольное толкованіе судомъ юридической сдѣлки, въ слѣдствіе приданія ей невѣрнаго характера, нарушая постановленія закона, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ кассацію состоявшагося рѣшенія. Другими рѣшеніями правительствующаго сената, за 1868 г. № 2 и за 1870 г. № 1402, вмѣнено судебнымъ мѣстамъ въ обязанность опредѣлять юридическій характеръ договоровъ буквальнымъ смысломъ употребленныхъ выраженій въ самыхъ договорахъ, но не тѣмъ названіемъ, которое дается сторонами, или какъ въ данномъ случаѣ, надписью крѣпостной экспедиціи, свидѣтельствовавшей актъ. Въ виду подобныхъ обязательныхъ объясненій, если судебная палата не могла признать за актомъ, въ своихъ мотивахъ, значенія, соотвѣтствующаго условіямъ отдѣльной записи, дарственной и тому подобнымъ, безвозмезднымъ актомъ, установленнымъ въ первыхъ трехъ разрядахъ томъ X, ч. I, то должно было примѣнить тѣ статьи закона, кои содержатся въ книгѣ IV того же тома о договорахъ и, руководствуясь исключительно духомъ и буквою сихъ законовъ, имѣть въ виду то требованіе науки и положительнаго закона, что толкованіе изъявленій воли и юридическихъ сдѣлокъ должно основываться на тѣхъ же принципахъ, какъ и толкованіе законовъ, но отнюдь не на произвольныхъ и не на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ. И если бъ судебная палата не отступила отъ буквальнаго смысла договора и не построила своихъ соображеній *на обстоятельствахъ побочныхъ*, то не нашла бы и основаній придти къ заключенію, что цѣль сдѣлки безнравственна и не могло бы примѣнить статей 109, 116, 978, 1148, 1157, 1122, 1154 и 1529 томъ X, ч. I. Точно также и другое ея положеніе, на которомъ основано рѣшеніе, съ указаніемъ на статьи 802 и 803 т. X, ч. I, неправильно, такъ какъ въ немъ явно допущено смѣшеніе понятій о правахъ имущественныхъ, съ правами на личныя дѣйствія и потому ссылка на эти статьи не выдерживаетъ критики. По объясненію кассац. деп. правит. сената, выраженному въ его рѣшеніи за 1870 г., № 1091, слѣдовало придти къ убѣжденію, что договоры могутъ быть одновременно заключаемы какъ объ имуществѣ, такъ и о дѣйствіяхъ, что предметомъ обязательствъ суть всегда дѣйствія, которыя могутъ быть требованы, и дѣйствія какъ предметъ обязательствъ, могутъ или служить къ установленію вещнаго права, или обусловливать дѣятельность всякаго рода, на которую по договору

обязываются. Поставивъ затѣмъ на видъ, что въ слѣдствіе необезпеченія со стороны судебныхъ учрежденій, ея иска, послѣ выдачи правительствомъ выкупной ссуды, она лишилась возможности осуществить свое кредиторское право, по случаю поступленія ея собственности на уплату долговъ и не имѣетъ никакой гарантіи, за отчужденіемъ родовыхъ имѣній въ постороннія руки, послѣ предъявленія его иска, княгиня Голицина кромѣ кассаціонныхъ требованій обращаетъ вниманіе правительствующаго сената что наше законодательство съ замѣчательною послѣдовательностію проводило всегда начала раздѣльности имуществъ между супругами. Мужья никогда незанимали, по ея мнѣнію,—юридически мѣста распорядителей и владѣльцевъ, хотя фактически и не гласно присвояли себѣ власть надъ имуществомъ женъ. Свободно было и право вступать взаимно въ обязательства и не было ограниченій во взаимныхъ соглашеніяхъ въ дѣйствіяхъ, явно невоспрещенныхъ закономъ, какъ напримѣръ: временное жительство въ разныхъ мѣстностяхъ, отдѣльныхъ домахъ, безъ расторженія брачнаго союза, и опредѣленное другъ другу назначеніе содержанія, по соглашенію, въ особенности изъ родовыхъ имѣній, на текущіе расходы, или на заграничныя путешествія? Мы, съ своей стороны, присоединяясь къ мнѣнію, по настоящему дѣлу, высказанному въ № 42, Суд. Вѣст. за 1869 г., А. Гордонъ и не соглашаясь съ воззрѣніями г. Думашевскаго, будемъ, съ нетерпѣніемъ ждать окончательнаго разрѣшенія отъ высшаго учрежденія по части толкованія смысла законовъ и примѣненія ихъ къ данному случаю, не входя пока въ критическую оцѣнку различныхъ взглядовъ. Но вмѣсто того дополнимъ это замѣчательное дѣло новыми рѣшеніями, намъ извѣстными, состоявшимися во время сего процесса. Такъ, по смерти князя Федора Андреевича Голицина, когда оставшіяся послѣ него родовыя имѣнія, за неявкою наслѣдниковъ, поступили въ опекунское управленіе двухъ лицъ, то, въ 23 день декабря 1869 г., у г. мироваго судьи Пречистенскаго участка, г. Москвы, происходило разбирательство, на основаніи 30 ст. суд. уст. по совѣсти, двухъ явившихся къ нему лицъ, знавшихъ всѣхъ наслѣдниковъ, но умолчавшихъ объ нихъ въ качествѣ истца и отвѣтчика, которое и кончилось составленіемъ судебнаго протокола, слѣдующаго содержанія: „По предъявленіи иска присяжнаго стряпчаго Петра Емельянова Иванова, въ 45907 р. 84 к., къ князю Владиміру Ѳедоровичу Голицину онъ заявилъ, что

согласенъ разбираться по совѣсти у мироваго судьи Пречистенскаго участка, по 30 ст. уст. гражд. и что онъ только желаетъ, чтобы сумма убытковъ была, по возможности провѣрена и оцѣнена судомъ, такъ какъ онъ находитъ сумму ихъ не совсѣмъ доказательною, сознавая, что отъ уничтоженія довѣренности отцомъ его и отъ начатія двухъ уголовныхъ дѣлъ, противъ Иванова, онъ Ивановъ, дѣйствительно потерпѣлъ убытки, и что единственной причиной уничтоженія довѣренности было то, что по ней Иванову слѣдовало получить съ князя Голицина 26000 р., которые князь Голицинъ не желалъ платить. Противъ этого г. Ивановъ, оставляя въ сторонѣ нравственную потерю, въ слѣдствіе того, что князь началъ противъ него искъ уголовный по двумъ дѣламъ, и обращаясь только къ вещественнымъ убыткамъ, указалъ, что онъ, будучи, обязанъ подпиской о не выѣздѣ изъ Москвы, не могъ исполнить многихъ порученій, взятыхъ имъ на себя отъ частныхъ лицъ по дѣламъ ихъ, за уничтоженіемъ княземъ довѣренности лишился возможности получить 26000 руб. и цифра, назначенная имъ, 26000 р. очень мала. Князь созналъ, что Ивановъ могъ бы получить 30 т., если бы довѣренность отцомъ его не была уничтожена, и потому онъ сознаетъ обязаннымъ уплатить ему 15 тысячъ изъ нихъ, такъ еще неизвѣстно кончилъ ли бы Ивановъ дѣла въ два года, если бы довѣренность не была уничтожена. Затѣмъ Ивановъ заявилъ, что онъ прожилъ, слѣдовательно добивалъ до уголовныхъ дѣлъ надъ нимъ, по 8 тысячъ въ годъ; и потомъ сталъ получать только по 5 т. и 4 т., слѣдовательно въ 4 года потерпѣлъ убытки 12000 т. Князь предложилъ 10 т. р. т. е. предложилъ получить г. Иванову *изъ имѣнія покойнаго Коллежскаго Ассесора князя Ѳедора Андреевича Голицына*, для прекращенія всѣхъ разсчетовъ и исковъ сумму въ сорокъ три тысячи съ тѣмъ, чтобы на имѣніе было *наложено запрещеніе, а г. Иванову выданъ былъ исполнительный листъ*. На это условіе согласился и Ивановъ: опекунъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Голицынъ, провинціальный секретарь Петръ Емельяновъ Ивановъ, Мировой судья Романовъ." Декабря 29-го по этому протоколу былъ выданъ исполнительный листъ и отправлено сообщеніе въ С.-Петербургскую сенатскую типографію, о наложеніи повсемѣстнаго запрещенія на родовыя имѣнія князя Голицына, отъ того же мироваго судьи за № 4744. Съ этимъ исполнительнымъ листомъ г. Ивановъ обратился прежде всего въ Тверской окружный судъ о назначеніи

судебнаго пристава; но г. предсѣдатель ему отказалъ; почему онъ предъявилъ таковой Бѣжецкому мировому съѣзду и, обративъ искъ на недвижимое имѣніе, заключавшееся изъ 2160 душевыхъ надѣловъ, съ разрѣшенною ссудою къ выдачѣ, за удержаніемъ долговъ 18000 р. съ лѣсами и пустошами, описалъ его и цѣнилъ, по взаимному соглашенію съ однимъ опекуномъ, въ 9000 р.; на которое и произведены были въ съѣздѣ торги, 1 ноября 1870 года. Но затѣмъ, въ слѣдствіе полученныхъ мировымъ съѣздомъ свѣдѣній, что опекуновъ надъ имѣніемъ Голицына, два, а не одинъ, послѣдовало, въ 21 день ноября, 1870 г. слѣдующее рѣшеніе: „По указу Его Императорскаго Величества, Бѣжецкій съѣздъ мировыхъ судей, въ составѣ: предсѣдателя В. В. Штюрмеръ, участковыхъ мировыхъ судей, Н. А. Чаплина и И. П. Ресина, Д. П. Эдингъ и при и. д. секретаря П. Д. Діевскомъ, разсмотрѣвъ жалобу довѣреннаго Звѣрева, г. Садикова, состоящую въ обжалованіи дѣйствій судебнаго пристава и производства торговъ по имѣнію князя Ѳедора Андреевича Голицына состоящему въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Замытьѣ, съ деревнями, нашелъ, что Садиковъ подалъ прошеніе непремѣнному члену, съ нарушеніемъ ст. 1202, 1204 уст. граж. суд. по этому дѣйствія судебнаго пристава и примѣненіе имъ законовъ, съѣздъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія. Приступая же къ разсмотрѣнію обряда не исполненія законовъ, по торгамъ совершеннымъ 1 ноября 1870 г., при мировомъ съѣздѣ, судебнымъ приставомъ Суворовымъ, въ присутствіи непремѣннаго члена В. А. Попова, съѣздъ находитъ, что нѣтъ опредѣленія пристава о томъ: признаетъ ли онъ Звѣревъ кредиторомъ Голицына, имѣющимъ право на полученіе суммы, могущей быть вырученной при продажѣ имѣнія. Затѣмъ съѣздъ усматриваетъ, что на имѣніи князя Ѳедора Голицына, по увѣдомленію Бѣжецкаго уѣзднаго казначейства, состоитъ недоимка, въ размѣрахъ 96 руб. 72 к. и кромѣ того изъ дѣла видно, что *Тверская дворянская опека удостовѣряетъ, что опекуновъ два: Владиміръ и Константинъ Голицыны*, а Владиміръ Голицынъ единолично представляетъ личность отвѣтчика, не удостовѣряя свое право довѣренностію отъ соопекуна и заявленіе его, что нѣтъ малолѣтнихъ нельзя считать достаточнымъ, потому что ст. 277, т. X, ч. 1, возлагая на присутственное мѣсто, допустившее продажу, тѣмъ требуетъ по дѣламъ имѣній, состоящихъ подъ опекою, надлежащихъ свѣдѣній о правахъ владѣльцевъ, что во всемъ производствѣ не

исполнено. Почему съѣздъ, усматривая нарушеніе ст. 1162 уст. гражд. суд.,—такъ какъ изъ производства не видно, что деньги недоимочныя уплочены, а упоминается только въ актѣ укрѣпленія о взносѣ однихъ крѣпостныхъ пошлинъ, затѣмъ отсутствіе опредѣленія правъ Звѣрева на участіе въ суммѣ, вырученной на торгахъ, устраняетъ ст. 1167 уст. гражд. суд., по которой сумма должна быть разверстана между кредиторами, на часть Звѣрева кредиторъ Ивановъ обязанъ былъ внести деньгами, то усматривая означенное нарушеніе, въ силу 1170 ст. п. 3. уст. гражд. суд., съѣздъ постановилъ: торги признать несостоявшимися и уничтожить всѣ его послѣдствія; ст. 1176 и 1177 уст. гражд. суд. оставить безъ примѣненія до разрѣшенія вопроса о количествѣ суммы, подлежащей взносу, въ пользу кредитора Звѣрева. Требуемые документы выдать г. Садикову. О выдачѣ копій съ журнала и постановленій непремѣннаго члена указать ему обратиться къ означеннымъ лицамъ. Судебному приставу предписать, по всѣмъ продажамъ имѣній, состоящихъ въ опекѣ, требовать удостовѣреній о правѣ на продажу изъ подлежащихъ опекъ.“ Заснмъ по полученіи просьбы Иванова объ укрѣпленіи за нимъ имѣнія, въ суммѣ оцѣнки, по случаю неявки желающихъ на тѣ торги, мировой съѣздъ, 19 февраля, 1872 года постановилъ другое рѣшеніе, именно: „выслушавъ отношеніе Кашинскаго окружнаго суда, отъ 1 февраля, за № 302 и копію съ его опредѣленія, по вопросу о разверсткѣ цѣны имѣнія князя Голицына, между его кредиторами, нашелъ, что Кашинскій окружный судъ, оставивъ безъ послѣдствій разверстку суммы, данной на торгу за имѣніе Замытье, тѣмъ самымъ и принялъ отвѣтственность на себя, и такъ какъ дѣло это не представляетъ пререканія о подсудности, а оба суда и мировой и окружный согласны въ подсудности этого дѣла общимъ судебнымъ мѣстамъ, то съѣздъ, принявъ это сообщеніе, опредѣлилъ: оставить это дѣло безъ послѣдствій.“ Между тѣмъ пока происходила переписка, г. Ивановъ. въ качествѣ неудовлетвореннаго кредитора потому же исполнительному листу, обратилъ взысканіе на другое родовое имѣніе умершаго князя Голицына, село Матвѣевское Кашинскаго уѣзда, въ которомъ запродавъ, до полученія данной, лѣсную дачу за 18000 руб. и получивъ задаточныя деньги съ покупщиковъ, явился на торги, происходившіе въ Кашинскомъ окружномъ судѣ, 31 мая, 1871 г., куда предъявивъ свой листъ, успѣлъ въ уплату онаго укрѣпить

за собою родовое имѣніе и, совершивъ вводъ во владѣніе, докончилъ свою запродажу совершеніемъ акта и такимъ образомъ сдѣлался владѣльцемъ, а законные наслѣдники остались съ однимъ голымъ правомъ на искъ, въ слѣдствіе того отчасти что другой соопекунъ не имѣлъ возможности, своевременно, воспрепятствовать совершенію сдѣлки и выдачи по ней безъ его согласія, исполнительнаго листа. Но между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что по кассаціоннымъ жалобамъ княгини Голицыной и дочери ея г. Варенцовой, подданнымъ ихъ повѣреннымъ г. Миловымъ на неправильное утвержденіе мировымъ судьею сдѣлки на имѣніе, бывшее въ опекунскомъ управленіи 2 лицъ и въ виду ими представленныхъ доказательствъ о фиктивности иска г. Иванова, въ съѣздѣ мировыхъ судей, 1 округа г. Москвы, 26 мая, сего года, состоялось опредѣленіе о пріостановленіи дѣйствій судебнаго пристава, исполняющаго рѣшеніе мироваго судьи Пречистенскаго участка, по утвержденной имъ мировой сдѣлкѣ, впредь до разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ, по существу. Въ виду предстоящаго въ скоромъ времени разбирательства этого дѣла въ съѣздѣ мировыхъ судей, оставляя за собой право ознакомить читателей, „Юридическаго вѣстника“ съ содержаніемъ самыхъ жалобъ и могущаго послѣдовать рѣшенія, мы дополняемъ свой очеркъ помѣщеніемъ еще опредѣленій 2-го отдѣленія Тверскаго окружнаго суда, состоявшихся въ охранительномъ порядкѣ какъ затрогивающихъ также весьма существенныя формальные вопросы о порядкѣ предъявленія наслѣдственныхъ правъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1870 г., изъ числа наслѣдниковъ послѣ умершаго князя Голицына, обратились съ просьбами—сынъ его, князь Константинъ Ѳедоровичъ Голицынъ и дочь, жена, дѣйствительнастатскаго совѣтника, Софія Ѳедоровна Варенцова, съ представленіемъ родословной, засвидѣтельствованной депутатскимъ собраніемъ, метрическихъ свидѣтельствъ о смерти и другихъ документовъ. При чемъ Константинъ Голицынъ, заявивъ суду, что его братъ Владиміръ, состоя съ нимъ совмѣстнымъ опекуномъ по наслѣдственнымъ имѣніямъ, не доставляетъ ему крѣпостныхъ документовъ, необходимыхъ какъ при составленіи описей на званіе опекуна, такъ и при утвержденіи въ правахъ и при вводѣ затѣмъ во владѣніе; почему и ходатайствовалъ объ истребованіи таковыхъ согласно 442 и 443 ст. суд. устава, отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ правъ на бѣжецкое имѣніе; окружный судъ разсмотрѣвъ дѣло, въ 1 день мая, 1870 года, отказалъ князю Кон-

стантину Голицыну въ утвержденіи *единственно за недоставленіемъ ко дню засѣданія выписи изъ метрическихъ книгъ о времени его рожденія*, утвердивъ въ тоже время одну г. Варенцову въ $^1/_{14}$ къ недвижимому и $^1/_8$ къ движимому. Въ слѣдствіе чего въ тоже время князь Константинъ Голицынъ обратился съ просьбой въ духовную консисторію, которая доставила суду не достающій документъ за № 2629. Въ виду пріобщенія его къ дѣлу князь Константинъ Голицынъ не требовалъ особаго назначенія засѣданія, а ожидалъ представленія просимыхъ имъ, чрезъ судъ, крѣпостныхъ актовъ отъ своего брата, князя Владиміра; но сей послѣдній, обратясь въ тотъ же судъ съ прошеніемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года и получивъ по словесной просьбѣ своего повѣреннаго, копіи съ представленныхъ княземъ Константиномъ Голицинымъ документовъ въ доказательство своего родства, ходатайствовалъ признать наслѣдникомъ къ имѣнію умершаго отца его одного, во всѣхъ остальныхъ $^{13}/_{14}$ частяхъ къ недвижимому и $^7/_8$ къ движимому, объяснивъ суду, что объ этомъ онъ ходатайствуетъ по случаю неявки другихъ. Въ слѣдствіе этой просьбы, въ окружномъ судѣ, во 2 день мая, 1872 года, состоялось частное опредѣленіе. Затѣмъ дѣйствительный студентъ Владиміръ Константиновичъ Оленинъ, 28 апрѣля, сего года, представилъ довѣренность данную ему просителемъ на ходатайство по всѣмъ дѣламъ, копію резолюціи Тверскаго окружнаго суда состоявшейся 1 мая 1870 г. объ утвержденіи жены статскаго совѣтника Софіи Варенцовой въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Ѳедора Голицына движимому $^1/_8$ и недвижимому $^1/_{14}$ частяхъ, копію метрическаго свидѣтельства Тверской духовной консисторіи за № 747 о смерти наслѣдодателя Ѳедора Андреевича Голицына, послѣдовавшей 18 мая 1869 года, копію съ удостовѣренія мироваго судьи 1 участка, г. Твери, за № 7 и 492 о вызовѣ наслѣдниковъ къ имѣнію Ѳедора Андреевича Голицына, изъ которой видно, что послѣдняя публикація была пропечатана въ сенатскихъ объявленіяхъ 19 іюня, 1869 г., за № 49, въ ст. 3886 и копія родословной рода гг. Голицыныхъ (т. е. всѣ тѣ документы, которые были представлены княземъ Константиномъ Голицынымъ при своемъ прошеніи). Принимая во вниманіе, что близость родства просителя Владиміра Голицына съ наслѣдодателемъ Ѳедоромъ Голицынымъ вполнѣ доказана, который приходится ему сыномъ, что вызовъ наслѣдниковъ произведенъ установленнымъ порядкомъ въ за-

конѣ и что правъ своихъ на отыскиваемое имущество, кромѣ его, просителя, никто непредъявилъ (неправда фактическая) и что наслѣдодатель дѣйствительно умеръ, окружный судъ находитъ, что проситель Владиміръ Голицынъ долженъ быть утвержденъ въ правахъ наслѣдства къ имѣнію отца его князя Ѳедора Андреевича Голицына, совсѣми правами и обязанностями, указанными въ ст. 1258 и 1259 т. X, ч. I, къ недвижимому въ $^{13}/_{14}$, а движимому къ $^{7}/_{8}$ частяхъ. По симъ основаніямъ *опредѣляетъ*: «утвердить просителя, князя Ѳедора Андреевича Голицына совсѣми правами и обязанностями, указанными въ ст. 1259 и 1289 т. X, ч. I, зак. гражд., къ недвижимому въ $^{13}/_{14}$, а движимому въ $^{7}/_{8}$ частяхъ.“ Копія съ этого опредѣленія выдана 13 мая за № 1594, по которой, имѣя въ рукахъ непстребованныя по просьбѣ князя Константина Голицына крѣпости, князь Владиміръ Голицынъ приступилъ къ совершенію вводовъ во владѣніе и пользованіе доходами, безъ участія даже г. Варенцовой, не взирая на то, что это опредѣленіе окружнаго суда, согласно 1445 ст. охр. суд., въ законный срокъ обжаловано московской судебной палатѣ повѣреннымъ князя Константина Голицына, титулярнымъ совѣтникомъ Миловымъ, съ указаніемъ на нарушеніе со стороны суда формъ судопроизводства, предусмотрѣнныхъ ст. 215, 265, 271, 275, 276, 291, 292, 299 и 305, а равно и на ст. 1408 уст. охранит. въ виду того, что при требованіи княз. Владиміромъ признанія за нимъ наслѣдственныхъ правъ болѣе слѣдующихъ ему по закону, т. X, ч. I, ст. 1121, 1127, 1128, 1130, 1148, 1149, судъ могъ постановить не опредѣленіе, а рѣшеніе въ исковомъ порядкѣ; а если въ охранительномъ, то не иначе, какъ совокупно о правахъ обоихъ братьевъ.

Такимъ образомъ сопоставляя приведенныя опредѣленія Бѣжецкаго мироваго съѣзда и Тверскаго окружнаго суда, мы приходимъ къ тому заключенію, что первый, отмѣняя свои собственныя распоряженія, безъ ходатайства заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, нестѣснился отсутствіемъ сонаслѣдника и соопекуна и тѣмъ самымъ сохранилъ родовыя имѣнія отъ переукрѣпленія за чужеродца, хотя самъ же назначалъ ихъ въ продажу; а послѣдній пользуясь неявкою ко дню засѣданія заявившаго свои права наслѣдника, отстранилъ его отъ признанія и тѣмъ отдалилъ осуществленіе наслѣдственныхъ правъ въ дѣйствительности на неопредѣленное время, лишивъ и общаго пользованія доходами. Спрашивается которое же изъ сихъ опредѣленій болѣе согласно

съ духомъ и разумомъ дѣйствующаго законодательства? Принимая во вниманіе, а) что переходъ родовыхъ имѣній къ чужеродцамъ, помимо кровныхъ наслѣдниковъ охраняется строго законами ст. 996, 998, 1002, 1068 т. X, ч. I; б) что имѣнія родовыя, въ описанные моменты, находились въ опекунскомъ управленіи и представляли болѣе трудностей и препятствій къ переходу, въ виду условій требуемыхъ ст. 543, 544, 546, 547, 1384, 1388, 1389, 1406, 1407 и 1415 т. X, ч. I; с) что о правѣ наслѣдниковъ на отчужденіе родовыхъ имѣній, до вступленія въ фактическое владѣніе, а равно и о правѣ на отрѣченіе ихъ, съ достаточною ясностію было объяснено въ статьѣ г. Любавскаго, напечатанной на 77—84 страницѣ „Юридическаго вѣстника," за 1869 г., въ январской книжкѣ; мы думаемъ, что согласнѣе съ матеріальною правдою и разумомъ законовъ представляются опредѣленія Бѣжецкаго мироваго съѣзда, изъ чего и заключаемъ, что формализмъ, во многихъ случаяхъ неизбѣжный для огражденія правовыхъ отношеній, въ иныхъ бываетъ неумѣстнымъ, когда онъ соблюдается въ ущербъ правдѣ для осуществленія которой вызвалъ къ жизни мировыя судебныя учрежденія. По этому и полагаемъ, что новыя учрежденія въ такомъ только случаѣ выполнятъ свое великое назначеніе, когда будутъ руководствоваться, въ своихъ рѣшеніяхъ не столько буквою, сколько духомъ и разумомъ законовъ, на основаніи ст. 9 уст. гражд. суд: Тогда только „правда и милость будутъ царствовать въ судахъ."

Членъ юридическаго общества.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

409 ст. уст. гр. суд.

(Продолженіе).

Изложивъ существо и формы даренія, мѣны, продажи, закдада, займа, имущественнаго и личнаго наймовъ, подряда и поклажи и примѣненіе къ нимъ 409 ст. уст. гражд. суд. *), мы затронули не безъинтересный вопросъ о значеніи у насъ *словесныхъ обязательствъ*, который по нашему мнѣнію, на основаніи 568, 569, 570, 573, 710, 2 п. 1535, 1700, 1702 и 2226 ст. т. X. ч. I, зак. гражд. долженъ быть разрѣшенъ въ пользу ихъ дѣйствительности и допущенія въ спорахъ, изъ нихъ вытекающихъ, доказательства чрезъ свидѣтелей.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію другихъ случаевъ примѣненія 409 ст. уст. гр. суд.

11) Договоромъ товарищества два или нѣсколько лицъ соединяютъ свои имущественныя средства или свой трудъ, промыселъ на опредѣленное или безсрочное время, для достиженія какой-либо дозволенной цѣли и раздѣленія между собою прибыли, могущей отъ того послѣдовать. Предметомъ этого договора могутъ быть предпріятія по торговлѣ, по застрахованію, по перевозкамъ и вообще по какой бы то ни было промышленности, наконецъ отправленіе службъ и работъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ (т. X. ч. I ст. 2127 и том. XI торг. уст. ст. 2409).

---

*) 5—6 кн. Юрид. Вѣст. 1873.

Товарищества составляются или изъ двухъ или болѣе лицъ, положившихъ за едино дѣйствовать общимъ именемъ всѣхъ, съ солидарною отвѣтственностью, или изъ одного или нѣсколькихъ товарищей, отвѣтственность которыхъ неограничена и одного или многихъ вкладчиковъ, ввѣряющихъ первымъ извѣстныя суммы своихъ капиталовъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, но не имѣющихъ права обязываться на лицо цѣлаго товарищества и отвѣтственныхъ, въ случаѣ разрушенія товарищества, только наличнымъ вкладомъ (т. X. ч. I. ст. 2129, 2130, 2134 и 2135). Отсюда дѣленіе товарищества по русскому праву 1) *на полное* и 2) *на вѣрѣ*. Товарищества по участкамъ и компаніи, опредѣляемыя не общею фирмою, но свойствомъ предпріятія, составляются изъ многихъ лицъ, складывающихъ въ одно опредѣленныя суммы, которыхъ извѣстное число даетъ складочный капиталъ. Общества, составляющіяся для изданія книгъ или иныхъ произведеній наукъ и словесности отнесены къ торговымъ компаніямъ. Товарищества для отправленія службы и работъ у насъ получили свое начало въ учрежденіи биржевыхъ артелей. По гражд. улож. Цар. Польск. товарищество бываетъ или *общее* или *частное*. Первое подраздѣляется на товарищество по всѣмъ имуществамъ настоящимъ и товарищество по всѣмъ прибылямъ. Сущность этого послѣдняго вида общаго товарищества заключается въ томъ, что недвижимое имущество каждаго изъ товарищей, поступаетъ въ товарищество только въ отношеніи пользованія имъ. Частное товарищество не установляетъ общности имуществъ, но обнимаетъ собою только извѣстныя и опредѣленныя вещи или пользованіе ими.

Когда цѣль товарищества состоитъ въ опредѣленномъ предпріятіи или производствѣ какаго-либо ремесла либо промысла, то оно принадлежитъ къ разряду частныхъ товариществъ. Договоръ товарищества когда предметъ онаго превышаетъ 150 фр. долженъ быть заключенъ письменно. Доказательство посредствомъ свидѣтелей не допускается ни противъ содержанія акта, ни въ подтвержденіе того, что говорилось до совершенія, или во время и послѣ совершенія акта.

По гражд. зак. Остзейск. губ. для достиженія цѣли товарищества, участники его могутъ обращать или все свое имущество, или только мыслимыя доли онаго, или отдѣльные предметы, а также содѣйствовать личными своими дѣйствіями, какъ тѣлесными, такъ и умственными. (Ст. 4267). Договору товари-

щества даетъ дѣйствительную силу простое соглашеніе участниковъ *даже* и *безмолвное*, если намѣреніе ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Особой формы для сего договора не требуется. (Ст. 4272).

Какой замѣчательный контрастъ въ приведенныхъ постановленіяхъ граж. улож. Цар. Польск. и гражд. зак. Остзейскаго края! Въ этомъ послѣднемъ какая свобода относительно формы юридическихъ сдѣлокъ! И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть разумнѣе принципа невмѣшательства въ области частнаго права и предоставленія людямъ самимъ заботиться о своихъ правахъ.

По своду зак. гражд. (т. X. ч. I ст. 1531—1535, 2126—2138, 2139—2157), нѣтъ указанія какимъ порядкомъ совершаются договоры товарищества. Временными правилами и формами (собр. узак. 1868 г, № 91) повелѣно нотаріусамъ руководствоваться 2132, 2135, 2145, 2152 и 2167 ст. зак. граж. Но только въ послѣднемъ изъ этихъ узаконеній содержится опредѣленіе порядка передачи акцій, посредствомъ передаточной надписи, отмѣчаемой каждый разъ въ правленіи компаніи и воспрещеніе покупки и продажи акцій въ кредитъ съ поставкою къ извѣстному сроку по извѣстной цѣнѣ, во всѣхъ же предыдущихъ ничего не выражено относительно формы договора товарищества или компаніи. Поэтому, въ данномъ случаѣ, остается руководствоваться 66 ст. полож. о нот. части, имѣя въ виду при томъ что товарищества по участкамъ или компаніи на акціяхъ учреждаются съ Высочайшаго утвержденія (т. X. ч. I ст. 2131).

Уст. торг., въ свою очередь, относительно порядка заключенія договоровъ товарищества ссылается на правила, о договорахъ вообще и о товариществѣ въ особенности, изложенныя въ законахъ гражданскихъ (о торг. обяз. и догов. т. XI ст. 757).

Кассаціонная практика не дала намъ ни одного рѣшенія (съ 1866 по 1871 г. включительно) по этому предмету. Нельзя однако пройти молчаніемъ рѣш. № 454—69 г., которымъ разъяснено, что акціонеры товарищества по участкамъ или компаніи на акціяхъ въ совокупности составляютъ *юридическое лицо*, а актъ, ихъ соединяющій—уставъ, въ предѣлахъ котораго они должны дѣйствовать, требуетъ утвержденія Высочайшей власти. (Ст. 2131, 2140 и 2196 X т. I ч.).

Такъ какъ договоръ товарищества составляется на основаніи общихъ о договорахъ правилъ и въ законахъ не находится разрѣшенія о составленіи его словесно, то при отрицаніи су-

ществованія его, оный не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями.

12) Договоромъ довѣренности, по римскому праву, одинъ изъ контрагентовъ обязывался другому исполнить безмездно какое-либо дѣло, причемъ не дѣлалось различія между operae liberales и illiberales. Когда же повѣренному назначалось за его услуги вознагражденіе, то договоръ терялъ значеніе довѣренности и становился locatio operarum. Довѣренность могла быть дана письменно или словесно или безмолвнымъ соглашеніемъ, rebus ipsis et factis. Къ этому договору примыкаетъ и намѣренное завѣдываніе чужими дѣлами, безъ полномочія на это, но и не вопреки запрещенію хозяина дѣлъ (négotiorum gestio), а обязательства возникающія отъ этого относились къ обязательствамъ quasi ex contractu.

Въ новѣйшихъ кодексахъ напр. въ гражд. улож. Итал. Кор. безмездность не составляетъ существеннаго признака договора довѣренности. Эта послѣдняя можетъ быть явная или подразумѣваемая, частная или же общая. Повѣренный не долженъ совершать дѣйствій выходящихъ изъ предѣловъ довѣренности, обязанъ исполнять порученіе до тѣхъ поръ, пока оно на него возложено и отвѣчаетъ за убытки, происшедшіе отъ неисполненія уполномочія, а также за обманъ и за вину сдѣланную при исполненіи уполномочія, обязанъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и передать довѣрителю все, что получилъ въ силу довѣренности, хотя бы полученное и не слѣдовало довѣрителю и наконецъ отвѣчаетъ за лицо, которому онъ передовѣрилъ исполненіе своей обязанности. (Ст. 1737, 1738, 1740, 1742, 1745, 1746, 1747 и 1748).

Постановленія гр. улож. цар. Польск. весьма сходны съ Итал. Но когда полномочіе дано словесно, то доказательство посредствомъ свидѣтелей допускается по отношенію къ нему не иначе какъ сообразно правиламъ, объ обязательствахъ по договорамъ вообще, слѣдовательно въ случаяхъ, когда предметъ договора не превышаетъ сумму или цѣнность 150 фр., или же когда кредитору было невозможно имѣть письменнаго акта въ подтвержденіе обязательства, возникшаго въ его пользу, каковое исключеніе примѣняется:

1) Въ обязательствахъ, возникающихъ изъ основанія подобныхъ договорамъ (quasi—contrats), изъ преступленій (délits) и изъ подобныхъ имъ основаній (quasi—délits).

2) Къ поклажѣ необходимой.

3) Къ обязательствамъ, заключеннымъ *при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ*, когда невозможно было совершить письменнаго акта.

4) Къ случаямъ, когда кредиторъ, вслѣдствіе событія случайнаго, непредвидѣннаго и вызваннаго непреодолимою силою, утратилъ документъ, служившій ему письменнымъ доказательствомъ.

По гражд. зак. Остз. губ. договоромъ уполномочія одна сторона обязывается исполнить другой въ общемъ порядкѣ *безвозмездно*—извѣстное порученіе. Если при этомъ выговорено вознагражденіе, то договоръ признается уже не уполномочіемъ а договоромъ личной послуги или подряда. Постановленія объ уполномочіи адвокатовъ принадлежатъ къ уставу гражд. суд. Договоръ уполномочія установляется посредствомъ простаго, имѣющаго въ виду его обязательность, соглашенія сторонъ, которое можетъ послѣдовать и безмолвно, если кто завѣдомо допуститъ третье лицо къ веденію своихъ дѣлъ. Уполномоченный, при исполненіи даннаго ему порученія отвѣтствуетъ уполномочившему даже за малѣйшее упущеніе. Субституція не освобождаетъ перваго уполномоченнаго отъ отвѣтственности передъ довѣрителемъ, въ томъ числѣ и за выборъ субститута, который несетъ отвѣтственность *въ качествѣ завѣдывающаго чужими дѣлами безъ порученія*. Повѣренный не долженъ выходить изъ предѣловъ своего порученія и обязанъ своему довѣрителю отчетомъ.

Не безъ намѣренія мы сочли необходимымъ сдѣлать это не большое отступленіе отъ предмета нашего обсужденія. Нашъ св. зак. гражд. обходитъ молчаніемъ юридическія отношенія между повѣреннымъ и довѣрителемъ, возникающія въ силу договора довѣренности. Между тѣмъ ежедневный ходъ дѣлъ убѣждаетъ въ необходимости болѣе точнаго опредѣленія этихъ отношеній для общаго блага. Въ сводѣ зак. гражд. мы не находимъ опредѣленія договора довѣренности. Кассаціонный сенатъ довѣренность называетъ актомъ, которымъ вѣритель уполномочиваетъ повѣреннаго, *на основаніи предшествовавшаго между ними соглашенія*, на совершеніе извѣстныхъ вмѣсто него дѣйствій *по праву представительства*, слѣдовательно неотвергаетъ договорнаго начала. Далѣе кас. сенатъ признавая за вѣрющимъ письмомъ значеніе акта, опредѣляющаго только пространство

полномочія, полагаетъ что юридическія отношенія довѣрителя и повѣреннаго установляются по взаимному ихъ соглашенію *особымъ договоромъ* (рѣш. № 421—67 г.). Это положеніе будучи возможнымъ относительно вознагражденія повѣреннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ по воззрѣнію многихъ законодательствъ имѣетъ мѣсто договоръ *личныхъ послугъ*, едва ли, въ другихъ отношеніяхъ согласно съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ объ обязанностяхъ повѣреннаго. Хотя въ зак. гражд. эти обязанности и неопредѣлены, но руководствуясь 65 ст. основ. зак. т. I, нельзя же обойти, при разъясненіи этого вопроса, постановленій о купеческихъ прикащикахъ (т. XI. уст. тор. ст. 685—720), о правахъ и обязанностяхъ вѣрителя и повѣреннаго (т. X. зак. ч. 2 ст. 191—194 и 48—50 уст. гражд. суд.) *) и объ обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ (учр. суд. уст. 399, 402, 403 и 405 и уст. гражд. суд. (252 и 253 ст.) Впрочемъ кас. сенатъ въ одномъ изъ послѣдующихъ рѣшеній (№ 1039—70 г.) призналъ что изъ договора довѣренности истекаютъ для сторонъ взаимныя обязательства и права: для повѣреннаго не выходить изъ предѣловъ даннаго ему порученія а для довѣрителя принять на свою отвѣтственность все сдѣланное повѣреннымъ въ силу данныхъ ему полномочій. Но очевидно этимъ неисчерпываются взаимныя права и обязанности повѣреннаго и довѣрителя, истекающія изъ существа договора довѣренности.

Для правильнаго обсужденія юридическихъ отношеній между повѣреннымъ и довѣрителемъ не должно смѣшивать акта довѣренности съ договоромъ довѣренности. Этотъ послѣдній, въ наибольшей части случаевъ предшествуетъ выдачѣ вѣрющаго письма. Гражданскіе законы не опредѣляютъ формы договора довѣренности. Правила же изложенныя въ 1535 ст. п. 5, касаются лишь порядка составленія *довѣренностей* (вѣрющихъ писемъ) *домашнимъ порядкомъ* на бытіе при межеваніи, на подачу прошеній апелляціонныхъ и частныхъ. Равнымъ образомъ ст. 46, 47 и 248 уст. гр. суд. представляютъ лишь исключенія изъ общаго порядка о составленіи *вѣрющихъ писемъ*. Что же касается до самаго договора довѣренности, то очевидно, что и по русскому праву, онъ можетъ быть заключенъ какъ нотарі-

*) См. нашу рѣчь книж. 2, Юрид. Вѣст. 1872 г. стр. 11, 12, и 13.

альнымъ, такъ и домашнимъ порядкомъ, на письмѣ или словесно, или безмолвно принятіемъ повѣреннымъ отъ довѣрителя вѣрющаго письма, такъ какъ законами не установлено особой для этого формы.

Вѣрющее же письмо, за исключеніемъ положительно указанныхъ случаевъ, составляется на письмѣ и при томъ на гербовой бумагѣ двухрублеваго достоинства и должно быть явлено для засвидѣтельствованія у крѣпостныхъ дѣлъ, (т. X. ч. 1 ст. 1533). По введеніи въ дѣйствіе полож. о нот. части засвидѣтельствованіе довѣренностей возложено на нотаріусовъ (1 п. 65 ст.). Врем. правил. и фор. (собр. уз. 1868 г. № 91) въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ нотаріусовъ, засвидѣтельствованіе довѣренности разрѣшено мировымъ судьямъ (ст. I. п. д.). Кромѣ того и полиція имѣетъ право засвидѣтельствованія довѣренности, даваемой присяжному повѣренному (2 п. 248 ст. уст. гр. суд.). Наконецъ на ходатайство въ мир. суд. уст. заявленіе можетъ быть удостовѣрено мировымъ судьею, нотаріусомъ, полиціею или мѣстнымъ волостнымъ начальствомъ (ст. 47 уст. гр. суд.). Приговоры обществъ на хожденіе по дѣламъ общественнымъ равносильны акту довѣренности (т. X. ч. I ст. 2323). И такъ въ формахъ у насъ не замѣчается недостатка.

По вопросу дѣйствительно ли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, препорученіе безъ формальной довѣренности кас. сенатъ (рѣш. № 777—70 г.) по дѣлу Базилевскаго въ которомъ мировыми суд. уст., по ссылкѣ на обычное право и 687 ст. т. X. ч. I, признано было обязательнымъ для довѣрителя отдача управляющимъ съ вѣдома его, не снабженнымъ установленною довѣренностью, въ которму земли, нашелъ во 1-хъ неумѣстнымъ, въ данномъ случаѣ, примѣненіе обычнаго права по той причинѣ, что для опредѣленія отношеній довѣрителя къ позѣренному существуетъ 2326 ст. т. X. ч. I и во 2-хъ что и по 687 ст., господа и вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій, сообразно съ приказаніемъ или *полномочіемъ*. По мнѣнію г. Думашевскаго (спст. св. рѣш. кас. т. I стр. 405) кас. сенатъ въ противность приведенному рѣшенію призналъ, *что договоры, заключенные управляющимъ имѣніемъ безъ довѣренности на то, обязательны для владѣльца имѣнія, если договоры эти были извѣстны сему послѣднему* (рѣш. № 1384—70 г.). Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого сенатскаго рѣшенія

оказывается, что кас. сенатъ главнымъ образомъ въ дѣлѣ Пассекъ принялъ въ соображеніе, что рѣшеніе Харьковской судебной палаты основано было на томъ, *что г. Пассекъ, неотвергая того, что имъ предоставлено было Соллогубу право завѣдывать его имѣніемъ, призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ условія договора, заключеннаго Соллогубомъ съ Коротенкомъ, такъ и то, что симъ послѣднимъ договоръ былъ исполненъ*, и что палата присудила съ Пассека взысканіе въ пользу Коротенковой не потому, *чтобы признала дѣйствія управляющаго имѣніемъ, хотя бы онъ и не имѣлъ довѣренности отъ владѣльца, для сего послѣдняго безусловно обязательными*, а потому что въ виду ея было признаніе отвѣтчика и что *не касаясь общаго вопроса объ отвѣтственности владѣльцевъ за распоряженія управляющихъ ихъ имѣніями*; палата имѣла основаніе опредѣлить, что ссылка Пассека на ст. 470 и 2326 X. т. ч. I въ данномъ случаѣ не имѣла значенія.

Кажется приведенныхъ словъ изъ послѣдняго рѣшенія достаточно, чтобы убѣдиться въ отсутствіи противорѣчія въ кас. рѣш. по дѣламъ Базилевскаго и Пассекъ.

Что же касается значенія словесныхъ довѣренностей, то по своду зак., кромѣ случаевъ рукоприкладства за неграмотнаго, оныя считаются недѣйствительными (т. X. ч. 2. ст. 188). Но уставомъ гражданскаго судопроизводства разрѣшено словесное заявленіе объ избраніи повѣреннаго на ходатайство въ мировыхъ суд. уст. (ст. 46). Въ общихъ же судебныхъ мѣстахъ это право имѣетъ силу только при избраніи повѣреннаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (3 п. 248).

Кас. рѣшенія правит. сената, разъясняющія, что не обычай, а содержаніе довѣренности опредѣляетъ объемъ полномочій (№ 777—70), что не помѣщеніе въ довѣренности требуемыхъ 2307 ст. т. X. ч. I выраженій не влечетъ за собою недѣйствительность акта (№ 1196—69), что право довѣрителя избранія нѣсколькихъ уполномоченныхъ для веденія одного и того же дѣла и прекращенія довѣренности не можетъ быть ограничено никакимъ условіемъ (№ 421—67), что уполномочіе на заключеніе договора объ отдачѣ въ наемъ недвижимаго имущества должно быть совершено установленнымъ порядкомъ (№ 979—69), не имѣютъ отношенія къ разсматриваемому нами предмету. Для насъ важно, указанное нами прежде рѣшеніе № (1263 – 69 г.) по которому кас. сенатъ нашелъ, что договоръ найма повѣрен-

наго, не принадлежащаго къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, долженъ быть заключенъ письменно. Считаемъ необходимымъ разсмотрѣть подробнѣе это кас. рѣшеніе по дѣлу Колпакова съ Микульшиной. Вдова полковника Микульшина уполномочила Колпакова довѣренностью на веденіе въ московскомъ окружномъ судѣ дѣла ея съ Микульшинымъ по сохранной роспискѣ 3250 р. Дѣло это было рѣшено въ пользу Микульшиной. Эта послѣдняя уничтожила данную ею г. Колпакову довѣренность, не уплативъ ему условленнаго 10% съ присужденной суммы вознагражденія. При разбирательствѣ этого дѣла въ мир. суд. уст. повѣренный отвѣтчицы, не отрицая того, что Колпаковъ въ качествѣ повѣреннаго, выигралъ дѣло, возражалъ что исковыя требованія Колпакова не подлежали удовлетворенію за непредставленіемъ истцемъ письменнаго договора и за невозможностью примѣненія къ данному случаю 396 и 399 ст. учр. суд. устан., какъ относящихся исключительно до присяжныхъ повѣренныхъ. На основаніи чего мировой съѣздъ въ искѣ Колпакова, по бездоказательности отказалъ. Колпаковъ, въ кассаціонномъ порядкѣ, просилъ по неправильному толкованію 396 ст. учр. суд. уст. и по нарушенію съѣздомъ 2224 и 2226 ст. т. X. ч. I отмѣнить рѣшеніе послѣдняго. Кассац. сенатъ жалобу Колпакова оставилъ безъ послѣдствій потому, что въ виду спора противъ Колпакова на предъявленіе иска съѣздъ имѣлъ достаточное основаніе признать, что такса для присяжныхъ повѣренныхъ не могла служить поводомъ къ предъявленію требованій лицемъ, непринадлежащимъ къ этому сословію и что самое право Колпакова не доказано.

Не говоря уже о томъ, что кас. сенатъ прежними своими рѣшеніями по вопросу о значеніи не формальныхъ договоровъ личнаго найма призналъ: а) что юридическія отношенія, возникающія изъ этого договора, по закону должны быть опредѣлены въ установленномъ порядкѣ *на случай спора* (№ 372—68 г.) и б) что когда эти договоры не отвергаются сторонами и споръ происходитъ лишь о значеніи и силѣ договоровъ, то нѣтъ основанія признавать ихъ неподлежащими разсмотрѣнію и разрѣшенію суда (№ 380—68 г. № 350 и 570—69), мы находимъ, что въ дѣлѣ Колпакова:

1) Непредстояло сомнѣнія въ существованіи договора довѣренности, какъ въ виду представленнаго имъ удостовѣренія

окружнаго суда о судебныхъ издержкахъ, такъ и по не отрицанію повѣреннымъ Микульшиной этого обстоятельства.

2) Со стороны отвѣтчицы не было указанія на то, чтобы Колпаковъ принялъ веденіе ея дѣла безвозмездно или же, что она съ нимъ въ этомъ разочлася.

3) Допуская даже, что 396 и 399 ст. учр. суд. уст. исключительно относятся до присяжныхъ повѣренныхъ и имѣя въ виду, что вознагражденіе лицъ непринадлежащихъ къ этому сословію закономъ не опредѣлено, судъ, руководствуясь 9 ст. уст. гр. суд., при спорѣ о количествѣ вознагражденія между довѣрителемъ и повѣреннымъ, неимѣющимъ званія присяжнаго повѣреннаго, долженъ былъ опредѣлить размѣръ вознагражденія по таксѣ и 4) что въ виду такихъ данныхъ право Колпакова на полученіе вознагражденія по таксѣ не могло быть, отвергнуто.

Этотъ примѣръ наглядно показываетъ къ чему ведутъ формализмъ и легальныя доказательства.

Мы далеки однако же отъ мысли отрицать всякое значеніе гражданскихъ актовъ, тамъ гдѣ установленіе болѣе или менѣе строгихъ формъ вызвано необходимостью охраненія общаго порядка. Какъ напр. въ способахъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Но во всякомъ случаѣ эти случаи должны быть ясно выражены въ законахъ, самыя формы не должны быть слишкомъ сложны, наконецъ чтобы оныя были общеизвѣстны—это послѣднее условіе достигается однообразнымъ примѣненіемъ формъ, какъ нотаріальными, такъ и судебными установленіями. Обращаясь къ процессуальнымъ формамъ, намъ невольно приходятъ на память мысли Бентама: *) „Что такое ложное правило въ дѣлѣ судопроизводства? Это правило которое вноситъ противорѣчіе между рѣшеніемъ судьи и закономъ; которое заставляетъ судью постановлять рѣшенія противно его внутреннему убѣженію, жертвовать существомъ дѣла формѣ, судитъ въ качествѣ служителя закона, иначе, нежели бы онъ судилъ въ качествѣ частнаго лица. Въ этихъ случаяхъ, искусство охуждено художниками, они сами себя въ томъ изобличаютъ потому что, облекаясь званіемъ судьи, они не могутъ перестать быть людьми. Способъ дѣйствія можетъ быть вынужденъ, но это не приложимо къ сужденію: дѣйствіе входитъ въ

*) Traité des preuves judiciaires

область искусства, чувство же есть достояніе природы. Когда судья, по уставамъ судопроизводства, освобождаетъ обвиняемаго, признаваемаго по силѣ закона виновнымъ, когда онъ лишаетъ гражданина права, ему принадлежащаго, которое, по убѣжденію его, законъ имѣлъ въ виду за нимъ сохранить, однимъ словомъ когда дѣло получаетъ исходъ противный тому, котораго слѣдовало бы ожидать по совѣсти отъ независимаго судьи, можно быть увѣреннымъ, что правила плохія.» «Законы судопроизводства на столько совершенны, на сколько, они содѣйствуютъ къ осуществленію матеріальнаго права.»

Что же касается до *предустановленныхъ*, письменныхъ доказательствъ, Бентамъ къ нимъ относитъ тѣ, которыхъ совершеніе и соблюденіе законъ установилъ отвлеченно отъ бытія какого-либо права или обязательства, такъ что предъявленіе ихъ необходимо для установленія этого права или обязательства. Главная польза ихъ заключается не столько въ разрѣшеніи споровъ, сколько въ предупрежденіи ихъ; они имѣютъ, если можно выразиться силу *противоспорную*. Достоинство ихъ еще совершеннѣе, потому что ими, не замѣчая и постоянно, мы пользуемся единственно потому, что эти доказательства существуя, устраняютъ безъ издержекъ и безъ суда, правонарушенія, которыя не замедлили бы проявиться, еслибы не было средства этимъ доказательствамъ придать характеръ постоянства. Къ побочнымъ достоинствамъ предустановленныхъ доказательствъ Бентамъ, между прочимъ относитъ и то, что судьи этимъ способомъ достигаютъ скорѣе полной увѣренности въ своихъ рѣшеніяхъ, что этимъ ускоряется самое производство и облегчаются занятія суда.

Но знаменитый юристъ-консультъ, разсуждая такимъ образомъ, имѣлъ въ виду основной принципъ, что судъ и въ этомъ случаѣ не долженъ быть поставленъ въ положеніе насилующее его убѣжденіе и совѣсть.

Болѣе близкое и практическое ознакомленіе съ различными формами должно привести къ тому заключенію, что установленіе ихъ полезно, какъ руководство, а не какъ безусловное правило. Возмемъ для примѣра нашъ бывшій крѣпостной порядокъ совершенія актовъ. Кому изъ дѣловыхъ людей небезъизвѣстно, что обрядъ присутствія и подписи свидѣтелей подъ актами дѣйствительнаго значенія не имѣлъ, такъ какъ при крѣпостныхъ экспедиціяхъ находились сторонніе бѣдные люди, которые это

дѣло обращали въ ремесло и подписывали все предлагаемое. Какая гарантія въ удостовѣреніи самоличности совершающихъ актъ, ихъ психическаго состоянія и непринужденнаго согласія! (т. X. ч. I. ст. 809). И что же—дѣло все таки шло своимъ порядкомъ по весьма простой причинѣ. Контрагенты сами озабочивались, каждый въ интересѣ своемъ, чтобы актъ былъ совершенъ правильно. То же самое, только въ меньшемъ размѣрѣ, нынѣ дѣлается и въ нотаріальныхъ учрежденіяхъ. И всегда это будетъ повторяться въ частномъ правѣ, гдѣ всякій хозяинъ своему дѣлу. Формы не спасаютъ ни отъ недобросовѣстности, ни отъ обмановъ, ни даже отъ подлоговъ въ актахъ. Затѣмъ при сложности неопредѣленности и малоизвѣстности ихъ имѣютъ ту невыгоду, что незначительное опущеніе влечетъ нерѣдко, при господствѣ формализма, потерю самаго права.

Формы, выражая сущность права отвлеченно отъ его предмета, какъ скоро становятся преобладающимъ факторомъ въ дѣлѣ правосудія—то это послѣднее низводится на степень жалкой рутины, тормозящей развитіе идеи правды, отдаляющей служителей ея отъ науки и погружающей ихъ въ ту сладкую умственную дремоту и безпечность, которая можетъ быть весьма пріятною для людей, не сознающихъ всей важности судейской обязанности, но чрезвычайно грустною для каждаго человѣка, преданнаго интересамъ родной земли, правдѣ и закону.

Въ заключеніе нашихъ соображеній о существѣ договора довѣренности и отношенія его къ процессуальнымъ правиламъ, выраженнымъ въ 409 ст. уст. гражд. суд. мы думаемъ:

1) Что права и обязанности повѣреннаго и довѣрителя, истекающія изъ *права представительства* на судѣ должны быть отнесены къ области судебнаго права (droit judiciaire) на томъ основаніи, что рано или поздно адвокатура должна же потерять характеръ частнаго отношенія и сложиться въ стройное учрежденіе въ общей системѣ судебной организаціи.

2) Договоръ довѣренности, какъ основанный на *правѣ представительства*, ничего общаго не имѣетъ съ договоромъ *личнаго найма*. Въ этомъ послѣднемъ лицо, обязавшееся къ личнымъ послугамъ, не заступаетъ хозяина, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣйствуетъ по его приказанію, или препорученію. Ст. 687. т. X: ч. I. зак. гражд., опредѣляющая отвѣтственность господъ за ихъ слугъ и вѣрителей, за ихъ повѣренныхъ исходитъ не изъ *права представительства* а изъ фактовъ событій,

производящихъ перемѣну въ юридическомъ положеніи лица, фактовъ, которые могутъ быть предотвращены благоразумными мѣрами господъ и вѣрителей, въ зависимости отъ которыхъ состоятъ какъ слуги, такъ и повѣренные ихъ. По Русскому праву безмездность не составляетъ существеннаго признака договора довѣренности. По этому и нѣтъ надобности *въ особомъ* договорѣ для опредѣленія юридическихъ отношеній между вѣрителемъ и повѣреннымъ. Для дѣйствительности договора довѣренности достаточно принятія повѣреннымъ акта довѣренности, который по 568 т. X. ч. I, можетъ быть совершенъ по предшествовавшему письменному, или словесному договору, или даже по одностороннему желанію довѣрителя и послѣдующему затѣмъ согласію повѣреннаго принять полномочіе къ исполненію. Законъ не установляетъ спеціальной для сего формы.

3) Но если смотрѣть даже на возмездный договоръ довѣренности какъ на сдѣлку *личнаго найма*, то и въ этомъ случаѣ при отсутствіи закона воспрещающаго заключеніе этого договора словесно подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ недѣйствительности онаго и на основаніи кассац. рѣшеній, нами приведенныхъ, подобный договоръ и при составленіи его съ нарушеніемъ правилъ въ 2224 ст. т. X. ч. I указанныхъ, подлежитъ исполненію, когда существованіе его не отвергается на судѣ сторонами или подтверждается другими обстоятельствами дѣла.

4) Что во всѣхъ случаяхъ, когда существованіе словеснаго договора довѣренности не подлежитъ сомнѣнію, то для опредѣленія взаимныхъ обязательствъ, принятыхъ довѣрителемъ и повѣреннымъ нѣтъ основанія устранять доказательство чрезъ свидѣтелей.

5) Что при невозможности опредѣлить количество вознагражденія, слѣдующаго повѣренному, не принадлежащему къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, надлежитъ по 9 ст. уст. гр. суд., руководствоваться таксою, установленною для послѣднихъ.

и 6) Что необходимо признаніе со стороны законодательства и negotiorum gestio, какъ не противное общему порядку и дѣйствительно существующее въ нашемъ гражданскомъ быту явленіе.

13. Договоромъ страхованія одна изъ сторонъ обязывается за извѣстное періодическое вознагражденіе, премію, отвѣтственностью за вредъ, который другая могла бы понести въ случаѣ наступленія, безъ ея вины, какого-либо опредѣленнаго, *несчаст-*

наго событія, какъ напр. кораблекрушенія, пожара и т. п. Принимать *на страхъ* могутъ какъ частныя лица, такъ и общества, которыя составляются по акціямъ и учреждаются на общихъ правилахъ товариществъ, или съ особыми преимуществами правительствомъ утвержденными (т. X. ч. I. ст. 2199 и 2200). Изъ уст. Россійскихъ страховыхъ отъ огня обществъ 1, учрежденнаго въ 1827 г. 2, С.-Петербургскаго и 3 Русскаго 1867 г. видно, что предметами страхованія отъ огня могутъ быть движимыя и недвижимыя имущества, за исключеніемъ контрактовъ, обязательствъ, документовъ, векселей, крѣпостныхъ и кредитныхъ бумагъ, пороха и негашеной извести и земли, на которой построенъ предметъ, отдаваемый на страхъ. Договоръ застрахованія совершается объявленіемъ желающаго отдать на страхъ имущество правленію или повѣренному общества, которое по сдѣланіи описи, оцѣнки и плана, когда предметъ страхованія заключается въ строеніи и по полученіи страховой преміи, казенной пошлины и другихъ платежей выдаетъ свидѣтельство, квитанцію, имѣющую полную силу со страховымъ полисомъ. Съ 12 часовъ по полуночи этого дня начинается застрахованіе. Оно считается ничтожнымъ съ уничтоженіемъ объекта застрахованія не отъ пожара, а отъ другихъ причинъ, а также въ случаѣ двойнаго застрахованія, считаемаго подлогомъ. Право застрахованія принадлежитъ собственнику, залогодержателю недвижимаго имѣнія, арендаторамъ и жильцамъ, этимъ послѣднимъ съ правомъ полученія вознагражденія отъ страховаго общества, въ случаѣ пожара, въ той мѣрѣ, въ какой обязались отвѣчать хозяину имущества. Въ виду строгости уставовъ, иначе быть не можетъ для обществъ дѣятельность которыхъ основана на теоріи вѣроятностей, весьма понятно, что существованіе договора застрахованія, въ случаѣ отрицанія его одною изъ сторонъ, не можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями.

14) Договоромъ поручительства (Fidejussio) одно или многія лица, поручаются въ выполненіи обязательства, заключаемаго другимъ въ случаѣ его неустойки. По римскому праву поручительство установлялось посредствомъ уговора (Stipulatio) или посредствомъ письменнаго акта. Оно составляло договоръ придаточный (Contractus accessorius); отсюда слѣдуетъ, что оно могло имѣть мѣсто при заключеніи всякихъ договоровъ и обязательствъ. Вступать въ поручительство могли лица, имѣвшія права обязываться, почему сумасшедшіе, идіоты, малолѣтные, глу-

хіе и нѣмые, несовершеннолѣтніе безъ согласія ихъ попечителей, замужнія женщины, по Senatus Consultum Velleianum, за иностранцевъ, военно-служащіе, лица духовнаго вѣдомства за свѣтскихъ не могли быть поручителями. Далѣе поручительство ограничивалось предѣлами обязательства главнаго должника, съ прекращеніемъ онаго погашалась и отвѣтственность поручителя. Обязанность поручителя переходила и къ его наслѣдникамъ. При стеченіи нѣсколькихъ поручителей каждый изъ нихъ отвѣчалъ кредитору in Solidum, но при этомъ всѣ они были обязаны взаимно помогать одинъ другому. Имъ предоставлялось право возмѣщенія съ должника всего того, что каждый изъ нихъ за него заплатилъ.

У насъ, въ старину, поручительство имѣло весьма важное значеніе. Имъ обеспечивались всѣ дѣйствія суда въ отношеніи къ истцу и отвѣтчику—отъ подачи прошенія до исполненія рѣшенія; договоры между казною и частными лицами; договоры частныхъ лицъ; вѣрность государству; исполненіе обязанностей по службѣ государственной въ отправленіи извѣстныхъ должностей; далѣе поручительство являлось замѣною нынѣшняго полицейскаго надзора за людьми, которыхъ поведеніе сомнительно; употреблялось какъ средство предупрежденія преступленій, какъ залогъ благоустройства и порядка въ государствѣ. *) По словамъ К. А. Неволина самое названіе поручительства, упоминаемаго уже въ Правдѣ Ярослава, заимствовано отъ символистическаго обряда, заключавшагося въ запечатлѣніи обязательства поданіемъ руки. Кромѣ главныхъ поручителей въ старину бывали еще подручники, принимавшіе на себя отвѣтственность за первыхъ. **

По своду зак. гражд. поручительство отнесено къ способамъ обеспеченія договоровъ и обязательствъ *вообще* (т. X. ч. I. ст. 1554). Не могутъ быть поручителями:

1) Малолѣтные (ст. 218).

2) Несовершеннолѣтніе, безъ согласія ихъ попечителей (ст. 220).

3) Глухонѣмые и нѣмые, когда состоятъ подъ попечительствомъ, безъ согласія ихъ попечителей (ст. 381).

---

*) Юрид. Сбор. Д. Мейера „Древне-русское поручительство. С. Капустина“,

**) Ист. росс. гр. зак. К. А. Неволина т. 5. § 392.

4) Лица, признанные установленнымъ порядкомъ т. е. надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ банкротами и несостоятельными должниками (ст. 770 и кас. рѣш. № 174—69 г.).

5) Публично наказанные и лишенные чести (ст. 770).

6) Колонисты, безъ дозволенія ихъ начальствъ (ст. 788).

7) Нижніе воинскіе чины и мастеровые рабочіе горнаго вѣдомства, состоящіе на дѣйствительной службѣ (т. IX примѣч. къ 554 ст. и кас. рѣш. № 641—70).

8) Монашествующіе (т. IX. ст. 264).

9) Лица бѣлаго духовенства (т. IX. ст. 288).

Гр. Касс. Деп. Прав. Сената своими рѣшеніями значительно разъяснилъ юридическія отношенія, возникающія изъ договора поручительства опредѣливъ между прочимъ:

1) Что поручитетьствомъ могутъ быть обеспечиваемы всякіе договоры и обязательства, даже обеспеченнаго закладомъ.

№№ 504 и 522—69 г.).

2) Что отвѣтственность по договору поручительства наступаетъ не прежде, какъ по возникновеніи главнаго обязательства.

№ 504—69 г.

3) Что недѣйствительность этого послѣдняго влечетъ за собою и недѣйствительность поручительства по оному.

(Тамъ же).

4) Что тѣ же послѣднія возникаютъ при измѣненіи или обновленія главнаго договора (новаціи) контрагентами безъ вѣдома и согласія поручителя.

(Тамъ же).

Относительно формы договора поручительства между частными лицами въ разъясненіи 1562 ст. т. X. ч. I. касс. сенатъ опредѣлилъ, что поручительство можетъ быть установлено и въ видѣ *отдѣльнаго поручительнаго акта* и что изложенное въ этомъ узаконеніи правило по которому, *при представленіи къ явкѣ актовъ съ поручительствомъ, требуется сознаніе дѣйствительности оныхъ отъ самихъ поручителей* не можетъ имѣть обратной силы на акты совершенные до 24 ноября 1847 г.

№ 74—69.

Въ нашей кассаціонной практикѣ не возбуждалось вопросовъ о примѣненіи 409 ст. уст. гр. суд. къ договору поручительства. Но не подлежитъ сомнѣнію, что по разуму разсмотрѣнныхъ уже нами касс. рѣшеній, существованіе договора поручительства,

при отрицаніи онаго одною изъ сторонъ, не можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями. Наконецъ, принимая въ соображеніе, что договоръ поручительства, какъ придаточный, можетъ сопровождать договоры совершеніе которыхъ не требуетъ письменной формы (т. X. ч. I. ст. 710. 2 п. 1535, 1700, 1702 и 2226), то оно въ этихъ случаяхъ можетъ быть установлено посредствомъ словеснаго соглашенія. Наше законодательство постановляя порядокъ заключенія словесныхъ договоровъ въ полную зависимость отъ воли договаривающихся лицъ, лишь бы оные утверждались на непринужденномъ произволѣ и взаимномъ согласіи и не содержали въ себѣ ничего законамъ противнаго, (ст. 571) очевидно не причисляетъ обязательства изъ нихъ вытекающія *къ простому обѣщанію* (Nudum pactum).

По гражд. улож. цар. польск. поручительство допускается только по обязательствамъ, имѣющимъ законную силу, а также по такимъ, которыя могутъ быть уничтожены возраженіемъ *исключительно связаннымъ съ личностью должника* напр. въ случаѣ несовершеннолѣтія. Наша касс. практика проводитъ ту же мысль (№ 504—61 г.). Отвѣтственность поручителей переходитъ на ихъ наслѣдниковъ, *за исключеніемъ только личнаго задержанія.* поручительство не предполагается. Форма этого договора письменная, на общемъ основаніи (ст. 1341). По гражд. зак. Отзейской губ. поручительство можетъ быть даваемо во всякой формѣ, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ, въ судѣ или внѣ суда, съ тѣмъ только, чтобы принятіе онаго было положительно заявлено, хотя бы и посредствомъ не допускающихъ никакого сомнѣнія дѣйствій (ст. 4508).

15) Обязательствомъ съ отвѣтственностью или *неустойкою* одинъ или оба контрагента по договору, на случай нарушенія кѣмъ-либо изъ нихъ послѣдняго, обязуются въ пользу той стороны, которой право будетъ нарушено, заплатитъ извѣстную денежную сумму, или исполнить что либо. Неустойка служитъ *укрѣпленіемъ и обезпеченіемъ* договора или обязательства. Право на взысканіе оной открывается съ момента, *въ который неисполненный договоръ долженъ быть исполненъ.* Неустойка *не составляетъ вознагражденія за убытки,* причиненные неисполненіемъ договора, *взысканіе* оной *не освобождаетъ* контрагента *отъ исполненія самаго договора*, если въ немъ не постановлено противное. (Касс. рѣш. № 310—69 г.). *Въ самомъ договорѣ*, по которому неустойка *опредѣлена закономъ*, не можетъ быть вклю-

чено условіе о неустойкѣ *добровольной*; но законъ въ этомъ случаѣ не воспрещаетъ заключеніе *особыхъ отдѣльныхъ* договоровъ о неустойкѣ (ст. 1530, 1575 и 1583 т. X. ч. I и касс. рѣш. №№ 68, 395 и 1139—69 г.). Неустоичная запись можетъ имѣть *самостоятельное значеніе*. Впрочемъ связь неустоичной записи съ главнымъ договоромъ, можетъ быть опредѣлена въ каждомъ данномъ случаѣ лишь самымъ содержаніемъ записи, (рѣш. № 105—67 г.). Само собою разумѣется, что нѣкоторыя изъ этихъ положеній не однообразно проводились нашею кассаціонною практикою. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Садикова (№ 628—68 г.) касс. сенатъ въ разъясненіе 1575 и 1583 ст. зак. гражд. высказалъ мнѣніе, что при опредѣленіи самимъ закономъ неустойки въ видѣ штрафа съ неисправныхъ должниковъ, не можетъ быть включаема *въ долговыя обязательства* добровольная неустойка, которая въ дѣйствительности представляла бы *произвольное разширеніе* обязательства въ случаѣ неисполненія его въ условленный срокъ. Затѣмъ въ рѣшеніи по дѣлу полковника Рота (№ 67—69 г)., касс. сенатъ принимая въ соображеніе, *что закономъ не воспрещено* заключеніе, въ этихъ случаяхъ, особыхъ отдѣльныхъ договоровъ о неустойкѣ и 1530 ст. т. X. ч. I, отмѣнилъ рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты, полагавшей, что неустойка законна только какъ средство укрѣпленія обязательства по такимъ договорамъ, по которымъ не опредѣлена закономъ неустойка. Наша судебная практика много могла бы содѣйствовать развитію права, если бы нашъ кассаціонный судъ послѣдовательно придерживался принципа частнаго права: «все дозволено, что не воспрещено закономъ.» Къ данному же случаю, по нашему разумѣнію, это начало, за высказаннымъ прежде мнѣніемъ кас. сената, примѣнено не со всѣмъ послѣдовательно, такъ какъ и совершеніе *особаго*, отдѣльнаго *догора* о неустойкѣ, все таки, въ сущности, осталось бы *произвольнымъ разширеніемъ* обязательства въ случаѣ неисполненія его въ установленный срокъ, *т.-е. тѣмъ*, противъ чего возсталъ кас. сенатъ рѣш. № 628 — 68 г. Мы однако же присоединимся къ положенію установленному рѣш. № 68—69 г., на томъ основаніи, что условіе о неустойкѣ въ дѣйствительности не увеличиваетъ объема обязательства, для обеспеченія исполненія котораго она установляется какъ закономъ такъ и добровольнымъ соглашеніемъ контрагентовъ.

Далѣе мы не можемъ согласиться, чтобы договоръ о не-

устойкѣ могъ имѣть какое-либо *самостоятельное* значеніе, хотя неустоичная запись и можетъ быть совершена отдѣльно отъ главнаго договора. Это подтверждается и 1554 ст. зак. гражд. Условіе о неустойкѣ, въ существѣ своемъ, и по словамъ кас. сената представляется *ручательствомъ* въ точномъ исполненіи главнаго договора или обязательства (№ 310 — 692), слѣдовательно оно не мыслимо безъ этихъ послѣднихъ. Установленіе по этому предмету правильной юридической квалификаціи весьма важно. Принимая положеніе, нами здѣсь проводимое, очевидно, что недѣйствительность *главнаго обязательства* должна влечь за собою недѣйствительность *неустойки*, но не на оборотъ. Это правило выражено во многихъ кодексахъ, напр. въ Итал. гражд. улож. (ст. 1210), въ гражд. улож. Цар. Польск. (ст. 1227), въ гражд. зак. Остз. губ. (ст. 3378). Наконецъ едва ли можно согласиться съ данными кассаціонной практики и въ томъ, что взысканіе неустойки не лишаетъ права требованія сверхъ того и убытковъ. Основаніемъ къ установленію этого правила послужили 569, 570, 572, 593, 684 и 1585 ст. зак. гражд. Этими укаконеніями повелѣно: 1) Въ видѣ общаго правила, что договоры и обязательства должны быть исполняемы, 2) что въ случаѣ не исполненія они даютъ право требованія всего въ оныхъ постановленнаго. 3) Что это послѣднее право осуществляется или въ порядкѣ *исполнительномъ* (полицейскомъ) или же, въ случаѣ спора, *судебномъ*. Съ судебною реформою полицейскій судъ отмѣненъ. 4) 593 ст. въ сбор. касс. рѣш. по всей вѣроятности составляетъ опечатку. 5) Въ 684 ст. выражено правило не входящее въ сферу договорнаго права—по крайней мѣрѣ по нашимъ гражд. зак. 6) Наконецъ 1585 ст. опредѣляетъ, что неустойка, опредѣленная въ *самомъ* договорѣ, взыскивается въ томъ количествѣ, какое назначено, но независимо отъ взысканія по *исполненію самого договора*, который и при взысканіи остается въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изъяснено, что платежемъ неустойки онъ прекращается.

Кажется мы не ошибемся если замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ узаконеніи не содержится опредѣленія *законныхъ послѣдствій неисполненія договора*, а дѣло идетъ только о томъ, что со взысканіемъ неустойки *самое исполненіе по договору* не прекращается, если тому противное въ немъ не установлено; такимъ образомъ, мы думаемъ, что вопросъ о правѣ требованія

убытковъ, сверхъ взысканія условленной неустойки, остается не порѣшеннымъ приведенными узаконеніями.

По Итал. гражд. улож. неустойка есть вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ кредиторомъ по случаю неисполненія главнаго обязательства (ст. 1212). То же самое выражено и въ 1229 ст. гражд. улож. Цар. Польск. По гражд. зак. Остз. губ. уплата неустойки не освобождаетъ подвергшагося ей ни отъ слѣдующихъ съ него процентовъ или плодовъ, ни отъ вознагражденія за убытокъ, *на сколько таковой превышаетъ размѣръ неустойки*, развѣ бы именно было условлено противное (ст. 3376). Условіе о неустойкѣ въ томъ объемѣ, какой ему дается закономъ и нашею судебною практикою, принадлежитъ къ числу такихъ, которое наичаще нарушаетъ начало равенства. Безъ преувеличенія можемъ сказать, что будучи ничѣмъ *неограниченною* неустойка, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, представляетъ не мало опасностей. Тому много примѣровъ найдется въ лѣтописяхъ суда.

Да не посѣтуютъ на насъ читатели этихъ замѣтокъ за частыя отступленія отъ предмета, поставленнаго въ заглавіи. Вопросы процессуальные, насъ занимающіе, имѣютъ непосредственную связь съ *формами* юридическихъ сдѣлокъ—существо которыхъ также необходимо опредѣлить. Мы не представляемъ полнаго систематическаго изслѣдованія по вопросу о примѣненіи доказательства чрезъ свидѣтелей. Нашъ трудъ ни болѣе ни менѣе, какъ юридическія замѣтки, которыя если послужатъ матеріаломъ для болѣе ученаго комментарія 409 ст. уст. гр. суд., то и задача наша можетъ считаться исполненною.

Порядокъ совершенія неустоичной записи не опредѣленъ закономъ — въ тѣхъ случаяхъ въ которыхъ условіе о неустойкѣ включается въ самый договоръ—оно тѣсно связано съ формою послѣдняго. Когда же неустоичная запись совершается въ видѣ отдѣльнаго акта, то форма его должна быть опредѣлена на основаніи 66 ст. полож. о нотар. части. Отсюда слѣдуетъ, что неустоичная запись совершенная домашнимъ порядкомъ должна считаться дѣйствительною, что при отрицаніи условія о неустойкѣ одною изъ сторонъ, оно не можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями.

А. Фальковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

2) Дѣло о крестьянинѣ Максимѣ Андреевѣ Жереховѣ и друг. по обвиненію перваго въ убійствѣ, а остальныхъ въ укрывательствѣ (Ярославскаго Окр. Суда съ присяж.) . 31

3) Дѣло купца Пяткина (гражд. Моск. Суд. Пал.). . . . 65

VI. — ОБОЗРѢНІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РѢШЕНІЙ ПО ДѢЛУ КН. Ѳ. ГОЛИЦИНА.—**Члена Юрид. Общ.** 69

VII. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ: 409 ст. уст. гр. суд.—II. — **А. М. Фальковскаго.** 85

VIII. — Объявленіе отъ книжнаго магазина **И. П. Анисимова.** . 105

Опечатки: въ Современномъ отдѣлѣ вмѣсто стр. 50—64 слѣдуетъ читать 2—16.

КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

Юридическій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1873 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 8 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ И БОЛѢЕ.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083588
ЮФ СПбГУ